В. Б. ЖИРОМСКАЯ

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БУРЬ: НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х годов

DirectMEDIA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В. Б. Жиромская

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БУРЬ: НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х годов

2-е издание, стереотипное

DirectMEDIA
Москва
Берлин
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
Ж 73

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН *Ю. А. Поляков*

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Ю. В. Мухачев;*
доктор исторических наук *В. Е. Полетаев*

Жиромская, В. Б.

Ж73 После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов / В. Б. Жиромская. – 2-е изд., стер. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. – 199 с.
DOI: 10.23681/561271

ISBN 978-5-4499-0009-8

Книгу отличает новизна теоретического подхода к решению темы и обширный статистический материал, в том числе рассекреченный в последнее время. Показаны те изменения, которые произошли в демографическом и социальном составе населения России и ее регионов после пережитых ими потрясений: людские потери, убыль мужского населения, повышенная смертность и начавшиеся в мирное время компенсаторные процессы в воспроизводстве населения. Особый интерес представляет переосмысление социальных отношений в послереволюционный период, в частности расслоения российской деревни и такого явления, как «осереднячивание».

Для специалистов и всех интересующихся проблемами российской истории и демографии.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-4499-0009-8

© Жиромская В. Б., текст, иллюстрации, 2019
© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена одному из ключевых периодов российской истории, который в настоящее время вызывает острый интерес и жаркие споры. В научной и публицистической литературе сталкиваются полярные точки зрения – от крайней идеализации общества 20-х годов до безапелляционно негативной его оценки.

Эта книга – приглашение к размышлению над неизвестными и давно известными фактами, явлениями и их интерпретациями. Хотелось бы в связи с этим привлечь внимание исследователей к некоторым вопросам, отраженным в названиях глав:

– возрастнополовой состав населения: произошла ли демографическая компенсация в середине 20-х годов?

– была ли российская деревня «середняцкой»?

– городское население: «новая» структура?

Как видно из этих названий, объект исследования – социально-демографический состав российского общества, которое только что было потрясено глубочайшими социальными катаклизмами и ступило на путь восстановления хозяйства в условиях возрождающейся рыночной экономики в рамках государственного администрирования.

Итак, каждому из поставленных вопросов в книге посвящена специальная глава. В первой из них рассматривается состав населения России по полу и возрасту в общем и региональном планах. Выбор регионов обусловлен наиболее ярко выраженной спецификой возрастнополовой пирамиды населения. В центре внимания – вопрос о понесенных Россией людских потерях, нарушениях в возрастно-половой структуре и демографических процессах.

Во второй главе исследуется некооперированное крестьянство российской деревни, соотношение различных составляющих его социальных слоев и групп в условиях нэпа. В связи с этим поставлены вопросы о сущности дифференциации как социально-экономической, так и демографической и так называемого «осереднячивания» деревни.

Третья глава посвящена изучению социального состава российских городов. Городское население в первой половине

20-х годов не превышало 14–15 % жителей республики и имело сложную социальную структуру со множеством различных групп и слоев. Центральным здесь является вопрос о содержании и направленности социальных процессов, развивавшихся в условиях возрождавшегося рынка, и воздействии на эти процессы государственной политики. В главе освещается специфика социального состава городов крупных регионов России.

Исследование охватывает 1920–1926 гг. Однако при необходимости мы выходим за пределы этих хронологических рамок. Например, в главе о крестьянстве привлечен значительный материал, относящийся к 1918–1920 гг., без которого невозможно, на наш взгляд, объяснить процессы, происходившие в «нэповской» деревне.

Территориально исследование охватывает Российскую Федерацию в границах 1920 г., т. е. включая Казахстан и Среднюю Азию.

* * *

О социальной и демографической структуре города и деревни 20-х годов написано довольно много научной литературы, хотя эти проблемы изучены неравномерно и больше в этом отношении повезло тем из них, которые так или иначе связаны с крестьянством. Одни из этих работ на сегодняшний день полностью устарели, не выдержав испытания временем, другие, хотя их концепции архаичны (что было обусловлено конъюнктурой 60-х и особенно 70-х годов), содержат при этом богатый фактический материал, не утративший актуальности. Но есть работы, авторами которых были поставлены вопросы, обгонявшие уровень исторического видения того времени. Глубина решения в них ряда проблем стала ясна только теперь. К этой последней категории относятся исследования А. Г. Вишневского, В. П. Данилова, В. П. Дмитренко, В. З. Дробижева, В. В. Кабанова, Ю. А. Полякова, Б. Ц. Урланиса, Д. К. Шелестова[1].

---

[1] *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1977; *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; *Дмитренко В. П.* Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу, 1921–1924. М., 1971; *Дробижес В. З.* У ис-

Особую ценность представляют собой работы статистиков, изданные в 20-е годы. Они содержат разработки по методике изучения социальных отношений того времени и обильные статистические данные. Это труды А. Гайстера, И. К. Воронова, Ю. Ларина, Л. Е. Минца, В. С. Немчинова, А. И. Хрящевой, А. В. Чаянова и др.[2]

В самое последнее время появились исследования с новым концептуальным осмыслением социальных отношений в период нэпа. К ним следует отнести статьи и очерки Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова, В. П. Булдакова и В. В. Кабанова, В. П. Данилова, В. П. Дмитренко и др.[3]

Источниками для настоящей работы послужили материалы архивов РГАЭ и ГАРФ, особенно фонды личных архивов таких статистиков, как Н. Я. Воробьев, П. И. Попов, А. И. Хрящева. Многие из документов, хранящиеся в этих архивах, вводятся в научный оборот впервые.

Среди опубликованных источников обширный социально-демографический материал включают переписи населения: Перепись населения 1920 г., Сельскохозяйственная перепись 1920 г., Всесоюзная городская перепись 1923 г., Всесоюзная

токов советской демографии. М., 1987; *Кабанов В. В.* Социально-демографические процессы крестьянского двора, 1917–1920 гг. // Население и трудовые ресурсы советской деревни (1917–1984 гг.); *Поляков Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; *Урланис Б. Ц.* Динамика уровня рождаемости за годы Советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977; *Шелестов Д. К.* Историческая демография. М., 1987.

[2] *Гайстер А.* Расслоение советской деревни. М., 1928; *Он же.* Социальные сдвиги в советской деревне // На аграрном фронте. 1928. № 1; *Воронов И. К.* Групповой состав Воронежской деревни. Воронеж, 1925; *Ю.* Итоги, сроки, перспективы. М., 1927; *Минц Л. Е.* Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1926; *Немчинов В С.* Избранные произведения. М., 1967; *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве. М., 1923; *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989.

[3] *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* Диалектика теории и практики социалистического строительства: к вопросу о деформациях социализма // История СССР. 1989. № 6; *Булдаков В. П., Кабанов В. В.* «Военный коммунизм» идеология и общественное развитие // Вопр. истории. 1990. № 3; *Данилов В. П.* К истории коллективизации // История СССР. 1991. № 5; *Дмитренко В. П.* «Военный коммунизм», нэп // Там же. 1990. № 3.

перепись населения 1926 г. Они содержат обильные статистические данные по регионам страны, до настоящего времени недостаточно используемые в научной литературе. Кроме того, в работе привлечены сведения по текущей статистике, содержащиеся в разного рода справочниках и ежегодниках, издававшихся в 1920-е годы. Изучены также материалы периодической печати 20-х годов.

Автор приносит глубокую благодарность дочери Н. Я. Воробьева Наталье Николаевне и внучке А. И. Хрящевой и П. И. Попова Юлии Ивановне Ярош за разрешение использовать документы личных архивов этих известных статистиков, хранящиеся в РГАЭ.

ГЛАВА I
Возрастно-половой состав населения: произошла ли демографическая компенсация в середине 20-х годов?

Как известно, начиная с 1914 и вплоть до 1921 г. Россия пережила две кровопролитные войны – Первую мировую и Гражданскую, и революцию. Людские потери, связанные с этими социальными потрясениями, оставили глубокий след в возрастно-половой структуре россиян.

В канун XX в. Россия имела традиционное расширенное воспроизводство населения с высокой рождаемостью и смертностью и соответствовавший ему демографический состав, который характеризовался большим удельным весом детей и молодежи и небольшой долей лиц пожилого возраста.[1] Так, в Европейской России в 1897 г. дети от 0 до 10 лет составляли 1/4 населения, а лица от 0 до 30 лет – почти 2/3 (свыше 60 %), зато на людей в возрасте от 60 лет и старше приходилось менее 8 %. Наблюдалась высокая смертность населения всех возрастов, особенно в периоды эпидемий и голода. В 1896–1897 гг. общий коэффициент смертности в Европейской России равнялся 34,8 %, а в некоторые неблагоприятные годы (неурожаев и эпидемий) поднимался до 41 ‰ (например, в 1892 г.). В начале XX в. показатели смертности несколько понизились, но тем не менее, продолжали оставаться высокими. В России в 1901–1910 гг. общий коэффициент смертности достигал 29,9 ‰, а в 1911–1913 гг. – 27,1 ‰. Очень высоким в конце XIX – начале XX в. был показатель младенческой смертности – 326 ‰, т. е. из каждых 10 родившихся младенцев умирали 3,3. Средняя продолжительность жизни была невелика. В 1896–1897 гг. она составляла в Европейской России для мужчин 31,4 года, а для женщин – 33,4 года[2]. Как мы видим, разница в продолжительности жизни в пользу женщин была небольшой. Соотношение полов во всех возрастах не было нарушено.

---

[1] *Шелестов Д. К.* Историческая демография. М., 1987. С. 165.

[2] См.: *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. М., 1956. С. 153–169, 188; Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 48; Воспроизводство населения в СССР. М., 1983. С. 57.

Равновесие складывалось уже к 4-летнему возрасту, колебания в ту или иную сторону начинались после 45 лет, и только после 60 лет оно нарушалось в пользу женщин. При таком соотношении полов высоким был уровень брачности. По переписи 1897 г. женщин, состоявших в браке в возрастной группе 20–29 лет, было 75,9 %, а в возрасте 30–39 лет и того больше – 87,3 %. Высокой в России была и рождаемость. В 1896–1897 гг. в Европейской России ее общий коэффициент равнялся 50,5 ‰. В некоторых губерниях он поднимался до 60 ‰. В то же время во Франции общий коэффициент рождаемости едва превышал 20 ‰, в Германии – 34,3 ‰, в Англии и Уэллсе – 28–29 ‰.

Несмотря на высокие показатели смертности, ежегодный прирост населения в дореволюционной России составлял 14,9 ‰ (подсчеты А. Г. Рашина), а по оценкам современных исследователей (например, С. В. Захарова), он был еще выше – 15,7 ‰[3]. В результате население Российской Империи в целом увеличилось с 128,9 млн в 1897 г. до 165,7 млн (без Финляндии) накануне Первой мировой войны (в 1914 г.). По подсчетам Б. Ц. Урланиса, население Европейской России в 1900 г. составляло 111,2 млн[4].

Определением численности населения России и масштабов понесенных в 1914–1921 гг. потерь занимались многие отечественные и зарубежные историки и демографы. Сложность подсчетов, ограниченность и противоречивость источников привели исследователей к разным цифровым результатам. Однако все авторы констатируют значительное падение численности населения России за годы Первой мировой и Гражданской войн и первых мирных лет. Мы приведем здесь численность населения России, рассчитанную Ю. А. Поляковым, И. Н. Киселевым и Б. А. Устиновым за эти годы, поскольку данные приводятся в сопоставимых территориаль-

---

[3] *Рашин А. Г.* Указ. соч. С. 153, 169; Народонаселение: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 399; *Adametz S., Blum A., Zakharov S.* Disparity et variability des catastrophes demographiques en URSS. P., 1994. P. 62.

[4] *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет. М., 1973. С. 151; *Сифман Р. И.* Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в СССР. С. 205; *Шелестов Д. К.* Указ. соч. С. 165; *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941. С. 414–415.

ных границах (за основу взяты границы 1926 г.). Население страны осенью 1917 г. насчитывало, согласно их расчетам, 147 644 тыс. человек, в начале 1920 г. – 137 563 тыс. (без Бухары и Хивы), а с Бухарой и Хивой – 140 563 тыс., на начало 1921 г. – соответственно 133 757 тыс. и 136 707 тыс., на начало 1922 г. – в 131 903 тыс. и 134 903 тыс. человек.

Таким образом, по расчетам этих авторов, с осени 1917 г. население страны сократилось к 1920 г. на 7,1 млн человек, к 1921 г. на 10,9 млн, к 1922 г. на 12, 7 млн, по сравнению же с январем 1914 г. в сопоставимых территориальных границах 1939 г. убыль населения к началу 1920 г. составила 2,4 млн человек, 1921 г. – 6,2 млн, 1922 г. – 8,0 млн. По данным С. В. Захарова людские потери страны в 1916– 1921 гг. колеблются в пределах от 12 млн до 18,6 млн человек (в зависимости от методики исчисления темпов прироста населения в анализируемый период)[5].

Людские потери нарушили соотношение полов, особенно в деревне. Среди лиц 1894–1898 гг. рождения соотношение мужчин и женщин составляло 1:2, а среди лиц 1899–1903 гг. рождения – уже 1:2,3. В 1917 г. в сельской местности Смоленской губернии отсутствовали 44 % взрослого мужского населения, Владимирской – 54 %. Естественно, что в этих условиях сократился уровень брачности. По сравнению с 1913 г. в 1914 г. количество браков уменьшилось на 15 %, в 1915 г. – на 54 %, в 1916 г. – на 56 %. Убыль мужского населения (по подсчетам И. П. Ильиной) привела к тому, что в 1917 г. в России было заключено лишь 65 % от числа браков, состоявшихся в 1913 г. Общий дефицит браков за три года Первой мировой войны составил около 1700 тыс.

Значительно возросла в военные годы смертность населения. По сравнению с 1913 г. количество умерших в 1915 г. увеличилось в Вятской губернии на 10 %, в Саратовской – на 16 %, в Самарской – на 35 %[6] и т. д.

---

[5] См.: *Поляков Ю. А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 94, 98; Народонаселение. С. 398–399.

[6] *Ильина И. П.* Влияние войны на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. С. 11, 50; Статистический ежегодник, 1918–1920 гг. // ТР. ЦСУ СССР. 1921. Вып. 1. С. 2–3, 57–61; *Дробижев В. З.* У истоков советской демографии. М., 1987. С. 63;

Потери мужского населения и снижение брачности привели к падению рождаемости. В 10 губерниях Европейской России по сравнению с 1913 г. ее показатель понизился в 1914 г. на 19 %, в 1915 г. на 58 %, в 1916 г. на 57 %. Падение рождаемости не прекратилось и в 1917 г. Так, в Вологодской губернии в тот год общий коэффициент рождаемости составил 18,8 ‰, в Тверской – 25,4 ‰, в Ярославской – 26,9 ‰, а в Москве и Петрограде – 19,6 и 18,7 ‰[7].

1918 год отмечен первой волной демобилизации, что сразу сказалось на повышении брачности, ее показатель (по сравнению с 1917 г.) вырос в Петрограде с 4,7 до 8,5 ‰, Москве с 3,9 до 5,3 ‰, в Ярославле с 6,4 до 11,2 ‰; в сельской местности Европейской России – примерно в 2 раза. В 1919 г. начала повышаться рождаемость, хотя ее уровень был еще очень далек от довоенного. По отношению к 1917 г. общий коэффициент рождаемости вырос в Саратовской губернии с 29,9 до 34,2 ‰, в Вологодской – с 18,8 до 31,7 ‰ и т. д. Однако эта тенденция не была устойчивой в условиях идущей Гражданской войны. В ряде местностей коэффициент рождаемости продолжал понижаться и после демобилизации – например, в Орловской, Петроградской губерниях и в др.[8]

В 1920 г. после окончания Гражданской войны последовала вторая волна демобилизации. Это увеличило долю мужского населения в городах и деревнях ряда губерний. Но были и такие среди них, где доля мужчин продолжала уменьшаться, в частности в Казани и Владимире. Еще не все мужчины вернулись с фронтов, а среди возвратившихся была высокой смертность от ран и болезней. Тем не менее показатели брачности по сравнению с аналогичными показателями 1917 г. увеличились: в Петрограде до 20,7 ‰, в Москве – до 19,6 ‰, в Орле – до 21,3 ‰ (по сравнению с 1915 г.)[9].

Новосельский С. А. Влияние войны на естественное движение населения // Тр. комиссии по обследованию санитарных последствий войны, 1914–1920 гг. М.; Пг., 1923. Вып. 1. С. 137, 115.

[7] *Новосельский С. А.* Указ. соч. С. 137; *Дробижев В. З.* Указ. соч. С. 65.

[8] *Новосельский С. А.* Указ. соч. С. 107; *Дробижев В. З.* Указ. соч. С. 66–67; *Струмилин С. Г.* Трудовые потери России в войне // Народное хозяйство. 1920. № 18. С. 104.

[9] Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Пг., 1921. Вып. 5. С. 23: Бюллетень Орловского губстатбюро. Орел, 1925. Вып. 4. С. 4.

В городах и селах было много вдов, в связи с чем возросло число повторных браков. Однако увеличение числа браков далеко не везде вызвало рост уровня рождаемости, например, в Ярославле и Орле он даже понизился. Общий коэффициент рождаемости в среднем колебался от 23 до 27‰. По 17 губерниям Европейской России он нигде не достиг уровня 1913 г.[10]

Смертность населения продолжала и в 1920 г. оставаться высокой. Во многих районах и городах Европейской России, в частности Саратове, Екатеринбурге, Москве, Петрограде ее показатель был почти в 2 раза выше, чем в 1914 г. В целом в Европейской России общий коэффициент смертности составлял 40,9 ‰, в 1920 г. было зафиксировано, по неполным данным, 3,1 млн умерших[11]. Сказывались не только продолжавшиеся военные действия и связанные с этим потери, но и ослабленное здоровье и истощение людей, распространение инфекционных болезней, плохое питание и тому подобные факторы. Смертность мужчин была 1,5 раза выше, чем женщин. Оставалась высокой младенческая и детская смертность. По неполным данным переписи 1920 г., на территории РСФСР были зафиксированы 84 282 906 жителей, в том числе 72 231 692 в селах и 12 051 264 в городах[12]. Потери населения с 1914 по 1920 г. деформировали демографическую структуру общества и естественный процесс ее воспроизводства, что имело долгосрочные последствия. Прежде всего было нарушено соотношение полов. Процент женщин в населении РСФСР составил 55,1, а мужчин – 44,9. При этом соотношение полов в пользу женщин было нарушено главным образом в молодых возрастных группах и отчасти в группе 30 до 40 лет, т. е. пострадали самые перспективные с точки зрения воспроизводства населения и восполнения трудовых ресурсов возраста. Если в группе 14-летних соотношение полов было 1:1, то уже среди лиц 18-летнего возраста женщин было 60,7 % (в Европейской России

[10] *Дробижев В. З.* Указ. соч. С. 65–67.

[11] *Adametz S.* et al. Op. cit. P. 72–73.

[12] Территория РСФСР была охвачена переписью 1920 г. без Киренского, Бодайбинского, Селенжинского, Сергуцкого, Славгородского, Березовского уездов Сибири и Тимирского уезда Киргизии (см.: Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923. М., 1924. С. 12, 24).

даже 61 %). Более всего пострадала молодёжь 20–24 лет, удельный вес женщин в этой возрастной группе был самым высоким и достигал почти 72 % (в Европейской России 64 %), а мужчин было всего 28 %. Большие потери понесли также мужчины 25–29 лет, среди всех лиц этого возраста они составляли 33,7 % (в Европейской России 42,5 %). Даже в группе лиц 30–39-летнего возраста нарушение соотношения полов было выше среднего показателя по РСФСР – 57,5 % в пользу женщин. В сельской местности Европейской России потери мужской части населения были еще заметнее. Особенно пострадали лица в возрасте 20–24 и 25–29 лет – женщин среди них было соответственно 76,6 и 71,2 %[13].

Нарушено было и соотношение самих возрастных групп: в РСФСР группа от 0 до 30 лет, составлявшая по переписи 1897 г. более 60 % всего населения, в 1920 г. насчитывала лишь 48,5 %. Доля подростковой и молодежной возрастных групп сократилась в 1920 г. (по сравнению с аналогичными показателями 1897 г.) в 1,5 раза, главным образом за счет молодежи 20–29 лет. Невысоким был удельный вес и следующей возрастной группы – 30–39 лет, на которую приходилось 11,1 %. Более трети населения составляли люди 40 лет и старше, притом доля лиц старше 60 лет и детей осталась неизмененной и составляла также, как и в 1897 г.: соответственно 8 % и 25 % от всего населения).

Известно, что и в 1920 г. наблюдалась высокая смертность детей и стариков и в этой связи сохранить прежний удельный вес они могли лишь в результате вымывания молодежных возрастных групп. Сложилась, таким образом, возрастная структура, деформированная военными потерями, с преобладанием детей, подростков и пожилых людей.

Еще не успела отгреметь Гражданская война, как страну постигло новое бедствие – голод на обширной территории России. Смертность населения оставалась высокой и в 1921, и в 1922, и отчасти в 1923 гг. и превосходила уровень довоенного времени. Так, в 1920–1922 гг. во Владимирской губернии коэффициент смертности достигал 31,3 ‰ по сравнению с

[13] Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923. М., 1924. С. 10, 11, 21–23.

30,2 ‰ в 1911–1913 гг.; в Москве – соответственно 36,7 и 25,6 ‰; Костромской губернии – 32,1 и 29,9 ‰; Саратовской губернии – 33,8 и 12,6 ‰; Татарии – 47 и 30,4 % и т. д. Особенно большими в 1921 г. людские потери были в Поволжье, сильно пострадавшем от голода. Так, в Казани общий коэффициент смертности достигал 40 ‰, а в 1922 г. – 45 ‰, в Саратове – 62 ‰. Высокий показатель смертности был характерен и для некоторых других районов, например в Вологде он равнялся 41,5 ‰. В среднем в российских городах, где люди особенно страдали от голода, коэффициент смертности в 1921 г. составлял 38,2 ‰, а в сельской местности – 26,1 ‰. В той же Саратовской губернии в селах он насчитывал 30 ‰, в городах – 60 ‰[14]. Однако тогда же, в начале 20-х годов, в некоторых районах РСФСР наметилась тенденция к снижению смертности (в Нижегородской губернии, например, где коэффициент смертности понизился по сравнению с довоенным 1913 г. с 31,2 до 27,3 ‰, аналогичным образом обстояло дело в Смоленске, Пскове и Новгороде). Но устойчивость тенденции к понижению смертности для большинства районов РСФСР приобрела лишь в 1923 г.: коэффициент смертности в основном не превышал 32 ‰, а в некоторых районах опускался даже до 18 ‰, т. е. был ниже довоенного показателя[15].

В начале 20-х годов продолжало возрастать число браков. Причин тому было много – и окончание войны, и упрощение как процедуры вступления в брак, так и развода в связи с новым законодательством. Во многих районах России показатель брачности в 1920, 1921, 1922 гг. превышал довоенный: в Новгородской губернии 11,8 (в 1913 г. – 8 %), Нижегородской – соответственно 10,2 и 7,6 %, Костромской – 10,9 и 8,4 % и т. д. Отношение к браку оставалось еще в значительной степени традиционным, разводились редко, семья была стабильной. В 1920–1922 гг. на 243,5 брака приходилось всего 18,3 развода. Это наблюдение сделано по 19 губерниям Европейской России. Однако число разводов имело тенденцию к росту: в 1920 г. оно

[14] Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923. М., 1924. С. 15–17, 27–29,42; *Дробижев В. З.* Указ. сом. С. 90–92.

[15] Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923. С. 42; *Дробижев В. З.* Указ. соч. С. 101.

составило 19 тыс., в 1921 г. – 32 тыс., в 1922 г. – 31 тыс. Хотя общий коэффициент рождаемости к 1923 г. повысился, довоенного уровня он все же не достиг и в среднем для городов России составлял 33,7 ‰. Последствия голода 1921 г. отрицательно повлияли на рождаемость. Если в 1921 г. она составляла 34 ‰, то в 1922 г. – только 25 ‰. В сельской местности показатель рождаемости равнялся в 1921 г. 37 ‰, в 1922 г. – 34 ‰, в 1923 г. – 41 ‰[16].

1925–1928 годы характеризовались высокими показателями рождаемости, особенно это относится к 1925–1926 гг. Принято считать, что повышение коэффициентов рождаемости к середине 20-х годов, связанное с ее компенсаторным ростом, восполняло потери населения. Действительно, общий коэффициент рождаемости в европейской части страны ни разу не опускался ниже 44,7 ‰, а эффективной рождаемости – 30,7 ‰. Самый высокий коэффициент рождаемости приходился на 1925 г. – 45,0 ‰, а самый высокий коэффициент эффективной рождаемости (с 1917 по 1940 г.) – на 1926 г. Однако, как отмечает Д. К. Шелестов, довоенный уровень рождаемости так и не был достигнут. Лишь на 3 года показатель рождаемости в середине 20-х годов приблизился к нему. При этом нельзя не учитывать, что, хотя естественный прирост населения в те годы в большинстве губерний был положительным, уровень детской, особенно младенческой, смертности продолжал оставаться высоким. В 1924 г. на каждую 1000 родившихся умирал 191 младенец, т. е. 19 %, в 1925 г. – 20 %, в 1926 г. – 17 %, в 1927 г. – 19 %. Среди детей, умерших в возрасте от 1 до 4 лет, 10 % приходилось на эти относительно благополучные годы[17]. Таким образом, разрыв между показателем эффективной рождаемости и общим коэффициентом рождаемости в те годы был достаточно велик.

В мирных условиях в Европейской России общий коэффициент смертности в 1925 г. понизился до 24,1 ‰, а в Центрально-Промышленном районе – до 22,1 ‰. Увеличилась средняя продолжительность жизни – мужчин до 42 лет, женщин – до

[16] Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923. С. 40–42; *Дробижев В. З.* Указ. соч. С. 90, 100–101.

[17] *Шелестов Д. К.* Указ. соч. С. 169; *Ильина И. П.* Указ. соч. С. 17.

47[18]. Однако уже к 1928 г. повысился коэффициент смертности, а к 1930 г. снизилась рождаемость. Проявилась неблагоприятная тенденция, особенно в городах, к ранней смерти мужчин в трудоспособных возрастах и как следствие – увеличивающийся разрыв между продолжительностью мужской и женской жизней. Кроме того, даже в те относительно благоприятные годы (середина 20-х годов) на долю внешних (экзогенных) причин смертности приходилось 2/3 всех смертей, что свидетельствует о подверженности населения массовым инфекционным заболеваниям, высоком травматизме на фоне недостаточного медицинского обслуживания, которым большая часть населения еще не была охвачена. Это неблагоприятное положение в области здравоохранения постоянно фиксировалось демографической литературой разных лет.

Повышение рождаемости и некоторое снижение смертности в середине 20-х годов не могли полностью компенсировать людские потери 1914–1922 гг., а главное – не могли преодолеть нарушение в развитии демографических процессов и демографической структуре населения.

«Демографическое эхо» войны нашло отражение в деформации половозрастной структуры населения России, на восстановление которой требовалось десятки лет. Диспропорция полов и возрастных групп нашла отражение во всей полноте во Всесоюзной переписи населения 1926 г.

К 1926 г. население Союза в целом увеличилось (по данным переписи 1926 г.) до 147 млн человек, по оценке статистика 20–30-х годов М. В. Курмана – до 145,8 млн, по оценке современных исследователей – до 148,5 млн[19].

По переписи на территории РСФСР в границах 1926 г. (включая Казахстан и Киргизию) проживали 100,8 млн человек: 48,2 млн мужчин и 52,6 млн женщин[20]. Война нарушила

[18] *Adametz S.* et al. Op. cit. P. 73.

[19] Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 17; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991. С. 44, 46; *Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т.* Опыт оценки численности населения СССР 1926–1941 гг.: (Краткие результаты исследования) // Вест. статистики. 1990. № 7. С. 35; Социологические исследования. 1990. № 6. С. 24.

[20] Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 9. С. 24.

соотношение полов: мужчин стало на 4,5 млн меньше, чем женщин, а их доля в составе населения равнялась 47,8 % по сравнению с 52,2 % женщин. В ряде возрастных групп женщины значительно преобладали – от 52,4 до 61,8 %. Как уже отмечалось, особенно пострадала от военных потерь группа молодежи в возрасте 25–29 лет, в которой женщины составляли 55,1 %. Этот показатель выше общесоюзного на 0,7 %. Нарушение в соотношении полов наблюдалось и в группе 30–34 года, самом трудоспособном возрасте, этим людям в годы гражданской войны было 22–26 лет. Среди них женщины преобладали над мужчинами на 7 %. Нарушение в соотношении полов в этих группах отрицательно сказывалось на демографической ситуации, поскольку их возраст являлся детородным. Значительно нарушенным оказалось равновесие полов среди лиц старше 55 лет, где женщины составляли от 54 до 62 %. Однако здесь сказывалось влияние и таких факторов, как бóльшая продолжительность жизни женщин по сравнению с продолжительностью жизни мужчин.

Высокий уровень рождаемости после войны обусловил увеличение доли детей и подростков в составе населения РСФСР. Удельный вес детей от 0 до 4 лет составлял 15,3 %, доля же детей от 5 до 10 лет, рожденных в военные годы, не превышала 10,2 %. Война отразилась на уровне смертности детей 10–14 лет, появившихся на свет в основном еще до Первой мировой войны. На их долю приходилось 11,8 % населения. В целом же дети и подростки от 0 до 14 лет составляли 37,0 %, т. е. более трети всего населения. Высокий удельный вес детей и подростков типичен для общества, которое, с одной стороны, едва вступило в стадию демографического перехода; а с другой – только что пережило войну. Преобладание традиционного типа воспроизводства населения проявилось также в высоком удельном весе молодежи в населении российского общества. Так, возрастная группа 15–19 лет составляла 11 %, 20–24 лет – 9,4 %, а 25–29 лет – 8,0 %. Если учесть все возрастные группы молодежи, то в совокупности доля молодых людей составляла около 30 % населения.

Особенно большие потери понесли группы среднего возраста, так, удельный вес лиц 30–34 лет едва превышал 6 %, 35–39 лет – 5,7 %, 40–44 лет – 4,7 %, а 45–49 лет – 4,0 %, т. е. доля наиболее зрелой части населения не достигала и 20 %.

Удельный вес лиц пожилого возраста был незначителен (50–59 лет – 6,5 %; 60 лет и более – 6,7 %), это типичное явление для традиционного воспроизводства населения, для которого характерны высокая рождаемость и высокая смертность. Кроме того, война сказалась и на группах лиц пожилого возраста – разруха, голод способствовали повышению уровня их смертности.

Итак, население РСФСР в 1926 г. было молодым: 67 % его составляли дети, подростки и молодые люди до 30 лет. Любопытно отметить, что при очень незначительных численности и удельном весе стариков среди них встречались долгожители. Так, по переписи 1926 г., стариков в возрасте 95–99 лет было 23 тыс., 100 лет и старше – 15,7 тыс.

Возрастно-половая структура населения города отличалась от сельской. В городах уровень рождаемости был ниже, соответственно группа лиц от 0 до 15 лет составляла там меньшую долю – 29,3 % по сравнению с 38,9 % в сельской местности. Напротив, удельный вес молодежи 15–29 лет в сельском населении был ниже, чем в городском – 28 % по сравнению с 33,5 %.

В связи с начавшейся индустриализацией активизировалась миграция сельского населения в город. Среди мигрантов более мобильная молодежь составляла большинство и явно преобладала над лицами других возрастов. Не имевшие еще собственного хозяйства и не ставшие еще главами семей молодые люди сравнительно легко покидали родные деревни. Но среди мигрантов были люди и зрелого возраста – 30–49 лет. Одни из них возвращались в города, которые покинули в годы войны и разрухи, спасаясь от голода. Другие были мобилизованы на работу в промышленности и строительстве. Немало было среди них разоренных крестьян. Наконец, рабочая сила в городах пополнялась и за счет заключенных. В результате доля лиц в возрасте 30–49 лет в городском населении была больше, чем в сельском, – соответственно 25,2 и 19,6 %.

Удельный вес лиц 50–59 лет в городе и деревне был в составе населения одинаков. Зато людей 60 лет и старше в составе сельского населения перепись зафиксировала значительно больше, чем в составе городского, – соответственно 12,7 и 5,6 %. Пожилые люди, более привязанные к месту обитания,

редко мигрировали в города; скорее, напротив, многие горожане, сохранившие связь с деревней, возвращались туда на старости лет.

По данным переписи 1926 г., процент женщин в сельском населении был несколько выше, чем в городском, – соответственно 52,4 и 51,5 %. В селах среди детей в возрасте от 0 до 4 лет мальчиков оказалось больше, чем девочек, и это соотношение полов в пользу мужчин сохранялось вплоть до 15 лет, а затем менялось в пользу женщин. Если учесть все возрастные группы (начиная с 15 лет), то доля женщин в них колебалась от 52,1 до 60,1 %.

В городах соотношение полов внутри возрастных групп выглядело несколько иначе: начиная с 10-летнего возраста женщины преобладали над мужчинами почти во всех возрастных группах. Уже в группе от 10 до 14 лет их – 51,2 %, а в возрасте 15 лет – 53,3 %. Такая же картина в соотношении полов наблюдалась в группе 16–19 лет. Зато в группах от 20 до 55 лет удельный вес женщин был ниже, чем в деревне, и преобладание его над удельным весом мужчин выражено слабее. Даже среди 25–29-летних доля мужчин (хотя нарушение пропорций здесь очень ощутимо) была все же выше, чем в соответствующей группе сельского населения. А в ряде групп городского населения, например 40–49 лет, мужчин было даже больше, чем женщин. Так повлиял на возрастно-половую структуру миграционный поток из деревни в город. Что касается соотношения мужчин и женщин в возрастных группах от 60 лет и старше, то в городе оно выражалось как 1:1,8, а в деревне – как 1:1,3 в пользу женщин. Это связано с тем, что разница в продолжительности жизни женщин и мужчин в городе была больше, чем в деревне.

Последствия военных потерь, голода 1921 г. сказались и на возрастно-половом составе самодеятельного, занятого населения, которое составляло в РСФСР 86,6 млн человек, или 58,0 % всего населения. Среди мужчин процент занятого населения был выше, чем среди женщин (64,2 и 52,6). В деревне доля занятого населения была больше, чем в городе – 61,3 и 43,8 %. Это объяснялось наличием в городе значительного числа учащихся, а также более поздним приобщением детей и подростков к трудовой деятельности, которую в основном они начинали в 16 лет.

Особенно велика была разница в занятости женщин в городе и селе. Если в деревне доля занятых женщин составляла 57,8 % от всего женского населения села, т. е. более половины всех женщин, проживавших там, то среди горожанок работающих женщин – всего 28,4 %, или чуть более четверти. В городах в условиях безработицы, при наличии многодетных семей женщина реже участвовала в производстве, да и сам трудовой процесс не был таким естественным, как в деревне.

Данные о возрастной структуре самодеятельного населения также отразили последствия войны. Среди занятых довольно много было 10–15-летних подростков (14,1 %), вместе с молодежью от 16 до 30 лет они составляли 53 %, т. е. больше половины всех работающих; лиц зрелого возраста, от 30 до 49 лет – 30,2 %; лиц пожилого возраста, от 60 лет и старше, – всего 6,7 %. Хотя занятость подростков была все еще достаточно велика, последствия войны и обусловленная ими необходимость привлекать нетрудоспособное население к работе начали преодолеваться, если судить по незначительному проценту стариков, заменявших на производстве ушедших на фронт. О том же свидетельствуют данные о группе лиц предпенсионного возраста, имевших невысокий удельный вес среди работающих – 9,0 %.

Возрастной состав работающих женщин был ниже, чем у мужчин. Доля женщин 16–29 лет составляла 40,4 % всех занятых женщин. Это значит, что бóльшая часть женщин работали до замужества, когда еще у них не было семьи и детей. Начиная с 25-летнего возраста удельный вес занятых женщин сокращался.

Возрастные структуры самодеятельного населения города и деревни отличались друг от друга. В городе по сравнению с деревней было очень мало работающих детей, подростков и стариков. Так, процент занятых городских детей 10–14 лет достигал 2,7, а на селе – 12,4; процент подростков 16–17 лет – соответственно 4,2 и 7,4. Группа 20–24-летних в городе преобладала – 16,2 % (в селе – 13,1 %). Всего же молодежь 16–29 лет в городах составляла 41,8 %, в селе – 38,5 %. Однако в деревне было больше работающих детей и подростков – подпасков, пастухов, батраков, тогда как в городе в то время уже действовало трудовое законодательство, запрещавшее детский труд.

Людей зрелого возраста в самодеятельном населении города и села было меньше, чем молодежи, – 38,9 и 29,8 %; 50–59-летних – соответственно 9,3 и 8,9 %. Что касается лиц старше 60 лет, то в занятом населении городов их удельный вес составлял 6,0 %, а в селе – 6,7 %. В городе в 20-е годы уже действовала система пенсионного обеспечения, которой в деревне не существовало, поэтому соотношение занятости у пожилых людей сложилось несколько иное, чем в других группах.

Доля мужчин в самодеятельном населении превышала удельный вес женщин – 53,3 и 46,7 %. При этом преобладание в городе занятых мужчин было выражено ярче – 67 и 33 %; в селе – соответственно 51,1 и 49,9 %, т. е. почти поровну, что объяснялось характером самого сельского труда. Соотношение мужчин и женщин в сельском самодеятельном населении мало варьировалось по возрастным группам: несколько выше был удельный вес женщин в группах 16–29 лет (50,7 %), в более позднем возрасте после рождения детей доля занятых женщин понижается, но незначительно, не опускаясь ниже 48 %. Лишь после 60 лет уровень их занятости падал заметнее (38 %), оставаясь все же довольно высоким.

Разница в соотношении полов в разных возрастных группах в городе была гораздо резче, чем в деревне: так, в группе 15-летних женщины составляли 46,2 %, 16–17-летних – 47,2 %, 18–19-летних – 41 %, 20–24-летних – 35,4 %, 25–29-летних – 32,3 %, 30–59-летних – 27–28 %. Вновь повышается удельный вес занятых женщин среди 50–59-летних (43 %). Очевидно, что городские женщины работали либо до замужества, либо овдовев, либо вырастив детей. Разница в продолжительности жизни мужчин и женщин в городах была больше, чем в селе, в результате женщины в городах раньше, чем в селе, вдовели и снова возвращались на работу.

Характеристика половозрастной структуры населения была бы неполной без учета ее специфики у различных общественных групп[21]. Возьмем за основу градацию переписи 1926 г., основанную на положении их в занятии: рабочие, служащие, лица свободных профессий, хозяева с наемными рабочими,

[21] Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1930. Т. 34. С. 118–172 (рассчитано мною. – *В. Ж.*).

хозяева, работающие только с членами семьи, и члены артелей, хозяева-одиночки, члены семьи, помогающие главе в его занятии, иждивенцы государственных учреждений, безработные и деклассированные. Распределение по полу и возрасту в каждой из этих групп обладает своими особенностями.

Возрастной состав рабочих к середине 20-х годов качественно улучшился по сравнению с 1920 г., когда в их рядах было много детей, подростков, стариков и женщин. К 1926 г. на смену им пришли вернувшиеся с фронта и из деревень квалифицированные рабочие. В итоге дети и подростки 10–14 лет составили среди рабочих-мужчин 2,9 %, а среди женщин-работниц – 3,6 %. Доля пожилых рабочих 60 лет и старше также резко сократилась – до 2,7 % среди мужчин и 2,8 % среди женщин.

Обращает на себя внимание активный приток молодежи на производство: доля молодых людей 16–29 лет составляла почти половину всех рабочих – 47,8 % мужчин и 52,5 % женщин. Таким образом, молодежи среди женщин было больше. Но рабочие включали в себя и большой контингент лиц зрелого возраста, например группа 30–49 лет составляла 42,8 % среди мужчин и 38,6 % среди женщин. Доля женщин в зрелом возрасте в силу рассмотренных выше причин начала сокращаться по сравнению с мужской.

Удельный вес молодежи и лиц 30–49 лет среди городских рабочих был более значительным, чем среди сельских. Среди последних было больше детей, подростков и стариков 60-летнего возраста и старше. Например, 10–14-летних рабочих в городе было всего 0,4 %, а в деревне – 6,4 %.

Исследование распределения рабочих по полу свидетельствует о том, что среди рабочих преобладали мужчины, а женщины составляли лишь четвертую часть. Начиная с 25-летнего возраста процент женщин убывал. Преобладание среди рабочих мужчин обусловливалось наличием в промышленности, строительстве, на транспорте тяжелых видов физического труда. Поэтому низкий процент занятости женщин был особенно характерен для городских рабочих.

Возрастной состав служащих был близок к составу рабочих с той разницей, что среди них преобладали лица зрелого возраста и соответственно меньше было молодежи. Это естественно, так

как для многих видов умственного труда требовалось образование. Мужчины преобладали и среди служащих, правда, в несколько меньшей степени, чем среди рабочих.

Среди лиц свободных профессий (адвокатов, врачей, артистов, священнослужителей и т. п., не состоявших на государственной службе) было много пожилых людей: 33,6 % старше 50 %. Доля женщин в этой группе была чрезвычайно мала, особенно в сельской местности, где она не превосходила 6 %.

Лица зрелого и пожилого возраста преобладали и среди хозяев с наемными рабочими: 30–49-летние составляли более половины хозяев этой категории; 50–59-летние – 14,2 %; 60-летние и старше – 15 %. Среди молодых наиболее многочисленной была группа 25–29-летних (12,1 %). Лица моложе 25 лет в группе хозяев встречались очень редко, так как предпринимателю надо было иметь капитал. В деревне в силу патриархальности состав хозяев был более пожилой, чем в городе. Так, лица 60 лет и старше составляли там 16 %, а в городах – 9,4 %. Но были и другие причины, обусловившие такой возрастной состав хозяев с наемными рабочими. Дети хозяев, приспосабливаясь к новым условиям, предпочитали становиться госслужащими или рабочими государственных предприятий. Число женщин среди хозяев этой категории было невелико, это в основном женщины пожилые, нередко вдовы (особенно в деревне), вынужденные прибегать к найму рабочей силы, чтобы вести хозяйство.

Возрастной состав хозяев, работающих только с членами своей семьи, был близок предыдущей общественной группе. Пожилых в этой группе насчитывалось еще больше, а женщины – хозяева и главы семей были совсем редки. Кроме того, они были значительно старше хозяев-мужчин. Например, группа 50–59-летних составляла здесь среди мужчин 16,6 %, а среди женщин – 24,5 %.

Но существовала и более молодая группа – хозяева-одиночки. Лица 60 лет и старше составляли здесь 8 %, а молодежь 16–29 лет – почти 30 %. Доля женщин в данной группе возрастала до 24,7 %. Характер занятий этой группы был близок к занятиям рабочих.

Члены семей, помогающие главе в его занятии (женщины, дети, подростки и молодые люди, еще не успевшие обзавестись

своим хозяйством), – это единственная группа самодеятельного населения, в которой женщины составляли большинство. Доля детей и подростков 10–15 лет достигала здесь 17,2 % в городах и 24,5 % в селах.

Среди безработных перепись 1926 г. зафиксировала большое количество молодых людей 16–29 лет – примерно 56 % и лиц зрелых возрастов – 34,0 %. Доля женщин среди безработных составляла 42 % в городах и 33,7 % в сельской местности. Если учесть, что уровень их занятости был относительно невысок, то вывод очевиден: они гораздо чаще, чем мужчины, теряли работу.

Деклассированное население, главным образом нищие, состояло в основном из детей и стариков. Среди этой категории встречались лица молодого и зрелого возраста, примерно 5 % (инвалиды, жившие подаянием, опустившиеся люди, проститутки). Однако в те годы проституция не была распространена столь широко, как ныне, и существовала преимущественно в скрытых формах. Поэтому перепись среди женщин, отнесенных к группе деклассированных, зафиксировала очень небольшой процент молодых: 16–19-летних – 2,8 %, 20–24-летних – 3,2 %.

Иждивенцы государственных учреждений – это были в основном дети, содержавшиеся в детских домах и приютах, а также учащиеся, обеспеченные стипендией (53 % этой группы). Кроме того, пенсионеры по возрасту и инвалиды, получавшие пособия от государства (16,1 %).

Таким образом, данные переписи 1926 г. о возрастно-половой структуре населения РСФСР свидетельствуют, что в середине 20-х годов она все еще несла на себе ощутимые следы военных потерь и голода 1921 г., хотя и шел процесс ее восстановления. Особенно ярко это отразилось на составе самодеятельного населения.

Молодежь и лица наиболее трудоспособных зрелых возрастов пополняли главным образом группы рабочих и служащих. Во всех категориях самодеятельного населения были представлены женщины, в основном молодые. Деформация проявилась в нарушении соотношения полов в рабочих возрастах в пользу женщин, высокая занятость которых в общественном производстве видна на примере групп 25–29, 30–34-летних. Это видно во все еще заметной роли подростков и стариков,

занятых на производстве, где сохранялся тяжелый ручной труд.

Рассмотрим теперь, как обстояло дело с восстановлением демографического состава населения и особенностями его развития в различных регионах России у разных народов, их населяющих.

Первое, что бросается в глаза в возрастной структуре славянских народов Центральной России, – это высокий удельный вес детей, обусловленный высокой рождаемостью. Например, у русских в Центре России доля детей в возрасте 0–4 года составляла 15,5 %[22]. Эти данные мало чем отличаются от общесоюзных. В сельской местности удельный вес этой возрастной группы был еще выше, чем в городах, – 15,4:10,7 %. В этой младшей возрастной группе наблюдалось типичное для малолетних соотношение полов: мальчиков было больше, чем девочек. Показатель рождаемости для 20-х годов у русских равнялся 42,4 ‰. На территории России жили народы и с более низкой рождаемостью (например, поляки или финны – 33,8 и 36,2 ‰), а также с более высокой (например, коми-пермяки, у которых коэффициент рождаемости достигал 57,3 ‰)[23].

У русских в Центральной России, как, впрочем, и в Союзе в целом, группа 5–9-летних была менее многочисленной, чем пограничные с ней группы младшего и старшего возраста. Это дети 1917–1921 гг. рождения. На их численности сказались и низкая рождаемость и высокая смертность, особенно в младенческом возрасте, в годы военного лихолетья, голода и послевоенной разрухи. Они пострадали больше, чем рожденные в 1912–1916 гг., когда еще не были так сильно нарушены демографические процессы. В результате в 1926 г. доля детей 5–9 лет в возрастной структуре населения едва достигала у русских 10–11 %. Это пример так называемой «демографической ямы». В сельской местности удельный вес этой группы был несколько выше – 12 %, но в городе он составлял менее 8 %. На первый взгляд положение с соотношением полов в этой возрастной группе обстояло как будто нормально – количество

[22] Расчеты по Центральной России произведены по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 17. С. 58–67; Т. 20. С. 77–78.

[23] Воспроизводство населения СССР. С. 162.

мальчиков и девочек равно между собой. Но присмотримся к пограничной, более старшей группе: в ней преобладали мальчики. Следовательно, выравнивание соотношения полов среди детей 5–9 лет произошло преждевременно и являлось деформацией, вызванной повышенным уровнем смертности мальчиков. В рамках Союза в целом мальчиков (за счет других регионов) этой возрастной группы было больше, чем девочек.

Подростки 10–14 лет составляли среди русского населения в Центре России 12 %, причем в сельской местности их удельный вес был выше – 12,4 %, а в городе ниже – 9,9 %. В этой возрастной группе соотношение мальчиков и девочек не было нарушено, последние составляли 49,7 %.

Удельный вес возрастных групп 16–29 лет у русских в Центральной России достигал 26,7 %, т. е. больше 1/4, доля женщин в этой возрастной группе была еще выше – 27,2 %.

После 15 лет во всех возрастных группах преобладали женщины, особенно среди 25–29-летних, пострадавших в годы Гражданской войны больше, чем другие возрастные группы. Например, в Центре России среди 25–29-летних женщины составляли 55,4 %, в то время как в пограничных по возрасту группах процент женщин был ниже на 2–3 единицы. Соотношение полов было резче нарушено в деревне, чем в городе. Женщин этой возрастной группы там было 56,1 %.

Лиц 30–49 лет среди русских в Центральной России было 18,9 %. Лиц пожилого возраста в традиционном обществе, каковым тогда являлось российское общество в демографическом отношении, как правило, было немного. Среди русских в Центральной России в возрасте 50–59 лет было всего 6,4 %; 60 лет и старше – 4,4 %, а от 70 и старше – всего 2,5 %. Женщины в этих возрастных группах явно преобладали, но наблюдалась любопытная особенность в соотношении полов у старших возрастов в городах и деревнях. В русских деревнях Центральной России пик диспропорции половой структуры в пользу женщин фиксируется в группе 50–59-летних, когда женщины составляли 56 % по сравнению с мужчинами. Чем старше возрастная группа, тем более выравнивалось соотношение полов: 60-летних женщин было 54 %; 65–69-летних – 52,5 %; 75–79-летних – всего 51 %. В городах, напротив, соотношение полов в пользу женщин резко нарушалось в группе 50–59 лет и

продолжало нарастать пропорционально возрасту: среди 60–65-летних женщины составляли 58 %; среди 70–74-летних – 61 %; 85–89-летних – 66 %. Таким образом, продолжительность жизни мужчин в городах была намного короче, чем в деревне.

Свою специфику имела возрастно-половая структура неславянских народов России. Рассмотрим с этой точки зрения финно-угорскую языковую группу на примере вотяков (удмуртов) и тюркоязычную на примере башкир.

У вотяков удельный вес детей от 0 до 10 лет и всей группы возрастов от 0 до 30 лет был выше, чем у славянских народов, т. е. первых – более 1/4, а вторых – 2/3. В основном такая половозрастная структура была характерна для села. Но поскольку городское население здесь составляло менее 1 %, половозрастной состав сельского определяли средние показатели. Что касается зрелых и старших возрастов, то их доля была ниже, чем у славянских народов; 20 и 7 %, т. е. показатели рождаемости и смертности вотяков несколько превосходили соответствующие показатели у славянских народов. Меньше была у вотяков и средняя продолжительность жизни. Любопытны данные о соотношении полов у вотяков в возрастных группах. Из-за высокой младенческой и детской смертности мальчиков начиная с 2-летнего возраста, во всех возрастных группах детей и подростков преобладали женщины. Эта диспропорция увеличивалась к 20 годам и далее сохранялась во всех возрастных группах. В группе 20–24 лет женщин было 54 %, 25–40 лет – уже 58 %. Ранняя мужская смертность (до 40 лет) объясняла эту диспропорцию. В старших возрастах увеличивался уровень смертности женщин, что выравнивало несколько соотношение полов, но перевес в пользу женщин все же оставался, лишь после 60 доля их снижалась до 52 %. Зато среди 90- и 100-летних было 70 % женщин.

Половозрастная структура городского населения у вотяков резко отличалась от сельской. Города были заселены в основном 20–34-летними людьми, их доля среди горожан составляла 50 %. Лиц старше 50 лет – единицы. Детей и женщин в городах было мало, женщин – всего 35,8 %. Видимо, для многих вотяков города не являлись местом постоянного жительства, они приходили туда на заработки, оставляя семьи в деревне.

Башкиры отличались от славянских народов и даже от вотяков наличием более многочисленных детской и молодежной

групп: от 0 до 10 лет – 27 %, от 0 до 30 лет – почти 70 %. Лиц зрелых возрастов, напротив, было меньше – 19 %, пожилых – всего 5 %. Средний уровень продолжительности жизни у башкир был еще ниже, чем у вотяков. На возрастной структуре, как и у славянских народов, сказались военные потери. Группы 25–29 и 30–34 лет имели нарушенный половой состав: 57 и 56 % в них соответственно – женщины. Если для сравнения взять пограничную группу, например 20–24-летних, то там почти равное число мужчин и женщин. Спецификой возрастно-половой структуры башкир являлось резкое сокращение доли женщин в группе 40–49-летних (48 %). В последующих группах таких резких нарушений соотношения полов не наблюдалось: традиционно женщины пожилых возрастов преобладали. В целом среди башкир за счет групп с низким удельным весом мужчин соотношение полов было нарушено в пользу женщин – 52 и 48 %.

В сельской местности Башкирии молодежь была представлена еще более убедительно, чем в среднем по республике, а диспропорция в соотношении полов среди 25–29-летних выражена еще резче – 58,7 % в пользу женщин.

В городах жили всего 2 % башкир. Судя по половозрастной структуре здесь несколько больше, чем у вотяков, было постоянных жителей городов, но все же основная масса – это отходники из деревень. Среди горожан-башкир лица в возрасте от 0 до 30 лет составляли 70 %; довольно многочисленной была и более зрелая группа – 30–49 лет. В работоспособных возрастах преобладали мужчины – 56,4 %. Даже в пострадавших группах доля мужчин составляла (среди 20–29-летних) 55 %; среди молодежи 20–29 лет – около 60 %. Такая структура была особенно типична для Уфы.

Сопоставим теперь возрастно-половую структуру Европейской России и Казахской и Киргизской АССР, а также республик Средней Азии*.

Для всех коренных народов Казахстана и Средней Азии был типичен высокий уровень рождаемости, отсюда большой процент детей в возрасте от 0 до 4 лет: у казахов в Казахстане – 15,6 (в городе несколько ниже – 13,2), у киргизов в Киргизской

* В 1926 г. Казахская и Киргизская АССР входили в состав РСФСР; республики Средней Азии до октября 1924 г. в рамках Туркестанской АССР тоже входили в состав РСФСР.

ССР – 15,3 (в городе – 15,2); у узбеков в Узбекистане и у туркмен в Туркмении – 15,0 и 14,0[24]. При этом в Средней Азии и Казахстане существовала высокая детская смертность, особенно в годы гражданской войны и сразу после нее. Это сказалось на численности малолетних, а также на детях 5–9 лет и даже подростков 10–14 лет. Удельный вес этих групп в составе населения был ниже по сравнению с самой младшей группой и составлял соответственно в Казахстане 9,8 и 10,0 %[25], в Киргизии 10,5 и 8,5 %, в Узбекистане 10,0 и 8,0 %, в Туркменистане 10,8 и 9,0 %; особенно низким он был в городах: у казахов – всего 7 %, у киргизов – 7,8 %, у узбеков – 9 %, у туркмен – 8,5 %. Удельный вес молодежи от 16 до 20 лет был высоким – от 23,4 (Казахстан) до 26,9 % (Узбекистан). Среди коренного населения в городах он был еще выше: в Казахстане и Узбекистане – 28,3–28,7 %, а в Киргизии и Туркмении – более 35 %. По этим данным видно, что коренное население активно заселяло города, прежде всего туда устремилась молодежь. Лица зрелого возраста среди горожан коренной национальности составляли от 22 до 25,6 %. Примерно столько же лиц зрелого (30–49 лет) возраста жили в деревне, за исключением Туркмении, где в городе их удельный вес был больше, чем в селе.

Пожилых людей коренной национальности в городах и селах было мало. Возрастная группа 50–59-летних составляла и в Казахстане, и в Узбекистане, и в Таджикистане, и в Киргизии от 6,2 до 6,8 %. В трех последних регионах 60–69-летних было 3,8–3,9 %, а в Казахстане – 4,4 %. Повсюду был очень низок процент престарелых – 70 лет и старше – 1,7–1,8 %. Все возрастные группы пожилых и престарелых были довольно равномерно расселены в городе и деревне и имели в сельской местности небольшое преимущество в показателе удельного веса.

---

[24] Данные по Казахстану и Средней Азии рассчитаны по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 8. С. 56–61; 206–215; Т. 17. С. 62–69.

[25] Потери населения в возрасте от 5 до 24 лет в Казахстане объясняются не только гражданской войной, но и периодически вспыхивающими здесь в первые десятилетия XX в. эпидемиями и падежом скота, что приводило к жестокому голоду. Подробнее об этом см.: *Дахшлейгер Г. Ф.* Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1929). Алма-Ата, 1965.

Больше всего 100-летних в 1926 г. среди коренного населения проживало в Узбекистане – 575 человек, причем 169 – в городе; меньше всего лиц этого возраста (24) было зафиксировано в Киргизии. Все они проживали в деревне. В Туркмении долгожителей было 126 человек, в том числе 80 сельских; в Казахстане – 61 человек (однако среди них не было, как и в Киргизии, ни одного горожанина).

Соотношение полов в группах детей от 0 до 9 лет в республиках Средней Азии и Казахстана у коренных национальностей было примерно одинаковым: мальчиков – немного больше, чем девочек, которые составляли 49,5–49,9 %. Во всех регионах процент женщин резко падал в возрастных группах 10–14, а также 15 лет. Диспропорция в соотношении полов в пользу мальчиков в некоторых регионах началась несколько раньше: например, в селах Казахстана и Узбекистана уже среди 5–9-летних девочки составляли 47,2–48 %.

Для коренных народов Средней Азии и Казахстана характерно, что и в дальнейшем во многих возрастных группах преобладали мужчины. У казахов лишь в двух группах (18–19 и 20–24-летних) женщин было больше, чем мужчин (51–54 %). Нарушение соотношения полов в пользу женщин сохранилось у киргизов в Киргизии – до 34 лет. В городах нарушение в соотношении полов было выражено резче, чем в сельской местности. Во всех регионах выделялась в этом отношении группа 20–24-летних, в которой женщины составляли среди горожанкиргизов 36,7 %, туркмен – всего 31,8 %. Та же ситуация наблюдалась у узбеков и казахов. Видимо, кроме высокого уровня смертности молодых женщин, характерного для этого региона, влияло и то обстоятельство, что мужчины часто уходили в город либо на заработки, либо для занятий торговлей, а их семьи оставались в кишлаках, аулах и т. д.

После 70 лет численность женщин у казахов во всех возрастных группах, включая и 100-летних, преобладала над численностью мужчин. В среднем удельный вес женщин в группах колебался от 53 до 55 %. В 1926 г. среди 100-летних их было 39 человек, а мужчин – 22. В городе соотношение полов в пользу женщин менялось начиная с 75 лет. В Узбекистане наблюдалась почти такая же ситуация, но процент женщин в разных возрастных группах был несколько ниже, чем в Казахстане; 100-летних мужчин здесь было в 2 раза меньше, чем женщин.

У киргизов в Киргизии изменение соотношения полов в пользу женщин начиналось с 60 лет, но оно не являлось устойчивым и было слабее выражено в городе по сравнению с деревней. Так, в группе 60–64-летних женщин было 51 %; 65–69-летних – только 48 %; в последующих группах процент женщин вновь повышался. Среди долгожителей наблюдалось равновесие: и тех и других по 12 человек.

В Туркмении соотношение полов в пользу женщин складывалось лишь в некоторых возрастных группах – 70–74, 80–84 и, наконец, после 90 лет; среди 100-летних было больше женщин.

Анализ возрастно-половой структуры середины 20-х годов народов коренной национальности Средней Азии и Казахстана показывает, что мы имеем дело с традиционным обществом в «чистом виде», т. е. показатели которого – высокий уровень рождаемости и смертности, в том числе детской, короткая жизнь, особенно женщин, зачастую погибавших от многочисленных родов и женских болезней в 30–35 лет. Спецификой этого региона является резкое нарушение соотношения полов в пользу мужчин в 10–14 и особенно 15 лет. Например, в Узбекистане среди 15-летних узбечек женщин было всего 37,1 %, в то время как среди 18–19-летних – 50,6 %, а среди 5–9-летних – 47,5 %. Та же картина наблюдалась в Киргизии, где женщин-киргизок среди 15-летних – только 32,7 %, в то время как среди 10–14-летних – почти 43 %, а среди 18–19-летних женщины составляли 52,9 %[26]. При этом в целом по стране за счет главным образом русского и украинского населения в группе 15-летних женщины насчитывали 50,3 %[27].

Сокращение доли женщин у казахов наблюдалось в группе 15-летних. Причин такого явления можно назвать несколько, но главная, по-видимому, заключается в том, что, стремясь скрыть факт многоженства и ранние браки с малолетними, несовершеннолетних жен скрывали от переписчиков. Кроме того, по той же причине девочкам намеренно прибавляли года с тем, чтобы пораньше выдать их замуж.

Браки в 20-е годы у многих народов СССР и РСФСР, как правило, заключались в очень молодом возрасте. Так, в 1926 г.

---

[26] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 8. С. 58, 67; Т. 18. С. 62–68; Т. 34. С. 8–9; Т. 28. С. 14.

[27] Там же. Т. 8. С. 56–57; Т. 14. С. 32–35.

15 % женщин русской национальности 16–19 лет состояли в браке[28]. Особенно ранние браки заключались в Средней Азии: из каждой 1000 узбечек 16 лет в браке состояли 221,6; 15 лет – 89.0; 14 лет – 22,3. Таджички выходили замуж еще раньше: из 1000 женщин 16-летних в браке состояли 414; 15-летних – 269,9; 14-летних – 97,3; 13-летних – 41,1; 12-летних – 28,7. Встречались браки 10–11-летних девочек.

Рассмотрев возрастно-половую структуру населения России, попытаемся ответить на вопрос, поставленный в названии главы: произошла ли демографическая компенсация к середине 20-х годов? Как мы видели, в тот период была высокая компенсаторная рождаемость и появилась, хотя и не повсеместно, тенденция снижения уровня смертности населения. Однако рождаемость в тот период ни разу не поднималась до довоенного уровня, а рост ее показателя был краткосрочным. В то же время коэффициенты смертности, особенно младенческой, хотя и понижались, но оставались для мирного времени высокими. В возрастно-половой структуре населения последствия Первой мировой и Гражданской войн не были изжиты. Потери людей в трудоспособных и детородных возрастах в столь больших масштабах вряд ли могут быть восполнены вообще. Негативно сказались на демографическом составе населения и несостоявшиеся рождения и высокая смертность детей и младенцев в военные и голодные годы. На протяжении жизни многих поколений ощущалось «демографическое эхо» этих военных потерь.

Анализ возрастно-половой структуры убеждает нас в том, что в середине 20-х годов можно говорить о начальных стадиях демографического перехода лишь у славянских народов, составлявших большую часть населения страны. В восточных регионах черты традиционного общества с его высокой рождаемостью и смертностью у народов коренных национальностей были выражены очень ярко.

---

[28] Воспроизводство населения СССР. С. 162.

ГЛАВА II
Была ли российская деревня «середняцкой»?

В историографии деревня 20-х годов считалась середняцкой. Эта оценка, данная еще VIII съездом партии, была декларирована «Кратким курсом ВКП(б)». Разрабатывая эту официальную концепцию, авторы, как правило, приводили в качестве аргументации несколько высказываний В. И. Ленина по этому поводу. Опорными чаще всего служили такие ленинские фразы: «Крестьянство стало в общем в положение середняка» или «деревня стала середняцкой»[1]. Первое из этих высказываний относится к началу 1921 г. и извлечено из доклада В. И. Ленина «О продналоге»; второе – к апрелю 1921 г. («Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии»). Отвлечемся сейчас от того соображения, что цитатничество само по себе не может служить убедительным аргументом в пользу того или иного вывода. Однако в данном случае обращает на себя внимание то обстоятельство, что обе эти характеристики вырваны из контекста. Приведем их полностью. «Крестьянство стало гораздо более средним, противоречия сгладились, земля разделена в пользование гораздо более уравнительно, кулак подрезан и в значительной части экспроприирован – в России больше, чем на Украине, в Сибири – меньше. Но в общем и целом данные статистики указывают совершенно бесспорно, что деревня нивелировалась, выровнялась, т. е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилось. Все стало ровнее, крестьянство стало в общем в положение середняка». Та же мысль присутствует и дальше: «Меньше стало крайностей в сторону кулачества, меньше в сторону нищеты, и большинство населения стало приближаться к середняцкому»[2].

Как следует из этих высказываний, Ленин связывал «среднее» положение крестьянства с результатами аграрной революции, которая привела к поравнению деревни: тот, кто раньше не имел земли, тот ее получил. В то же время экономи-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 59–60,157.
[2] Там же. С. 59–90, 157.

ческая мощь крупных хозяйств была подорвана. Осереднячивание Ленин прямо связал здесь с поравнением в пользовании землей. В данном случае понятие «середняк» трактуется им широко: это не кулак и не беспосевщик. При этом обращает на себя внимание свободное использование терминов «средний» и «приближающийся к среднему». Для Ленина эти неточности не имеют принципиального значения, он сосредоточен на том, чтобы доказать наличие заинтересованности крестьян, ведущих свое хозяйство, в торговле. И в этих выступлениях Ленин рисует бедственное положение деревни 1921 г., из чего следует, что поравнение еще не есть обогащение. Таким образом, эти высказывания Ленина, бывшие столь популярными в литературе, вовсе не подтверждают факта преобладания середняка в деревне.

Однако в исторической литературе это расширительное толкование Лениным термина «средний» часто механически отождествлялось с понятием «типичный середняк». А между тем Ленин и в других работах, в которых он разбирает типы хозяйств[3], объясняет, что именно он подразумевает под «середняком» в собственном смысле слова: «Под средним крестьянством в экономическом смысле следует понимать мелких земледельцев, которые владеют на праве собственности или аренды тоже небольшими участками земли, но все же такими, которые, во-первых, дают при капитализме, по общему правилу, не только скудное содержание семьи и хозяйства, но возможность получать известный излишек, способный, по крайней мере в лучшие годы, превращаться в капитал, и которые, во-вторых, прибегают довольно часто (например, в одном хозяйстве из двух или трех) к найму чужой рабочей силы»[4]. Итак, Ленин предполагал за средним хозяйством определенный, довольно высокий уровень зажиточности. Там, где он давал более подробную характеристику крестьянства, он выделял в его среде различные социальные слои: «сельскохозяйственный пролетариат», «полупролетариат», «мелкое крестьянство (мелкие земледельцы)», а кроме того, «среднее

[3] См., напр.: *Ленин В. И.* Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу // Там же. Т. 41. С. 173.

[4] Там же. Т. 41. С. 173.

крестьянство» и «крупное крестьянство» (капиталистические предприниматели)[5]. Таким образом, мелких производителей, не утративших самостоятельность и хозяйствовавших на своей земле, но не имеющих возможности накопить капитал, который можно было бы пустить в дело, Ленин к середнякам не относил, а причислял их к низшим слоям деревни. Между тем факт осереднячивания деревни в литературе часто доказывался путем причисления к середнякам вот таких мелких товаропроизводителей, для характеристики которых применялся специальной и довольно странный термин «маломощный середняк» (?!). Иначе, не прибегая к этому приему, было невозможно хоть сколько-нибудь убедительно доказать преобладание середняка в деревне. Во многих случаях не делалось в литературе разницы между двумя такими явлениями, как происходящий процесс осереднячивания деревни и преобладание в ней середняка, хотя ясно, что сам этот процесс мог и не привести к преобладанию в деревне середняка.

Неудивительно поэтому, что в публицистической литературе в последние годы (конец 80-х – начало 90-х годов) возник образ сплошь середняцко-зажиточной деревни, в которой в период нэпа крестьянство, обеспеченное всем необходимым и ни в чем особо не нуждающееся, вело прибыльное хозяйство, сытно кормило себя и всю страну. А был ли в самом деле этот «мужицкий рай» в деревне того времени? Как справедливо замечает В. П. Данилов, в этом еще предстоит серьезно разобраться[6].

Однако есть и другая, диаметрально противоположная точка зрения в публицистической литературе: крестьянство было разорено еще в период Октябрьской революции и над ним постоянно совершалось насилие. И эта точка зрения требует к себе не менее серьезного внимания.

Не претендуя на то, чтобы всесторонне охарактеризовать деревню 20-х годов, затронем лишь некоторые вопросы, относящиеся к нашей проблеме. Один из них – каковы были ре-

---

[5] *Ленин В. И.* Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу // Там же. Т. 41. С. 170–171, 173–174.

[6] См.: *Данилов В. П.* К истории коллективизации // История СССР. 1991. № 5.

зультаты аграрной революции, в частности социализации земли? Этот вопрос представляется незаслуженно забытым при характеристике социальной структуры деревни той поры, тогда как он является ключевым. Не менее важно выяснить и другое: была ли деревня действительно середняцкой к началу 20-х годов, стала ли она таковой в первой половине 20-х годов; что такое «осереднячивание» деревни, как этот процесс сочетался с социальной дифференциацией крестьянства?

Рассмотрим эти вопросы на материалах русской деревни средней полосы.

Комплекс источников по среднерусский деревне довольно известен: сельскохозяйственная перепись 1920 г., выборочные и гнездовые обследования. Кроме этого, привлечем малоизвестный архив статистика 20-х годов А. И. Хрящевой, в нем сохранился ряд черновых материалов, не подвергшихся конъюнктурной правке, от которой пострадали ее многие опубликованные работы. Свою работу по обследованию деревни А. И. Хрящева вела непосредственно в 20-е годы, неоднократно и мужественно выступала против попыток фальсифицировать статистику социально-экономического состояния деревни, подвергала критике официальные материалы.

Последствия войн и аграрной революции для крестьянского хозяйства

Об отрицательном влиянии Первой мировой войны на крестьянское хозяйство России существует убедительная и довольно обширная литература, которая делает излишним специальное исследование этого вопроса. Отметим лишь самое существенное. Соотношение важнейших элементов крестьянского хозяйства в результате войны было нарушено: отсутствовала агротехника, прервались рыночные связи, недоставало мужской рабочей силы. В Тульской губернии число мужчин, взятых в армию, по переписи 1917 г., составило 53,6 % к общему числу мужчин в рабочем возрасте, в Пензенской – 53,3, в Тверской – 46 %[7].

[7] *Хрящева А. И.* Крестьянство в войне и революции. М., 1921. С. 3–25.

Отмечая эту убыль мужской рабочей силы, А. И. Хрящева подчеркивала, что война 1914–1917 гг. в то же время «упразднила всю промышленность, обслуживающую сельское хозяйство»[8]. И плуги, и сельхозмашины перестали производить и ввозить из-за границы. Все предметы первой необходимости – соль, сахар, железо – почти исчезли с рынка в 1916–1917 гг. Разруха, вызванная гражданской войной, наложилась на тяжелые последствия мировой войны. Об этом писали А. И. Хрящева, а также Е. И. Измайловская и Н. Богданов, показавшие, сколь резко упал уровень производства сельскохозяйственных машин в Первую мировую войну. Измайловская, например, отмечала: «В 1917 г. мы вступаем с совершенно разложившейся промышленностью»[9].

Война усилила дифференциацию деревни, о чем говорит возросшее число эмигрировавших из деревни хозяев. До Первой мировой войны обычно за 5 лет ликвидировалось 12–17 % разорившихся крестьянских хозяйств, а с 1912 по 1917 г. – 40–43 %.

Об экономической слабости деревни после Первой мировой войны свидетельствовал и тот факт, что в 1917 г. среди крупнопосевщиков (16, 19, 25 дес.) малосемейных (4–6 человек), т. е. таких семей, где посев превышал трудовую норму, было всего 9 %. Такие посевы чаще встречались у многосемейных: в частности, семей из 7–10 человек с подобным посевом в деревне было 39 %[10]. Это значит, что миграция из деревни разорившихся крестьян, уход в армию мужчин создали трудности с наймом рабочей силы. При недостатке инвентаря и сельскохозяйственных машин это не могло не вести к сокращению посевов.

Произошло снижение товарности крестьянского хозяйства вследствие его натурализации из-за сокращения посевов и общего обеднения. По сводке С. Г. Струмилина, в 1917 г. в деревне было всего 3,4 % продающих хозяйств, зато 44,8 % покупающих (очевидно, из-за нехватки своего хлеба), а 52,9 % ни

---

[8] РГАЭ. Ф. 105. Он. 2. Д. 495. Л. 2.

[9] *Богданов Н.* Сельскохозяйственное машиностроение и машиноснабжение советской деревни. М.; Л., 1928. С. 30, 34 и др.; *Измайловская Е. И.* Русское сельскохозяйственное машиностроение. М., 1920. С. 63.

[10] РГАЭ Ф. 105. Оп. 2. Д. 479. Л. 46.

продающих, ни покупающих, т. е. имеющих чисто натуральный тип хозяйства[11]. Хотя точность этих цифр не бесспорна, но они высвечивают основные тенденции развития крестьянских хозяйств.

Можно, конечно, спорить, какая из войн – мировая или гражданская – принесла бóльший вред крестьянскому хозяйству, но важен тот факт, что уже к 1917 г. положение в деревне с точки зрения нормального функционирования крестьянского хозяйства сложилось тревожное.

Потенции фермерского пути развития сельского хозяйства тогда еще давали о себе знать, они даже усилились в связи с ликвидацией помещичьего хозяйства, когда крестьянство получило возможность пополнить свой инвентарь, увеличить поголовье скота и т. п. Богатые хозяйства по этой же причине еще более укрепились. В этой связи А. И. Хрящева отмечала, что по сравнению с последующими годами (1920 и 1922) в 1917 г. еще имелось «максимальное число товарных (продающих хлеб) хозяйств – крупнопоставщиков»[12]. И тогда же наметилась тенденция к усилению самоизолированности, натурализации многих хозяйств.

Негативность этой тенденции усугублялась тем, что товарное производство в дореволюционной деревне развивалось замедленными темпами по причине сохранения натуральных и полунатуральных отношений в условиях помещичьего землевладения. Соответственно и российское крестьянство во многом оставалось полуфеодальным сословием. Процесс превращения его в слой товаропроизводителей, органически связанных с рынком, был далек от завершения. Отсюда достаточно большое количество мелких и средних хозяйств, сохранявших устойчивость.

Характеристику дореволюционного предвоенного крестьянского хозяйства, его связей с рынком дал А. В. Чаянов на примере двух крайне противоположных типов хозяйств – Тотемского уезда Вологодской губернии, одного из наиболее глухих в стране «углов» с преобладанием хозяйств натурального

[11] РГАЭ Ф. 105. Оп. 2. Д. 513. Л. 17 об.
[12] Там же.

типа, и Волоколамского уезда той же губернии, наиболее втянутого в рыночные отношения. По бюджетным данным он проанализировал статьи их доходов и расходов, причем в Тотемском уезде избрал в качестве объекта обследования многосеющие группы хозяйств и сравнил их с рядовым средним волоколамским хозяйством. Существенные различия этих хозяйств сводились к следующему: процент денежных расходов в общей сумме потребительского бюджета тотемского хозяйства составлял всего 22, в то время как процент волоколамского хозяйства достигал 61,1[13]. Говоря иначе, тотемское почти натуральное хозяйство изолировано от внешнего мира. И наоборот, волоколамское хозяйство, уже втянутое в мировой хозяйственный оборот, жило не только своими, им самим производимыми продуктами, но и вносило долю в общий национальный доход.

Естественно, что такое строение денежного хозяйства не могло не отразиться на организации его производства. Многочисленные статьи потребительского бюджета, покрываемые в Тотемском уезде натурой, требовали от хозяйства, производящего 32 вида продуктов, сложной организации. В Волоколамском же уезде всего 10 натурально покрываемых статей бюджета позволяли весьма упростить структуру хозяйства. В целом же в тотемском хозяйстве 87 % всего дохода расходовалось натурой, производство которого – и качественно и количественно – определялось запросами потребления.

В волоколамском хозяйстве только 36,6 % продукции предназначалось для непосредственного потребления семьи, остальные же 60,4 % шли на рынок и обслуживали семейное потребление только в том смысле, что давали возможность приобрести нужные предметы на полученную от их продажи денежную выручку[14].

Для нас важен вывод А. В. Чаянова о том, что эти хозяйства принадлежали к крайним типам, тогда как хозяйства всех других районов занимали серединное между ними положение[15]. Отсюда следует, что степень натурализации крестьянских хо-

---

[13] См.: *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1969. С. 287.

[14] Там же. С. 289.

[15] Там же.

зяйств в России в канун Первой мировой войны была все еще очень высокой. В этих условиях ослабление товарных связей и снижение уровня технической оснащенности крестьянских хозяйств вели к регенерации патриархально-натуральных отношений в деревне.

А между тем конца военным бедствиям не было. Грянула Гражданская война, продолжавшая разорять крестьянское хозяйство, приводившая все к новым людским потерям. В итоге мужского населения в возрасте 20–29 лет было в 1920 г. 6,4 %, а 30–39 лет – 9,7 % от всех мужчин в селе, между тем в 1897 г. эти демографические группы составляли соответственно 14 и 12 %[16].

Во время войны резко понизилась обеспеченность крестьянских хозяйств рабочим скотом, особенно лошадьми. Примерный ущерб от потерь скота и инвентаря был определен государственными органами в 1922 г. в 1200 млн золотых руб., а в областях коневодства и животноводства – в 12 117 115 руб.[17]

Но не только война разорила деревню. К 1919 г., еще до окончания Гражданской войны, стали видны в развитии крестьянского хозяйства тенденции, которые являлись результатом влияния многих факторов. Рассуждая о последствиях Гражданской войны, А. И. Хрящева сравнила состояние сельского хозяйства в 1919 и 1917 гг., а затем поделила хозяйства производящих и потребляющих губерний на сильно, слабо и вовсе не пострадавшие от войны и сделала вывод, что хозяйства пришли в упадок во всех губерниях.

Например, посев в сильно затронутых войной губерниях производящей полосы сократился на 19,8 %, в слабо затронутых – на 11,2, а не затронутых войной – на 12,2 %. В потребляющих губерниях, слабо затронутых войной, – соответственно на 35,7 %, в не затронутых войной – на 22,1 %. Что касается сокращения поголовья рабочих лошадей, то оно имело место и в тех и в других губерниях, хотя не затронутые войной губернии пострадали меньше, чем затронутые. Например, в производящей

---

[16] См.: *Поярков Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 87, 88 (подсчеты Ю. А. Полякова).

[17] Там же. С. 84–85, 86 (потери исчислены лишь по совхозам, коммунам и артелям).

полосе в первом случае оно сократилось на 2,9 %, а во втором – на 13,7 %. Сходная картина наблюдалась и в области свиноводства и овцеводства. Например, в не пострадавших от войны губерниях производящей полосы поголовье свиней сократилось почти на 30 %, овец – на 5,2, а потребляющей полосы – на 63,3 и 13 %[18].

Тяжелый удар по крестьянскому хозяйству нанесла политика «военного коммунизма» с его продразверсткой и свертыванием рыночных отношений. В результате был не только ослаблен интерес к расширению производства, но и обеднено само хозяйство, тем более что взимали продразверстку не считаясь с урожайностью и спецификой районов: брали больше там, где партийно-государственный аппарат был сильнее, а сопротивление крестьян слабее. Выступая на X съезде РКП(б) (март 1921 г.), Ленин вынужден был признать, что «центр этих продовольственных разверсток сосредоточен был в тех местностях, где излишки хлеба не были очень велики. Излишков гораздо больше на различных окраинах республики – в Сибири, на Северном Кавказе, – но именно там меньше был налажен советский аппарат, именно там Советская власть была менее устойчива и оттуда был очень затруднен транспорт. Поэтому получалось так, что увеличенные продовольственные ресурсы мы собрали из наименее урожайных губерний и этим кризис крестьянского хозяйства чрезвычайно обострился»[19]. Хотя речь шла о продразверстке 1920 г., но эта констатация справедлива и для более ранних лет.

И все же ни потери военных лет, ни продразверстка не могут в полной мере объяснить, почему в условиях, когда крестьяне, казалось бы, были наделены землей, сельское хозяйство пошло на убыль. Правда, справедливости ради надо отметить, что продразверстка не уничтожила полностью рыночных отношений. Кое-где излишки не были изъяты полностью, а кое-где их удавалось скрыть. Факт остается фактом, что 30–45 % хлеба и муки горожане приобретали помимо карточной системы[20].

Среди важнейших факторов, отрицательно повлиявших на развитие крестьянского хозяйства в послереволюционное

---

[18] См.: *Хрящева А. И.* Крестьянство в войне и революции. С. 6.

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 13–14.

[20] *Поляков Ю. А.* Указ. соч. С. 95.

время, не всегда принимаются во внимание последствия реализации комплекса мер, связанных с социализацией земли. Как известно, частью Декрета о земле являлся «Крестьянский наказ о земле», подготовленный эсерами на основании крестьянских наказов. Наказ содержал требование уравнительного распределения земли, которое отражало настроения определенной части крестьянства. Это была дань примитивному представлению о равенстве.

Крестьянский наказ нашел отражение в следующих законодательных актах – «Основном законе о социализации земли», принятом в январе 1918 г., и в «Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» (февраль 1919 г.).

В деревне Центральной России ликвидация помещичьего землевладения и уравнительное распределение земли по едокам продолжались с октября 1917 до весны 1918 г. Второй этап – перераспределение земли между крестьянскими хозяйствами комитетами бедноты в пользу беспосевных и малопосевных групп – так называемый «комбедовский период» длился с июля по ноябрь 1918 г. В результате раздела помещичьих земель крестьянство обрело более 150 млн га земли дополнительно к своим наделам. А за счет перераспределения земли беднота получила в пользование еще 50 млн га. Отмена арендных платежей помещикам и расходов на покупку земли принесли крестьянам 700 млн руб. ежегодного дохода золотом. К тому же крестьяне освобождались от долга Поземельному банку. Им был передан помещичий инвентарь на сумму 300–500 млн руб.[21] Крестьяне получили возможность на 70 % увеличить земли, находившиеся в их пользовании.

Идея уравнительного распределения земли перекликалась с теорией крестьянского социализма, о существовании которой в нашей научной литературе на многие годы как бы забыли. Между тем истоки ее уходят в период разложения первобытнообщинных отношений, когда большинство свободных общинников оказывалось в неравном положении по отношению к своим прежним сородичам. Возникала естественная идеализация недавнего прошлого: равенство в его примитивном понимании, коллективизм с отрицанием всякого проявления

[21] *Рогалина Н. Л.* Коллективизация: уроки пройденного пути. М., 1989. С. 15.

какой бы то ни было индивидуальности, пренебрежение к собственности, уважение к бедности и аскетизму, объяснимых в обществе, где излишек продукта очень ограничен. Согласно этим представлениям интересы более многочисленной группы людей – рода, общины – должны превалировать над интересами отдельной личности в целях выживаемости данной группы. В разных странах в разные эпохи носителями этих идеалов были те слои населения, которые страдали от неравенства и вместе с тем осознавали несоответствие значимости своей роли в обществе тому приниженному, по сути бесправному, положению, в котором они находились. Это чувство социального достоинства было развито и у российского крестьянства. Легенды о «золотом веке» в разные времена и у разных народов имели специфику. В России такой спецификой была идеализация крестьянской земельной общины. Эта мечта о свободной крестьянской общине пережила эпоху крепостничества. Российские народники теоретически достаточно ярко выразили этот крестьянский идеал, доживший до 1917 г., а в некоторых фрагментах даже до наших дней. Он менялся, трансформировался, приспосабливаясь к новым условиям. Со временем к общинным идеям об уравнительном распределении земли и работе сообща, «всем миром», свойственных в основном патриархальному крестьянству, примешались стремление к обогащению, уважение к собственности, страх перед разорением, связанные с превращением крестьян в товаропроизводителей. В России этот процесс не был завершен, так что идеал все еще сохранял свой общинно-крестьянский характер.

Народники, а вслед за ними и эсеры, которые сформулировали требование, а затем закон «О социализации земли», опирались именно на представления патриархального крестьянства. Закон, соответствуя идее крестьянского социализма об уравнительном распределении продукта и земли, несмотря на свою антифеодальную направленность, был для первой четверти XX в. регрессивным, поскольку способствовал натурализации крестьянского хозяйства, нарушал рыночные связи, так как обеспечивал распределение земли по едокам а не по инвентарю. Приведя в соответствие размер семьи и размер надела и не учтя уровня обеспеченности хозяйства инвентарем, рабочим скотом и рабочими руками он передал землю тем, кто в принципе не в состоянии был ее обработать.

За два года – с 1917 по 1919 г. – практически исчезли многосемейные беспосевщики, равно как и многопосевщики, семьи которых состояли из одного-двух человек. Например, в Тульской, Ярославской, Костромской губерниях в 1917 г. встречались семьи из 1–2 человек, засевавшие 6 и более десятин, в 1919 г. таких семей практически уже не было. Вместе с тем в Тульской губернии в 1917 г. 20 % хозяйств, имевших 7 и более душ в семье, были беспосевными, а в 1919 г. семей такого рода стало 13 %. Семей же из 7 и более душ с посевом до 1 дес. было в 1917 г. 22 %, а в 1919 г. осталось только 3 %. В Ярославской губернии за тот же период доля этих групп уменьшилась с 11 до 5 % и с 20 до 14 %. В Костромской – соответственно с 10 до 5 % и с 16 до 14 %[22]. Легко представить себе хозяйство, которое, прежде имея малое число членов, но обладая инвентарем и машинной техникой, могло обрабатывать большие наделы. Теперь надел такой семьи сократился в пользу многодетной вдовы с малолетними детьми, у которой отсутствовали возможность и средства обработать полученную землю. О каких излишках хлеба для рынка можно было говорить в таком хозяйстве!

Конечно, получив землю, беднота несколько улучшила свое положение, поскольку могла сдавать эту землю в аренду. Правда, существовали в деревне большие семьи, имевшие достаточное количество рабочих рук (взрослых неотделившихся детей) и недостаточно оснащенные инвентарем, прежде не имевшие землю, а теперь ее получившие. Но и они, нуждаясь в производстве продукта для своего прокормления и содержания, также не имели возможности для широкого выхода на рынок. В целом произошло сокращение сельскохозяйственного производства, уменьшение посевных площадей. Возникла большая разница между размерами надела и посева.

Какие слои крестьянства в этой ситуации поддерживали идеал, отраженный эсеровским проектом? Вероятнее всего, средние и бедняцкие, поскольку средние слои еще не были втянуты в процесс превращения в товаропроизводителей и их хозяйства сохраняли еще свой патриархальный характер, а

[22] *Хрящева А. И.* Расслоение крестьянства // РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 505. Л. 5–6 (рукопись).

беднота хотела вернуть потерянное совсем недавно положение средних крестьян. Крестьянством владела как бы двоякая заинтересованность в поддержке этого закона: с одной стороны, он выражал их идею социального равенства, а с другой – позволял обогатиться за счет зажиточного соседа.

Однако до конца и последовательно принцип равенства реализовать не удалось, ибо это означало прямое посягательство на собственность, прежде всего на инвентарь, который находился в давно утвердившейся частной собственности крестьян и в отличие от земли переделу в общинах не подлежал. Частичное его перераспределение, которое все-таки состоялось, произошло путем обмена, купли-продажи и т. д.

Кроме того, именно на тот период пришелся кризис большой патриархальной семьи. Сравнительно легкая возможность получить надел для молодой семьи и узаконенное стремление к независимости (так как жизнь в большой патриархальной семье для молодых поколений была нелегкой) способствовали распаду патриархальных семей. Все это вызвало интенсивное увеличение разделов крестьянских хозяйств, в результате чего хозяйства мельчали, падал уровень их обеспеченности скотом и инвентарем. По свидетельству Хрящевой, 1920 год завершал эпоху усиленного образования путем разделов новых крестьянских хозяйств. Другой причиной интенсивного дробления хозяйств было то обстоятельство, что во время войны разделы совершенно прекратились. Поэтому с 1918 г. они развернулись с небывалой силой. Кроме того, дробление хозяйств позволяло в ряде случаев снизить ставки продразверстки. Эта последняя причина вызывала не только реальные, но и массу фиктивных разделов. Вследствие постоянных разделов 1920 год характеризуется преобладанием мелких крестьянских хозяйств в условиях отсутствия рынка[23].

Но и там, где инвентарь был, он очень неполно использовался. Например, до революции в помещичьем хозяйстве плугом обрабатывали ежегодно 20–25 дес., а в крестьянском – от

[23] Подробнее см.: *Кабанов В. В.* Социально-демографические процессы крестьянского двора в 1917–1920 гг. // Население и трудовые ресурсы советской деревни (1917–1984 гг.). Таллинн, 1987. С. 37–39; РГАЭ Ф. 105. Оп. 2. Д. 495. Л. 1.

3 до 15 дес. То же и с машинами: мелкие хозяйства были не способны использовать технику на полную мощность. Это особенно проявилось после поравнения земли и измельчания крестьянских хозяйств. Неизбежным следствием этого являлась необходимость довольно частых, периодически повторяющихся переделов земли, что, во-первых, резко снижало степень заинтересованности крестьянства в интенсификации своего хозяйства, а во-вторых, создавало чересполосицу и дальноземелье. Попытки возродить общинные порядки очень быстро вызвали неудовольствие крестьян, что нашло отражение в выступлениях их представителей на VIII съезде партии (1919 г.). В частности, в одном из таких выступлений говорилось, что «некоторые крестьяне, которые могли бы засевать вместо 10 десятин 15, засевают только для себя, мотивируя это тем, что они не знают, будут ли владеть этим посевом»[24]. В книге Ю. А. Полякова приводятся яркие примеры крестьянских выступлений. Вот один из них: крестьянин И. А. Петрушкин, избранный на VIII съезде Советов в члены ВЦИК, в докладной «О деятельности Владимирского губпоселкома» писал: «Ежегодно земля переделивается, а разве это не сказывается (в сторону уменьшения плодородия почвы) на сельском хозяйстве? Возможно ли при частых переделах заводить улучшенный способ обработки земли и переход на многопольную систему севооборота? Конечно, нет... Чистить полосы никто не хочет, потому что крестьянин не надеется и не уверен, что на будущий год вновь покос не переделят... что расчищенный покос вновь достанется ему. Таким образом, покосные места запускаются». В отчете Воронежского губземотдела за период с 15 октября 1920 по 15 мая 1921 г. отмечалось, что крестьянство получило значительную прибавку земли, в общем до 20 %, но «вместе с тем увеличились чересполосица, дальноземелье, начались каждогодные переделы земель в общине, в связи с этим ухудшилась обработка земли и прекратилось удобрение полей»[25].

На основании материалов Экономического совещания (ЭКОСО) и экспертных данных с мест А. И. Хрящева отмечала, что посевные площади в деревнях Центральной России

[24] VIII съезд РКП(б): Протоколы. М., 1959. С. 255.

[25] *Поляков Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. С. 92.

сократились в 1919 г. на 16 %, а в 1920 г. на 28 % по сравнению с 1917 г.[26]

Переделы в крестьянских общинах производились и в дореволюционное время, но далеко не повсеместно и не столь часто, как правило, раз в 15–20 и даже 25 лет. Таким образом, поравнение как бы стиралось естественным приростом населения чуть ли не в первое же пятилетие после передела. Кроме того, переделялась только надельная земля; земля, купленная отдельными лицами или товариществами, переделу не подлежала, так создавались условия для концентрации земли в тех хозяйствах, где имелись капитал и инвентарь. Реформа Столыпина еще более ослабила значение переделов и роль общинных традиций. Однако говорить о том, что в Центральной России в дооктябрьский период утвердилась полная частная собственность на землю отдельных крестьян, нельзя. Напомним также, что община сопротивлялась реформе Столыпина, а идея патриархального равенства вдохновляла крестьян на потравы в хуторских и отрубных хозяйствах.

Советская власть не могла не видеть бедственного положения деревни, всех последствий «социализации» земли и не понимать, сколь вредны бесконечные переделы и дробление крестьянских хозяйств: падение заинтересованности в ведении хозяйства, сокращение интенсивных форм хозяйствования были налицо. Регулировать переделы пытались с помощью законодательства, а кроме того, поощрять хозяйства, использующие интенсивные методы земледелия. Законодательные акты следовали один за другим начиная с середины 1919 г., когда были изданы по этому поводу циркуляры Наркомзема. 30 апреля 1920 г. было издано постановление СНК СССР «О переделах земли», 27 мая – декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об увеличении размера землепользования в трудовых хозяйствах». На VIII съезде Советов рассматривалось предложение о премировании старательных хозяев. На II сессии ВЦИК 20 мая 1921 г. был принят декрет «Об обеспечении за крестьянским населением правильного и устойчивого пользования землей»[27].

---

[26] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 513. Л. 30.

[27] См.: *Поляков Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. С. 253; СУ РСФСР. 1920. № 35. От. 170; № 52. Ст. 226; I–IV сессии ВЦИК VIII созыва: Стеногр. отчет. М., 1922. С. 11–12.

С помощью этих законодательных актов стремились упорядочить переделы, которые должны были производиться лишь с разрешения земельных органов, в том числе оставлять землю сверх установленных для района норм тем трудовым хозяйствам, которые применяли удобрения, внедряли технику и многопольные севообороты. Однако это не могло остановить или даже существенно ограничить переделы. О низкой эффективности ограничительных мер свидетельствует частота издания большого числа актов за очень короткое время. Формулировки в этих актах осторожны и расплывчаты, но, даже будучи таковыми, они вызвали осуждение, неприятие со стороны многих деятелей партии и правительства, опасавшихся возрождения кулачества. Очевидно, что в этой ситуации вряд ли на местах спешили им следовать. Даже если бы они и выполнялись, маловероятно, чтобы в условиях «военного коммунизма», разрухи, резкого сокращения рынка и высокого износа сельхозинвентаря и его дефицита они могли привести к появлению большого количества интенсивно развивающихся хозяйств.

Таким образом, если конфискация и раздел помещичьих земель и перераспределение помещичьих инвентаря и имущества усилили середняцкие и зажиточные хозяйства, то социализация земли и ее переделы в 1919, 1920 гг. явно ослабили экономику русской деревни. Одним из ярких следствий этого обеднения стало малоземелье, главным образом не по наделу, а по посеву. Органические дробления хозяйств усугубляли ситуацию.

Таблица 1

Губерния	Год	% хозяйств с посевом			
		беспосевные	мелкие, до 4 дес.	средние, до 10 дес.	крупные, более 10 дес.
Самарская	1913	10,0	21,9	46,4	21,7
	1918	3,3	48,7	12,1	5,9
Саратовская	1917	13,3	33,6	35,9	17,2
	1919	8,3	43,2	42,4	6,2
Оренбургская	1917	10,2	26,2	36,0	27,3
	1919	5,3	40,1	40,3	13,8

Источник: РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 495. Л. 1.

Измельчание хозяйств к 1919 г. видно на примере некоторых губерний (табл. 1), в которых в 1919 г. явно преобладала группа хозяйств с посевом до 4 дес., а не с посевом до 10 дес., как это было в 1917 г.

В рукописи «Динамика сельского хозяйства» А. И. Хрящева на примере выборочной гнездовой переписи хозяйств Тульской губернии показывает, что из всех обследованных в 1920 г. хозяйств 21,3 % образовались в результате раздела, в результате соединения – всего 2 %, возвратились же в деревню 5,1 % хозяйств. Причем особенно много образовалось мелкопосевных хозяйств – площадью до 4 дес. 23,9 % этой группы хозяйств образовались путем разделов. Разделам с 1917 до 1920 г. были подвержены в большей степени крупные хозяйства, чем мелкие. Однако делились и средние хозяйства. Интенсивность разделов была прямо пропорциональна размеру хозяйства. Так, среди хозяйств с посевом более 10 дес. (с 1917 до 1920 г.) разделились 27,9 % хозяйств (соединились 2,2 %), в группе с посевом 4,1–8 дес. – 12,9 % (соединились 2,2 %), а с посевом до 4 дес. – 6,3 %, соединились 3,3 %. Из всех хозяйств, созданных в результате раздела, 3/4 были мелкопосевные (до 4 дес.), а хозяйств с посевом более 10 дес. – всего 0,4 %[28].

Усилившееся преобладание мелких хозяйств можно констатировать на примере 22 губерний Европейской России. Если группа с посевом до 2 дес. в 1917 г. составляла 30,4 % всех хозяйств, то в 1920 г. – 47,9 %. Аналогичные данные за тот же период в губерниях были таковы: во Владимирской – 36,9 и 59,6 %; в Костромской – 31,3 и 76,4; в Пензенской – 23,2 и 27,0; в Смоленской – 17,8 и 56,5; в Череповецкой – 51,3 и 81,9 %. В целом из 22 губерний лишь в трех – Астраханской, Оренбургской и Самарской – было относительно мало таких мелкопосевных хозяйств – соответственно 6 %, а в двух других – чуть более 15 %. В 7 губерниях таких хозяйств было более 50 %, а в четырех других – более 75 %.

В этих губерниях было много хозяйств с посевом от 2 до 4 дес. В 1920 г. во Владимирской губернии их было 26,2 %, Костромской – 17,3, Пензенской – 38,3, Смоленской – 32,3, Оренбургской – 20,9 % и т. д. Измельчание хозяйств здесь

[28] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 498. Л. 3–5.

прослеживается, в частности, в том, что в потребляющих районах, более малоземельных, эта группа мелкопосевщиков уменьшается, например в той же Владимирской губернии – с 30,3 до 26,2 %. То же происходило в Ярославской, Московской губерниях. Во всех этих губерниях это сокращение происходило на фоне увеличения числа сеющих 1–2 дес.

В более зажиточных и многоземельных губерниях число хозяйств с посевом 2–4 дес. увеличивалось (Курская, Пензенская, Тамбовская). Здесь, очевидно, раздробились более крупные хозяйства, так как группа хозяйств с посевом от 4 дес. и более во всех этих губерниях сократилась. Хозяйства с посевом более 10 дес. во многих губерниях совсем исчезли.

То же происходило с уровнем обеспеченности хозяйств скотом. Так, за этот же период заметно увеличился процент хозяйств с 1 головой рабочего скота. По стране в целом в начале 1920 г. он составил более 50, а в Европейской России – более 60. Обычно подобные факты трактовались как аргумент в пользу осереднячивания деревни. Однако происходившее параллельно этому резкое сокращение хозяйств с двумя лошадьми в Европейской России более чем в 2 раза, а также с тремя и более лошадьми, доля которых сократилась более чем в 5 раз, равно как сократились и многокоровные хозяйства на фоне очень большого малоземелья, говорит об обеднении значительной части хозяйств и опущении их ниже среднего уровня, в разряд маломощных, т. е. бедных.

Что касается другого вывода, к которому приходили исследователи, – о «замирании» дифференциации хозяйств в ее классическом виде в это время, то он правомерен. Налицо нивелировка хозяйств, но по бедняцкому уровню. В 1920 г. беднота составляла основную массу крестьянских хозяйств, середняцких хозяйств по сравнению с ними было немного. Что касается «кулацких», т. е. хозяйств, широко использующих наемный труд, то чрезвычайно трудно выделить их среди зажиточных, которые имели и землю и скот и были обеспечены собственной рабочей силой. Многопосевные и многолошадные хозяйства при малых семьях, нанимавшие сроковых рабочих, составляли, как это убедительно показал Ю. А. Поляков, несколько менее 1 % всех крестьянских хозяйств. Даже если принять во внимание распространенные тогда формы скрытого

найма рабочей силы и ростовщичества, то «кулацкие» хозяйства составят всего около 2 %[29]. Но эту цифру надо принимать с оговоркой, потому что найм одного, даже срокового рабочего далеко не всегда означал, что хозяйство базировалось на наемном труде.

Преобладание в деревне мелкопосевщиков можно увидеть на примере и тех хозяйств, которые не претерпели никаких органических изменений (соединений и дроблений). Такую группу хозяйств выделяет для наблюдения в Тульской губернии А. И. Хрящева. Согласно ее данным, 48,7 % всех беспосевщиков в 1917 г. перешли к 1920 г. группу с посевом до 4 дес.; 10,4 % остались беспосевными, а менее 0,5 % влилось в группу с посевом более 4 дес. При этом выселились из деревни и самоликвидировались 24,8 % хозяйств.

Группа с посевом до 4 дес. за тот же период осталась без изменений на 67,9 %; 16,5 % ее увеличили посев до 4,1–8 дес., а 0,6 % – свыше 8 дес.

В группе с посевом 4,1–8 дес. 36 % хозяйств сохранили свое положение; 44,7 % хозяйств, не претерпев органических изменений, сократили посев и перешли в группу с посевом до 4 дес., 3 % хозяйств перешли в более крупные посевные группы.

Группа с посевом 8,1–10 дес. на 5,5 % сохранили свои хозяйства без изменений, 70 % ее сократили посев, причем 25 % хозяйств перешли в группу с посевом до 4 дес., а увеличили посевы менее 1,5 % хозяйств. Наконец, группа с посевом более 10 дес. сохранилась на 4,6 %, остальные хозяйства перешли в более низкие по нормам посева группы – в основном от 4 до 8 и 0 до 4 дес.[30]

Из этих выкладок очевидно, что беспосевная группа и группа сеющих свыше 8 дес. сократились. Это явление происходило на фоне перехода этих хозяйств в основном в группы с посевом от 0 до 4 и от 4,1 до 8 дес., особенно в первую группу, от 0 до 4. Соответственно вырос и удельный вес этой мелкопосевной группы. Если в 1917 г. она составляла 42,4 % всех обследованных хозяйств, то к 1920 г. ее удельный вес поднялся до 66,4 %[31].

---

[29] См.: *Поляков Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. С. 138–139.
[30] РГАЭ. Ф. 105. Он. 2. Д. 498. Л. 4.
[31] Там же. Л. 4–5.

Группа беспосевщиков сократилась за то же время с 4 до 1,1 %. Группа крупнопосевщиков (свыше 10 дес.) уменьшилась с 9,4 до 0,9 % от всех хозяйств. Сильно сократилась группа крупнопосевщиков от 8,1 до 10 дес. – с 7,6 до 2,2 %. Важно подчеркнуть, что к 1920 г. заметно сократилась типично середняцкая группа от 4,1 до 8 дес. Если в 1917 г. 36,4 % хозяйств принадлежало к этой группе, то в 1920 г. – 29,4 %[32].

Итак, после некоторого общего подъема деревни и наметившейся тенденции к увеличению среднего слоя крестьян в результате раздела помещичьих земель в ряде губерний обозначилась и другая тенденция, противодействующая осереднячиванию, что и привело в 1920 г. к росту численности бедняцких групп. Конечно, могут возникнуть возражения относительно зачисления всех хозяйств с посевом до 4 дес. в разряд бедняцких. Разумеется, среди них могла быть и некоторая часть середняцких хозяйств. В принципе в любой из посевных групп встречались хозяйства разной экономической мощности, хотя группировка хозяйств по посеву наиболее достоверно отражает их экономическую характеристику вплоть до середины 1920-х годов. В земледельческом хозяйстве размер площади посева является результатом приложения всех его сил и средств, выражением всей его экономической мощности. Не обошлось здесь и без исключений, но все же каждая посевная группа имела свои общие определенные социально-экономические параметры.

В ряде исследований характеристика середняцкого хозяйства необоснованно начиналась с посева в 1–2 дес., но это происходило чаще всего из опасения, что в деревне, если считать типичным более крупный посев для средней группы, окажется очень много бедноты. В некоторых случаях такие низкие нормы посева для середняка оговаривались термином «маломощный середняк», однако в литературе 20-х годов, авторы которой имели возможность изучать эту деревню, обследовать ее непосредственно, термин «маломощный» был синонимом слова «бедный». Ни у Л. Н. Крицмана, ни у А. А. Гайстера, ни у В. С. Немчинова, ни у А. И. Хрящевой мы не найдем такого термина «маломощный середняк».

[32] РГАЭ. Ф. 105. Он. 2. Д. 498. Л. 4–5.

Встречается и другая попытка подтвердить характеристику деревни как середняцкой, занизить нормы середняцкого посева для некоторых поясов, например для потребляющей полосы. Между тем в опубликованной в 1926 г. работе А. И. Хрящевой «Группы и классы в крестьянстве» середняк по посеву в потребляющей полосе – это тот, кто засевает минимум 2–4 дес. Важен рубеж, с которого она начинает середняцкий посев. В черновиках же этой и других работ Хрящева повсюду, даже для губерний потребляющей полосы, называет группу с посевом до 4 дес. «мелкопосевщиками», а также «низшими» группами деревни, т. е. не относит их к середнякам. В некоторых случаях она называет «мелкопосевщиками» даже сеющих до 6 дес. Причем характеристика относится к Центральной России, в том числе к потребляющей полосе.

Итак, мы явно видим измельчание хозяйств к 1920 г. А. И. Хрящева писала по этому поводу: «Хозяйства в громадной массе стали более мелкими, чем были до революции... они не смогли освоить полученную землю»[33]. Добавим к этой характеристике, что в 1920 г. в губерниях производящей полосы почти 30 % хозяйств были безлошадными, а 13,3 % хозяйств испытывали недостаток в рабочей силе; в потребляющей полосе 12,5 % хозяйств не имело достаточной рабочей силы. Кстати, измельчание крестьянских хозяйств отмечали и другие исследователи 1920-х годов. Так, Б. Н. Книпович писал, что число хозяйств с посевом до 4 дес. увеличилось в 1916 г. с 59 % от всех хозяйств до 74 % в 1919 г., а число безлошадных в 1919 г. составляло более 1/4 хозяйств, бескоровных же было около 16 %[34].

Измельчание хозяйств отмечали и некоторые современные исследователи. Например, Ю. А. Поляков сделал расчеты по 51 губернии России, согласно которым в деревнях центральной полосы 46,8 % составляли хозяйства с посевом менее 2 дес. Он характеризовал их как бедняцко-батрацкую группу. Кроме того, хозяйств с посевом от 2 до 4 дес. было 28,4 %[35]. К этому

---

[33] *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве. М., 1926. С. 107; РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 495, Л. 4; Д. 498. Л. 4, 6; Д. 502. Л. 37–38, 41; Д. 473. Л. 15.

[34] *Книпович Б. Н.* Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917–1920). М., 1920. С. 25.

[35] *Поляков Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. С. 132, 140.

надо добавить, что благодаря возможности получить землю многие ушедшие из деревень возвращались обратно, 85 % из них (например, по Тульской губернии) стали мелкопосевщиками[36]. При этом хозяйства с посевом от 2 до 3 дес. на 29,6 % были лишены пахотных орудий, на 17 – рабочего скота, на 11 – коров и на 11 % – собственной рабочей силы. Почти в таком же положении находились хозяйства с посевом от 3 до 4 дес.[37] Правомерность отнесения этих хозяйств к середняцким вызывает сильные сомнения.

Итак, из всего сказанного следует, что нивелировка в деревне действительно произошла, крайние полюса стерлись, хозяйства получили землю, которой ранее не имели. Увеличились соответственно численности семьи и размеры надела. Патриархально-крестьянская программа была реализована. Но на практике она не могла полностью соответствовать интересам крестьянства, не только всего, но и беднейшего. Сглаживалась ли при этом острота социальных противоречий? Если и сглаживалась, то лишь на короткий срок, и этот «классовый мир» был непрочен по причине неустойчивости самой нивелировки крестьянства. К тому же крестьяне, в течение двух лет не обрабатывавшие сами землю, ее лишались. Следовательно, если ранее крестьянская семья, занятая промыслом, но сохраняющая землю, сдавала ее в долгосрочную аренду, то теперь была возможна лишь краткосрочная аренда, что пагубно влияло на земледелие[38]. Переехавшая в город семья стремилась хоть как-то обработать своими силами землю, лишь бы сохранить на нее право, что ухудшало качество обработки земли и ухода за почвой. Медленные работы по землеустройству, о чем многие исследователи уже писали, дела не улучшали. Все это вместе взятое затрудняло обретение крестьянином положения середняка, что ставит под сомнение распространенный тезис, что середняк к началу нэпа был центральной фигурой деревни. Более того, наметилась тенденция к обеднению массы крестьянства, которое все еще продолжало вести свое хозяйство. На деле к бедноте относилась большая часть крестьянства

[36] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 498. Л. 3.

[37] *Поляков Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. С. 140.

[38] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 489. Л. 1–2.

Центральной России. Исходя из приведенных выше данных, по самым приблизительным подсчетам, беднота* составляла в среднем по губерниям Центральной России 3/4 всех крестьян. Эта тенденция к обнищанию вместе с последствиями войны привела к сокращению посевов и сельскохозяйственного производства. База же для дальнейшей дифференциации крестьянства продолжала сохраняться по причине неравномерного распределения инвентаря и скота, особенно рабочего. Несмотря на запрещение найма рабочей силы, он и в 1920 г. продолжал существовать. Число нанятых крестьянскими хозяйствами сроковых рабочих по стране (без Туркестана, Дальнего Востока и Северного Кавказа) составляло 416,4 тыс. человек (это те, которых удалось зарегистрировать)[39].

Было ли заинтересовано государство в целом, город в частности в социализации земли? Негативные последствия уравнительного ее распределения предвидели некоторые экономисты и ученые-аграрники. В личной заметке А. И. Хрящева пишет: «Чтобы рационально решить вопрос аграрной реформы, надо создать массу крупных крестьянских хозяйств. Создание мелких (трудовых хозяйств) влечет за собой падение производительности и обесхлебье»[40]. Заметка датирована примерно 1918 г. Земледельческий характер хозяйств усиливался в ходе передела земли, ослаблялись промыслы и угасал рынок. А. И. Хрящева считала, что «чисто земледельческие хозяйства», т. е. без промыслов и находящиеся вне сферы влияния промыслового рынка, – это «хозяйства ненормальные»[41]. Это была аномалия в естественном развитии крестьянского

* Под бедняцким хозяйством мы имеем в виду не только совершенно разоренное, заброшенное хозяйство, но и хозяйство жизнеспособное с мелким посевом (не более 4 дес.), слабо обеспеченное рабочим и продуктивным скотом (безлошадное или однолошадное, бескоровное или однокоровное), почти лишенное инвентаря (в том случае, когда он имелся, то был крайне примитивен). Произведенного таким хозяйством продукта едва хватало на прокормление семьи. Если оно и втягивалось в рыночные отношения, то не от избытка продукции, а от ее недостатка.

[39] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 502. Л. 28.

[40] Там же. Д. 480. Л. 2.

[41] Там же. Л. 2–4 об.

хозяйства. Искусственно созданный прорыв в той стадии развития рыночных отношений, в которую вступало крестьянское хозяйство Центральной России, являлся несомненным регрессом.

Сама по себе ликвидация всех крупных помещичьих хозяйств, в том числе капитализированных, имела в данной ситуации ряд отрицательных последствий для производства хлеба, технических культур и разведения племенного скота. Однако если бы не социализация земли, то ликвидация помещичьего землевладения, а также связанных с ним крепостнических пережитков дала бы толчок для развития товарного хозяйства на базе крестьянского, которое обеспечило бы и высокую производительность труда, и функционирование рынка. Правда, поначалу оно столкнулось бы с немалыми трудностями, которые создали разрушенная промышленность, военные потери населения.

Социализация земли нарушила естественное развитие крестьянского хозяйства по фермерскому пути. Ее отрицательные последствия долго недооценивались в исследовательской литературе. Между тем она сузила сферу рыночных отношений и деформировала их на многие годы вперед.

Можно ли было найти выход из той ситуации, которая сложилась в деревне в результате социализации земли? В принципе потенции фермерского развития и эффективных форм кооперирования (снабженческо-сбытовая, кредитная и т. д.) в крестьянском хозяйстве оставались, но их реализация сильно осложнилась. В разоренной стране, находившейся, кроме того, в экономической изоляции от мирового рынка, подъем сельского хозяйства был задачей исключительно трудной. По мнению некоторых специалистов, оно нуждалось в мощной поддержке извне, со стороны развитых в экономическом отношении стран, и связях с международным рынком. Такого фактора не было. Более того, образовался замкнутый круг: разрушенная промышленность и городское хозяйство не обеспечивали крестьянство ни инвентарем, ни потребительскими товарами, а изолированное самообслуживающееся хозяйство не могло дать средств на восстановление промышленного производства. Крестьяне сами начали осознавать всю тяжесть положения, свидетельством чего явились Кронштадтский

мятеж и другие выступления. Дело было не только в их требовании ликвидировать продразверстку, они интуитивно стремились к восстановлению рыночных отношений, которые разрушили бы натуральное патриархальное хозяйство. Это был единственно возможный способ возвращения крестьянского хозяйства на путь товарного производства. Однако в этом требовании крестьян содержалось противоречие: они в то же время не желали обеднения, боялись разорения. При таком положении дел и пришлось решать вопрос о нэпе.

Переход к нэпу в ряде районов страны осложнился последствиями голода 1921 г. Голодом к июню были охвачены Среднее и Нижнее Поволжье, особенно Самарская губерния, в июле голод распространился на Астраханскую, Царицынскую, Саратовскую, Симбирскую губернии, а также Татарию, Чувашию, несколько уездов Уфимской губернии, на два кантона Марийской автономной области и четыре уезда Вятской губернии. Кроме того, многие города и села других близлежащих районов к Поволжью принимали огромное количество беженцев. В условиях слабого малотоварного хозяйства это было значительной нагрузкой.

Территория, охваченная голодом, с каждой неделей все расширялась. 3 августе он распространился на Киргизскую (Казахскую) республики, Уральскую, Оренбургскую, Актюбинскую, Букеевскую и Кустанайскую губернии. В течение 1921 г. пострадавшими были признаны также Пермская губерния, Крым, Башкирия и часть Кубано-Терского района, Воронежская и Тамбовская губернии, частично Украина (Запорожская, Екатеринославская и Донецкая губернии), Ставропольская, Тюменская, Калмыцкая области и др.[42] Численность населения в пораженных голодом районах (по подсчетам Ю. А. Полякова) достигала 35 млн человек[43]. Что касается численности голодающих, то встречаются разные цифры: в литературе того времени – от 22 до 28 млн человек. В официальных заявлениях правительства, в частности М. И. Калинина на IX съезде Сове-

[42] См.: *Генкина Э. Б.* Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922 гг.). М., 1954. С. 282.
[43] См.: *Поляков Ю. А.* Указ. соч. С. 289.

тов, – 27–28 млн человек[44]. В более поздних работах фигурирует цифра 32–33 млн[45]. (Вопрос этот до сих пор дискутируется в литературе.)

Напомним, что все эти территории сильно пострадали во время Гражданской войны. Однако голод так тяжело ударил по крестьянскому хозяйству именно потому, что оно было мелким, маломощным и не могло противостоять столь страшному бедствию.

Высокая смертность населения, особенно детская, массовая миграция в города и села других районов России привели к запустению и обезлюдиванию деревень Поволжья. Измотанные неурожаем и голодом, потерей рабочей силы и рабочего скота, крестьянские хозяйства вконец обнищали. Хотя пострадавшим районам оказывали помощь общественные, государственные и международные организации, масштабы этого бедствия оказались столь огромны и глубоки, что на долгие годы ослабили деревню средней полосы России. Быстро ликвидировать негативные последствия голода было практически невозможно.

Таблица 2

Губерния	Год	Приходилось на одно хозяйство			
		посева (дес.)	рабочих лошадей	рабочих волов	овец
Саратовская	1916	6,9	1,6	0,2	3,8
Самарская	1921	3,3	0,9	0,1	1,7
Астраханская (Орский уезд)	1916	5,6	1,1	1,1	7,2
	1921	2,8	0,5	0,5	2,0
Оренбургская	1916	8,3	2,1	2,1	8,4
	1921	4,5	1,5	1,5	3,0

Источник: РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 486. Л. 2.

[44] Итоги последствий голода. М., 1923. С. 15; см.: IX Всероссийский съезд Советов: Стеногр. отчет. № 2. С. 4.

[45] *Трифонов И.* Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. М., 1960. С. 21; *Рубинштейн Н. Л.* Внешняя политика Советского государства, 1921–1925 гг. М., 1953. С. 92.

Масштабы последствий голода отразились на уровне эффективной рождаемости: так, если ее показатель в 1923 г. составил 30 %, в 1925 и 1926 гг. – более 30, то в 1921 г. – 21,2, в 1922 г. – 22,1 %[46].

В пострадавших губерниях во время голода умерло 6,6 % населения, а родилось только 1,5 % по отношению к населению 1921 г. (при этом остались неучтенными те, кто, эмигрируя из этих районов, умер в дороге). Потери особенно коснулись мужчин. К 1922 г. мужское население составило 82 % от его численности в 1914 г., т. е. сократилось на 18 %; число работников – на 15, число женщин-работниц – на 14 %. В результате в 1922 г. около 1/5 хозяйств этих губерний оказались лишенными своей рабочей силы[47].

Голод 1921 г. привел к общему обеднению деревни, сокращению посевов, скота и инвентаря (табл. 2).

Последствия голода продолжали сказываться на мощности крестьянских хозяйств и в дальнейшем, в 1922–1924 гг.

В 1922 г. (по сравнению с 1920 г.) группа сеющих до 2 дес. в пострадавших от голода губерниях увеличилась более чем вдвое, а группа сеющих более 6 дес. составила 10,8 % всех крестьянских хозяйств (по сравнению с 26,6 % в 1920 г.). Напомним, что посев, который исчислялся размером более 6 дес., был характерен именно для середняка.

Безлошадных в пострадавших губерниях в 1920 г. было 29,3 %, а в 1922 г. – 42,4, в 1923 г. – 42,5, в 1924 г. – 41,1 %. Восстановление поголовья скота требует длительного времени. Число хозяйств, имевших 2–3 головы скота, сократилось с 1920 к 1922 г. более чем в 1,5 раза[48]. В этих условиях трудно говорить о массовом осереднячивании крестьян (по крайней мере в пострадавших районах).

Небывалое число крестьянских хозяйств в пораженных голодом губерниях самоликвидировалось и выселилось: в 1921 г. ликвидировались 6,5 %, в 1922 г.– 5,5, в 1923 г.– 4,4 %. Итак, к

[46] Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 11–12 (подсчеты Б. Ц. Урланиса).

[47] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 495. Л. 5–6.

[48] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 495. Л. 3–5.

1924 г. выселились 17,7 % крестьянских хозяйств, т. е. почти 1/5. За этот же период (1921–1924 гг.) в не пострадавших от голода губерниях выселилось всего 5,4 % хозяйств[49]. Голодный 1921 год затронул все стороны хозяйства: не только производство и его ресурсы, но и семью, ее рабочий состав – и тем самым сильнейшим образом повлиял на обычный ход эволюции крестьянского хозяйства. Естественные процессы приняли иные масштабы и направления. Изменился социальный состав крестьянства: большинство средних и крупных хозяйств стали мелкими и маломощными, в то же время основная масса беспосевщиков и маломощных была выброшена из деревни. А. И. Хрящева называет факторы, усугубившие последствия голода – только что прокатившуюся Гражданскую войну, нестабильную систему налогов, отсутствие нормального рынка, ослабление транспортных связей и развал крупной промышленности. Но главным, по ее мнению, был упадок крестьянского хозяйства, представлявшего собой изолированную, почти только самообслуживающуюся единицу[50].

Итак, к началу 20-х годов переплетались две тенденции, создавшие представление о якобы происходившем «осереднячивании» деревни, – первая привела в результате самоликвидации (особенно маломощных хозяйств) к сокращению числа беднейших слоев деревни (заметим, что это нормальный процесс социально-экономической дифференциации); вторая, как мы увидим дальше, проявлялась в экономическом восстановлении крестьянских хозяйств после голода и последствий войн и в общем подъеме уровня жизни деревни. Восстанавливалась посевная площадь, росло поголовье скота, и продуктивного и рабочего. Этот подъем деревни был принят за процесс осереднячивания, тогда как в ней продолжало преобладать маломощное хозяйство. Это общее улучшение положения значительной части крестьянских хозяйств в условиях рынка начало сразу размываться изнутри социальной дифференциацией.

[49] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 495. Л. 5.
[50] Там же. Л. 57.

Введение нэпа и «постсоциализированная» деревня[*]

При переходе к нэпу ключевое значение приобретал вопрос о налоге. В марте 1921 г. продразверстка была заменена продналогом, который основывался на принципе прогрессивного налогообложения, т. е. налог должен был взиматься в соответствии с экономической мощностью хозяйства. На X съезде РКП(б) ставился вопрос об освобождении от натурального налога беднейших хозяйств, но тогда в 1921 г., речь шла лишь об освобождении их от некоторых видов налога и только «в исключительных случаях» – полностью[51].

Продналог при том, что он не учитывал в полной мере экономической мощности отдельных хозяйств, а поэтому не давал возможности установить справедливую сумму налога, был меньше продразверстки. Крестьянин получил возможность свободно распоряжаться излишками продукции и выходить с нею на рынок. Это должно было служить подъему сельского хозяйства и способствовать ликвидации последствий «социализации» земли. Однако вытеснение продразверстки продналогом на местах происходило трудно и медленно. 17 марта 1922 г. Декретом ВЦИК и СНК продналог был заменен единым натуральным налогом, которым облагалась не только сельскохозяйственная продукция, но и скот в крестьянском хозяйстве[52]. При том, что продналог был несовершенен, а его объем обременителен для крестьянского хозяйства, по сравнению с продразверсткой он все же давал возможность для нормализации его развития и восстановления.

Для укрепления и восстановления крестьянского хозяйства необходимо было принять ряд законов – о собственности на землю, о правах распоряжения ею, об арендных отношениях и отношениях найма рабочей силы и т. д. Кроме того, без упорядочения пользования землей и более или менее стабильного закрепления ее за общинами или отдельными хозяевами очень трудно было определить ставку продналога и его объем. С учетом этих потребностей был разработан и 30 октября 1922 г.

---

[*] Политика кооперирования, а также группы крестьянства, связанные с производственной кооперацией и совхозами, в работе не рассматриваются.

[51] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 2. С. 257.

[52] СУ. 1922. № 25. С. 284.

принят Земельный кодекс РСФСР (введен в действие с 1 декабря). Ему предшествовала серия законодательных актов «Основной закон о трудовом землепользовании»[53] (май 1922 г.), постановление «О порядке рассмотрения земельных споров» (май 1922 г.) и др.[54] Законы эти были включены в кодекс. Кодекс достаточно часто и широко анализировался в научной литературе, но он настолько важен для изучения деревни 20-х годов, что необходимо рассмотреть его основные положения.

Напомню, что кодекс закреплял национализацию земли, запрещал частную собственность на землю, а также всякие сделки по купле-продаже, завещанию ее и т. д. Земледельцы, таким образом, являлись лишь землепользователями. Фиксировалось устойчивое право на пользование землей и оговорены все случаи, когда землепользователь лишался земли. Пока он обрабатывал землю, ее не могли изъять. Подтверждался провозглашенный еще Декретом о земле принцип свободного выбора крестьянством форм и порядка землепользования: община, отруб, хутор. Ни одной из этих форм не оказывалось предпочтения – по закону они были равны. В кодексе подробно оговаривались принципы существования общины, ее отношения с государством и внутренние ее отношения. Упразднялась административно-финансовая функция общины. Вместе с тем у нее оставались права юридического лица на приобретение имущества, заключение договоров, выступления в суде и т. д. Большое внимание в кодексе уделялось переделу земли: отменялись межселенные переделы, земля считалась закрепленной с момента принятия «Основного закона о трудовом землепользовании», т. е. с 22 мая 1922 г. Что касается внутриселенных переделов, то кодекс увеличивал сроки между переделами: не ранее трехкратного севооборота, а в его отсутствие не ранее чем через 9 лет. Большая часть земель исключалась из переделов: усадьба, огород, виноградники, сады, особо ценные насаждения. Досрочные переделы допускались лишь в целях улучшения форм землепользования, т. е. устранения мелкополосицы, перехода к

[53] Земельный Кодекс РСФСР. М., 1923.

[54] Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР, 1917–1954. М., 1954. С. 140–144; III сессия ВЦИК IX созыва. № 7. С. 1–8, 10, 22–25.

многопольному севообороту и т. п. Земельные споры решались земельными комиссиями, которые обеспечивали правовую защиту крестьянского землепользования. Они были созданы еще до 22 мая 1922 г.

Кодекс разрешал трудовую аренду земли. В случае, если сдатчик прекращал ведение своего хозяйства, то запрещалась и аренда. Он терял всю землю. Городским жителям сдавать свой надел в аренду или арендовать землю, большую, чем мог обработать арендатор своими силами, тоже запрещалось. Срок аренды поначалу был разрешен на срок одного севооборота, но уже в октябре 1922 г. – на срок до трех севооборотов. Кроме того, кодекс не исключал использование вольнонаемного труда, при условии соблюдения законов о его охране и нормировании.

Кодекс отличался внутренней противоречивостью. С одной стороны, он стимулировал восстановление крестьянского хозяйства, его укрупнение и подъем, т. е. создавал условия для углубления его дифференциации. С другой – лимитировал обогащение – таким способом его создатели пытались смягчить процесс расслоения крестьянства, ограничивая предпринимательские тенденции и предусматривая ряд гарантий для бедных и средних хозяйств. Однако эти гарантии были недостаточными для того, чтобы не допустить обнищания, тем более что по бедности в них нуждалось значительное число хозяйств.

Кодекс закреплял национализацию земли. Эта мера не только тогда, но еще и теперь вызывает споры. Их, кстати, вели и сами крестьяне, и ученые, и партийные и государственные работники. Споры вызывали вопросы купли-продажи, свободного обращения земли и цены на нее. В ряде губерний некоторые крестьяне требовали восстановления частной собственности на землю, хотя и в ограниченных размерах и при условии обработки ее личным трудом (Кимры, Воронежская, Иваново-Вознесенская и Смоленская губ.)[55]. Однако, несмотря на эти требования, кодекс утверждал статус крестьянина не как собственника, а лишь как землепользователя. Таким образом, с самого начала у него подрывалось чув-

[55] Правда. 1922. 4 марта, 9, 12 апр.

ство хозяина земли. Правда, нельзя сказать, что в ту пору у крестьян, привыкших к общинным традициям и государственному землевладению, это чувство было повсеместно и глубоко развито. Однако тенденция к этому прослеживалась, поскольку к 1922 г. примитивное поравнение, проведенное во время социализации земли, практически и психологически себя уже изжило. Национализация земли нанесла удар по этому пробуждающемуся чувству собственника и явилась препятствием к переходу крестьян к фермерству.

Создатели кодекса пытались хоть в какой-то степени удовлетворить естественное стремление крестьян к хозяйствованию на своей земле и обеспечить устойчивое землепользование. Это, в частности, нашло отражение в статьях о правах землепользователя, лишить его земли можно было в редких случаях, например, если он переставал ее обрабатывать, или покидал деревню и переезжал в город, или добровольно отказывался от надела и т. д. Статьи о свободном выборе форм землепользования, которые, впрочем, на практике вскоре стали нарушаться, были призваны служить укреплению этих прав. Сложнее дело обстояло с куплей-продажей земли. В принципе национализация может сочетаться, хотя и с ограниченной, куплей-продажей земли между государством и землепользователем или (под контролем государства) с куплей-продажей по госцене между самими землепользователями и т. д. Однако такая возможность кодексом не предусматривалась, и любая купля-продажа земли была категорически запрещена. Протесты противников такого запрета (например, Б. Д. Бруцкуса)[56] имели с экономической точки зрения веские основания, так как запрет препятствовал концентрации земли в крепких, технически оснащенных культурных хозяйствах, а следовательно, восстановлению и развитию сельскохозяйственного производства.

Запрещение торговли землей тормозило уже развивавшийся в деревне процесс укрупнения хозяйств и концентрации земли в экономически сильных хозяйствах. Однако было бы

[56] *Бруцкус Б. Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922; Он же. Аграрное перенаселение и аграрный строй // Сельское и лесное хозяйство. 1922. № 7–8.

неправильно думать, что запрет абсолютно прервал этот процесс, так как оставалась возможность концентрации земли путем аренды. Как известно, аренда, традиционная для российской деревни, была широко распространена в 20-е годы. Однако до Октября крестьяне арендовали лишь помещичью землю. Безусловно, негативный момент кодекса – запрет на долгосрочную аренду – мыслился как своего рода социальная гарантия, которая предотвратит безвозвратную потерю земли бедными и средними хозяйствами. Однако стоило ли оставлять землю тем, кто был не в состоянии ее обрабатывать? Конечно, существовали такие хозяйства, которые, слабея в неблагоприятные годы, сдавали землю в аренду, но в урожайные годы вновь обретали силу и обеспечивали обработку своего надела. Но в большинстве случаев эта «гарантийная» мера не была оправдана с экономической точки зрения ни для бедняков (ибо не позволяла им покинуть землю, которую они не могли обработать, и найти применение своим силам и заработки в промыслах, промышленности и других областях хозяйства), ни для средних слоев крестьянства, которым она мешала развиваться и обогащаться. Кроме того, эта мера закрепляла чересполосицу и мелкоземелье, осложняя обработку земли. Если бы принцип «землю тем, кто в состоянии ее обрабатывать» не был нарушен, то арендные отношения затронули бы значительно меньшую часть хозяйств и не служили бы исправлению последствий уравнительного распределения земли, при котором середняцкие и даже бедняцкие хозяйства вынуждены были сдавать землю в аренду, чтобы привести ее количество в соответствие с наличием рабочей силы и рабочего скота.

Уже ко времени введения Земельного кодекса РСФСР в деревне сложились арендные отношения, существовал найм рабочей силы в крестьянских хозяйствах. Кодекс эти отношения закрепил. Найм, как об этом уже упоминалось, существовал в годы «военного коммунизма», хотя и в очень ограниченных размерах. С введением нэпа он получил более широкое распространение. В советской деревне форма и условия найма рабочей силы были далеки от аналогичных форм найма в культурных фермерских хозяйствах и контролировать их было не просто. Поэтому в кодексе уделялось большое внимание контролю над ним. Закрепив существующие отношения найма и продажи рабочей силы, кодекс поставил их под защиту закона.

В 1920 г., в год минимального найма рабочей силы в РСФСР, индивидуальными крестьянскими хозяйствами были наняты 233 тыс., а крестьянскими общинами – 354 тыс. человек; в 1922 г. – соответственно 377 и 393 тыс. В масштабах страны (без Туркестана, Дальнего Востока и Северного Кавказа) в 1920 г. крестьянскими хозяйствами были наняты 416,4 тыс. человек, а общинами – 454,1 тыс.; в 1924 г. – соответственно 434 и 455 тыс. человек[57].

Земельный кодекс провозглашал свободу форм выбора землепользования и, следовательно, не препятствовал существованию, помимо общины, хуторов и отрубов. Юридически допускались сосуществование и конкуренция этих разных форм землепользования. (На практике же государство стало быстро отдавать предпочтение коллективным формам хозяйства – артелям, коммунам и т. д.) Сохранение и развитие хуторской формы введения хозяйства отражали интересы зажиточных групп крестьянства и способствовали в дальнейшем усилению социально-экономической дифференциации в деревне. Кодекс не разрушал общину, хотя и ограничивал ее функции. Те хозяева, которые тяготились ее регламентацией и контролем, могли выделиться на хутора.

Таким образом, заложенные в кодексе идеи восстановления деревни, подъема ее хозяйства, смягчения последствий «социализации» земли реализовывались непоследовательно и не в оптимальных формах. Создатели кодекса опасались резкой дифференциации крестьянства, следствием которой явилось бы разорение многих хозяйств. Но даже и в этом виде, половинчатом, кодекс законодательно расширял возможности восстановления и товаризации крестьянского хозяйства.

С переходом к продналогу весной 1921 г., а затем принятием Земельного кодекса в 1922 г. в деревне начал пробуждаться интерес к увеличению производства сельскохозяйственной продукции на рынок. Одновременно возродились и свойственные мелкотоварному укладу аренда земли и найм рабочей силы. Используя термин «мелкотоварный уклад», мы имеем в виду, что это форма еще полунатуральных отношений. Развитие же рыночно-предпринимательских отношений, о чем уже

[57] РГАЭ. Ф, 105. Оп. 2. Д. 502. Л. 3–4, 9, 28.

говорилось, было заторможено, им предстояло возродиться. Однако ситуация в деревне в 1921 г., да и в 1922 г. была очень неустойчивой и противоречивой. Эта неустойчивость давала о себе знать как в отношениях между самими крестьянскими хозяйствами, так и в отношениях между деревней и городом, между крестьянскими хозяйствами и государством.

О развитии крестьянского хозяйства в самом начале 20-х годов сохранился лишь узкий круг источников. Среди них важнейшее место занимает архив А. И. Хрящевой. Есть среди прочих и такой широко известный источник, как выводы комиссии, которую возглавлял В. В. Куйбышев, готовивший материалы о состоянии деревни к XII съезду РКП(б). Обследование проводилось в феврале – марте 1923 г. Итоги работы этой комиссии были обобщены С. Г. Струмилиным, на работу которого мы здесь и будем ссылаться[58].

Нельзя не отметить, что методы исследования и выводы этой комиссии подвергла критике А. И. Хрящева. Возражение с ее стороны вызывало то обстоятельство, что комиссия регистрировала не само состояние хозяйств на сегодняшний день, а представления о нем по памяти крестьян за 1917, 1920 и 1922 гг. Не был установлен членами комиссии «критический момент» сбора материала, при этом не использовались данные переписей 1917 и 1920 гг. В итоге были сопоставлены несопоставимые, по мнению Хрящевой, хозяйства: одни раздробились, другие исчезли, третьи образовались. Для того чтобы получить адекватную картину динамики крестьянских хозяйств, включая данные о посеве, поголовье скота и т. д., необходимо обследовать один и тот же массив и одни и те же хозяйства и следить за их изменениями, что не было сделано комиссией. А. И. Хрящевой казались необоснованными критерии выделения различных слоев внутри крестьянства – маломощные, зажиточные и середняцкие, – поскольку во многих случаях хозяйства в 1917 г. оценивались по воспоминаниям их владельцев, а затем сопоставлялись с 1922 г. Между тем часть хозяйств к 1922 г. переместилась в маломощные или средние слои. С точки зрения эволюции зажиточных хозяйств это любопытно, но продолжать их называть зажиточными в 1922 г.

[58] *Струмилин С. Г.* Крестьянское хозяйство во время революции. М., 1923.

уже неверно. Отсюда и распространение на «зажиточную» группу в 1922 г. характеристик, ей уже не свойственных: например, рост среди них числа хозяйств, покупающих хлеб, или большой процент хозяйств этой группы, недозасевающих свой надел. Эти характеристики, по мнению А. И. Хрящевой, относятся уже не к зажиточной группе, а к маломощной или средней[59]. Вызывает возражение у Хрящевой и вывод комиссии о том, что зажиточные хозяйства недозасевают свои наделы потому, что не заинтересованы в реализации хлебных излишков[60]. Думается, что у А. И. Хрящевой были веские основания для сомнений, так как в условиях возрождения рынка интерес к расширению площади посевов уже проявился и был констатирован комиссией. А главное – зажиточные хозяйства, пережив сокращение наделов, переделы, отрезки, были не так богаты надельной землей, чтобы оставлять ее незасеянной.

Несмотря на все недостатки работы комиссии, отмеченные у А. И. Хрящевой, некоторыми ее выводами, в частности по средним показателям развития крестьянских хозяйств, можно пользоваться, так как они находят в той или иной степени подтверждения и в других исследованиях. Вместе с тем необходимо учитывать и критику А. И. Хрящевой.

Характеризуя крестьянское хозяйство 1921–1922 гг., и С. Г. Струмилин, и А. И. Хрящева отмечают расширение посевных площадей. У Струмилина, по выводам комиссии, обследовавшей 7 волостей разных районов Европейской России, посевная площадь с 1920 к 1921 г. увеличилась на 2,5 %, причем в потребляющей полосе – на 6,5 %. В районах производящей полосы, пострадавших от голода, прироста фактически не было. Расширение посевных площадей, констатирует А. И. Хрящева, произошло в гораздо больших размерах. По ее данным, уже в 1921 г. в не пострадавших от голода губерниях они увеличились на 24 % по сравнению с 1920 г. (потребляющая полоса). В губерниях производящей полосы, где не было голода, посевные площади увеличились на 1 %. Эти данные, по всей

[59] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 513. Л. 17–23. Хрящева А. И. К вопросу о неправильных приемах исследования динамики крестьянских хозяйств. М., 1923.

[60] РГАЭ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 559. Л. 24, 26.

вероятности, более точны, так как учитывают сокращение посевных площадей в 1920 г. по сравнению с 1917 г.[61]

Было бы неправильно пренебрегать наблюдениями комиссии относительно существования в то время недосева в подавляющем большинстве крестьянских хозяйств – чаще всего по причине острой нехватки инвентаря и рабочего скота. Например, в 1922 г. крестьяне в целом засевали около 60 % имевшейся у них надельной земли, а в производящих губерниях, переживших голод 1921 г., – около 50 %. А между тем даже при древнерусском трехполье должно было засеваться не менее 66 % пашни[62]. Кроме того, в 1921–1922 гг. далеко не везде существовали достаточно развитые рыночные отношения, в связи с чем в этих районах еще не пробудился интерес к расширению посевных площадей. Там увеличение наделов далеко обгоняло расширение посевов.

Хрящева объясняет причины недосева не только неравномерным распределением средств производства и продразверсткой, но и отсутствием правильного рынка. Если последний фактор слабо сказывался в первый год революции, то затем его отрицательное влияние начало возрастать и к 1921 г. стало весьма существенным[63]. Несмотря на переход к рыночным отношениям, с введением нэпа нарушение рыночных связей продолжало ощущаться еще и в 1922 г. Негативным явлением было и практическое отсутствие международных рыночных связей. Проблемы рыночных отношений между деревней и городом, между самими крестьянскими хозяйствами, а также ценообразования на сельхозпродукты были очень сложны в те годы. С одной стороны, средние и бедные крестьянские хозяйства и до революции не имели излишков хлеба, а после революции натурализация крестьянского хозяйства еще более усилилась. К тому же середняков и особенно бедноты стало намного больше, а зажиточные и крупные хозяйства были экономически сильно подорваны. Напомним, что значительная часть хозяйств производящей полосы была очень ослаблена голодом 1921 г. Рыночным отношениям предстояло

[61] РГАЭ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 559. Л. 25; Ф. 105. Оп. 2. Д. 513. Л. 30.

[62] Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 559. Л. 23.

[63] *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве. С. 108.

пройти тяжелый путь к возрождению. С другой стороны, разрушенная промышленность городов также не могла удовлетворить спроса крестьянства на орудия производства и товары широкого потребления. Отсюда высокие цены на промышленную продукцию, так называемые «ножницы цен» между промышленной и сельскохозяйственной продукцией, сложившиеся в первый же урожайный год – 1922 г. Степень натурализации хозяйства оставалась еще высокой и в 1922 г. Об этом свидетельствует не только малый процент излишков для продажи, но и тот факт, что огромное число хозяйств Центральной России было чисто земледельческими. Очень немногие члены этих хозяйств занимались сельскохозяйственными или иными промыслами. По 42 губерниям РСФСР в 1922 г. на одно хозяйство приходилось 0,018 промышленников, т. е. лиц, занятых промыслами. По данным А. И. Хрящевой, в 1922 г. из всех крестьянских хозяйств лишь 14 % были промысловыми, 11 % работников были заняты в промыслах, только 1 % хозяйств нанимал сроковых рабочих, а 2,8 % хозяйств арендовали землю. На одно арендующее хозяйство приходилось в среднем всего 1,2 дес. земли[64]. Из этих данных видно, что крестьянское хозяйство хотя и было втянуто в рыночные отношения, в отношения аренды и найма, но весьма слабо. Отход рабочей силы в города был тогда еще очень мал.

Характеристику рынка, который непосредственно влиял на дифференциацию крестьянства, дают и другие исследователи 20-х годов, например Н. Я. Воробьев, много внимания уделявший вопросу о «ножницах цен», сложившихся на рынке в 1922 г. По его подсчетам, благодаря высокому урожаю в 1922 г. продукция сельского хозяйства достигла 75 % довоенного уровня, тогда как производство промышленных товаров – лишь 31 %[65]. Отставание промышленности не замедлило сказаться на крестьянском хозяйстве: упали цены на хлеб, а цены на промышленную продукцию сильно возросли. Это расхождение, по наблюдениям Е. Преображенского, выглядело следующим образом[66]:

---

[64] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 502. Л. 7; *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве. С. 54.

[65] РГАЭ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

[66] Преображенский Е. Экономические кризисы при нэпе. М., 1924. С. 22.

Дата наблюдения	*Ножницы цен* (%)	
	розничных	оптовых
1 августа 1922 г.	99	74
1 сентября 1922 г.	119	111
1 января 1923 г.	170	152
1 июня 1923 г.	214	232
8 октября 1923 г.	303	320

По данным, опубликованным Ю. Лариным, оптовые цены на хлеб к началу 1923 г. составляли 70 % довоенного уровня, а на промышленные товары –130 %[67].

Если 1921 год был годом «диктатуры ржи», как его называли современники, т. е. цены на хлеб были столь высоки, что определяли все, то в 1922 г. положение изменилось. Этот год, по определению экономиста В. Г. Громана, стал годом «диктатура ситца, железа, угля»[68].

Кроме того, восстановление сельского хозяйства происходило односторонне. Статистики Н. Я. Воробьев и М. И. Боголепов отмечали, что, как и ранее, в России быстрее всего после войн и революций восстанавливалось именно сельское хозяйство, требовавшее минимальных затрат капитала. Однако его восстановление происходило «по линии наименьшего сопротивления», т. е. с уклоном в сторону зерновых культур[69]. Промышленные культуры были уничтожены, их возрождение требовало времени и больших затрат. Скот был съеден, и животноводство как отрасль влачило жалкое существование. В то же время пострадали такие прибыльные отрасли, как виноделие, пивоварение, маслоделие, не говоря уже о разведении племенного скота. Все вместе взятое порождало немало сложностей в развитии крестьянского хозяйства. В этих условиях хлебный рынок получил специфическое развитие. С. Г. Струмилин отмечает, что в 1922 г. более 2/3 всех крестьянских хозяйств участвовали в купле-продаже хлеба. При этом обращает на себя внимание большое число крестьянских хозяйств, скупающих хлеб. Судя по всему, крестьянам не хватало собственного хлеба до весны. По данным обследованных комиссией

[67] *Ларин Ю.* Итоги, пути, выводы. М., 1923. С. 101.

[68] РГАЭ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

[69] Там же.

губерний, из каждых 100 хозяйств 75,5 покупали хлеб. Приобретали хлеб, не продавая его, хозяйства всех групп, выделенных комиссией, – маломощные, средние и зажиточные. Продавали же хлеб 14,4 хозяйств из 100, а 75 из 100 его покупали. Чаще всего продавали хлеб зажиточные хозяйства – 22,6 из 100, среди середняков – 14,2, а среди маломощных – 11,2. В Московской, Псковской, Смоленской, Тамбовской, Самарской губерниях соотношение продающих и покупающих хлеб было следующим: на 100 продающих приходилось 333 покупающих[70]. Такое положение свидетельствовало о низкой товарности деревни и малом количестве товарного хлеба. Деревня только втягивалась в рыночные отношения, и при этом было много слабых хозяйств.

А. И. Хрящева рекомендовала основную массу товарного хлеба заготовлять до января, так как «благодаря особенностям мелкого хозяйства оно при неблагоприятных условиях хлебоутилизируется в своем хозяйстве в порядке повышения норм потребления, норм накопления и откорма скота»[71]. Иными словами, если не собрать товарный хлеб осенью, сразу после урожая, то его проедят и скормят в значительной части скоту. Продавая хлеб, крестьяне, как говорится, «отрывали» его от своего потребления и откорма скота. Следовательно, хлебные излишки существовали только относительно. В этих условиях и С. Г. Струмилин, и А. И. Хрящева справедливо считали, что более высокие цены на хлеб укрепили бы крестьянское хозяйство. С. Г. Струмилин, например, писал, что нельзя приносить «наиболее жизненные интересы... будущего в жертву весьма преходящим, грошовым выгодам сегодняшнего дня. Высокие хлебные цены явно не выгодны нам сегодня, но низкие цены, если они задерживают возрождение нашего народного хозяйства, могут оказаться гораздо более гибельными для нашего производственного будущего»[72]. Эту точку зрения поддерживал и экономист Е. Преображенский[73], в то время как Ю. Ларин[74] категорически возражал против повышения цен на

[70] Струмилин С. Г. Крестьянское хозяйство... С. 37, 40.

[71] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 488. Л. 6.

[72] Струмилин С. Г. Крестьянское хозяйство... С. 24; см. также. Он же. Проблемы высоких хлебных цен // Экономическое обозрение. 1923. № 4.

[73] *Преображенский Е.* Указ. соч. С. 23, 25.

[74] *Ларин Ю.* Указ. соч. С. 101.

хлеб и снижения их на промышленные товары. Вопросы эти стояли очень остро и решать их надо было немедленно, надвигался кризис 1923 г.

По мнению А. И. Хрящевой, цены на хлеб можно было бы регулировать с помощью выхода на международный рынок, но, к сожалению, в российской деревне вся товарная масса хлеба была замкнута на внутреннем рынке. Его развитию чрезвычайно мешала натуральная форма изъятия продналога. Для крестьянина выгоднее был бы денежный налог, который он выплачивал бы не только за счет продажи хлеба, но и за счет занятий промыслами. Такая форма налога стимулировала бы промысловость крестьянского хозяйства. Вопрос о замене натуральной формы налога денежной к 1923 г. назрел.

Высокие цены на изделия промышленности объяснялись малой ориентацией ее на крестьянский рынок. Н. Я. Воробьев писал, что приспособление промышленности «к нуждам широких крестьянских масс еще находится в своей первоначальной стадии, и 7/10 этой промышленности удовлетворяли нужды самого городского населения, и лишь 3/10 направлялись в деревню». Он подсчитал, что город почти в 6 раз превосходил товарное потребление деревни, ибо на душу потребителя в первом случае приходилось 40 руб., а во втором случае – всего 7[75]. Это подтверждается и расчетами статистика В. Г. Громана. В 1922/1923 хозяйственном году объем производства предметов широкого потребления исчислялся примерно в 1500 млн товарных руб., из них 800 млн – на нужды самого города, 700 млн – села, при этом в селе находилась более чем 100-миллионная масса потребителей, а в городе – 20-миллионная[76].

Положение усугубляла двувалютность денежной системы: червонец сосредоточивался в городской промышленности и торговле, а советский обесценившийся рубль – в крестьянском хозяйстве. Кроме того, нормальному развитию рынка мешала несбалансированная кредитная политика государства. Она не способствовала активизации рыночных связей между городом и деревней, так как основная масса (70,4 %) кредитов направлялась на развитие промышленности в городах, а сельское хо-

[75] РГАЭ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 7. Л. 8, 9.
[76] Там же. Д. 55. Л. 3–4.

зяйство получило лишь 8 % кредитов. Полное забвение кредитных нужд села сыграло отрицательную роль в экономическом развитии крестьянского хозяйства.

Противоречия в ходе восстановления сельского хозяйства и состояние рынка сказались на процессе расслоения крестьянства. Выравненная в своей бедности деревня Центральной России продолжала нищать.

От 1920 к 1922 г. возрос удельный вес мелкопосевщиков (табл. 3). Особенно это прослеживается на примере Воронежской губернии, где в 1920 г. доля сеющих до 1 дес. составляла 7,7 % крестьянских хозяйств, а к 1922 г. возросла до 26,1 %; сеющих от 1 до 2 дес. соответственно изменилась от 18,8 до 26,5 %. Ту же картину видим в Никольской волости и в целом по Курской губернии, хотя и не столь яркую.

Группы с посевом от 2 до 3,1 и 4 дес., по существу, мелкопосевные, также проявили тенденцию к увеличению удельного веса, за исключением Воронежской губернии, где их доля сокращалась по причине перехода в более бедные слои. В то же время сокращались среднепосевные и особенно многопосевные группы. Что касается беспосевщиков, то их доля в одних случаях уменьшалась, в других увеличивалось. Связано это было не только с тем, что они получали землю, но и с вымыванием этих групп из деревни, т. е. с типичным для них при дифференциации деревни процессом.

Однако в некоторых районах Центральной России уже появились признаки экономического укрепления крестьянских хозяйств и наметился переход некоторой части их из мелкопосевных, слабо обеспеченных рабочим скотом и инвентарем в более экономически сильные группы (см. данные по Тамбовской губернии). В Тамбовской губернии доля беспосевщиков осталась без изменений, в Павлодарской волости несколько увеличилась, но наметилась тенденция сокращения групп, сеющих от 1 и от 1 до 3 дес. Доля групп с площадью посева более 4 дес. заметно выросла, а доля сеющих более 10 дес. увеличилась почти в 2 раза. В Павлодарской волости относительно средних и крупнопосевных групп наблюдаем картину, сходную с картиной в Тамбовской губернии. Но при этом доля не всех мелкопосевных групп убывала, в частности – сеющих до 1 дес. увеличивалась, но не за счет беспосевных, которых стало

больше, а следовательно, за счет групп с большей площадью посева. Здесь более очевидно, чем в других районах, приведенных в таблице, прослеживается процесс дифференциации.

Таблица 3

Губерния, волость	Год	Без посева	С пос. до 1 дес.	С пос. 1,1–2 дес.	С пос. 2,1–3 дес.	С пос. 3,1–4 дес.	С пос. 4,1–6 дес.	С пос. 6,1–8 дес.	С пос. 8,1–10 дес.	С пос. 10,1–16 дес.	С пос. более 16 дес.	Всего
Воронежская	1920	3,2	7,7	18,8	21,5	17,3	20,1	7,0	2,6	1,6	0,2	100
	1922	7,7	26,1	26,5	15,8	10,1	9,4	3,0	0,9	0,5	0,0	100
	1923	1,6	16,6	27,7	20,1	13,7	13,6	5,4	2,1	1,5	0,3	100
Курская	1920	3,1	7,5	19,5	22,6	18,0	20,5	6,7	1,8	0,6	–	100
	1923	0,9	6,1	15,4	20,5	19,2	23,8	9,6	3,1	1,3	0,1	100
в том числе:												
Никольская волость	1920	4,9	6,2	13,0		39,6	22,9	8,9	2,6	0,9		100
	1922	4,0	6,8	15,6		42,3	21,2	7,7	1,9	0,5		100
Орловская	1920	1,2	7,1	21,2	26,9	19,6	18,4	4,2	1,0	0,4	–	100
	1923	0,5	2,0	8,4	18,4	23,7	31,0	11,8	2,9	1,2	0,1	100
Тамбовская	1920	2,5	9,3	21,4	23,2	19,1	16,9	5,7	1,5	0,4	–	100
	1922	2,5	6,6	17,0	20,7	19,3	23,4	7,8	2,0	0,7	–	100
	1923	0,8	4,3	14,9	21,7	18,8	25,8	9,5	2,8	1,4	–	100
в том числе:												
Павлодарская волость	1920	3,0	3,5	17,3	18,0	13,2		33,5		0,7	–	100
	1922	3,4	6,2	18,4	17,6	13,5		34,0		1,8	0,1	100

Источники: *Введенский В.* Сельское хозяйство и сельскохозяйственный кредит в ЦЧО в 1923/24 г. // Народное хозяйство ЦЧО. 1925. Кн. 2. С. 36; *Воронов И. К.* Расслоение деревни и коллективизация: По данным весеннего опроса. Воронеж, 1925. С. 12; К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства в СССР: Материалы исследования НК и РКИ СССР. М., 1928. С. 12; Крестьянское хозяйство за время революции: Материалы комиссии ЦК партии по работе в деревне. М., 1923. С. 11, 79.

Обратимся к другим данным. По материалам обследования 50 губерний России за 1920–1922 гг., доля сеющих до 1 дес. среди всех крестьянских хозяйств увеличилась на 7,5 %; сеющих от 1 до 2 дес. – на 5,2 %. Согласно материалам обследования 48 губерний России, удельный вес группы крестьянских хозяйств с посевом до 2 дес. за тот же период вырос на 12 %. Проявила тенденцию к росту, хотя и менее значительному, и доля группы с посевом от 2 до 3 дес.; группа сеющих более 4 дес., напротив, сократилась. Особенно резко уменьшался удельный вес хозяйств, которые по размеру посева можно отнести к зажиточным. В различных губерниях их доля сократилась в 2, а иногда в 3 раза. Так, группа сеющих свыше 16 дес. сократилась до долей процента. Как мы уже говорили, правомернее начинать категорию середняцкого хозяйства с хозяйств с посевом в 4 дес., а еще более оправданно – с посевом 6 дес. Это тем более верно, что, по данным Хрящевой, именно в группах с посевом более 6 дес. почти не было безлошадников. За тот же период увеличился на 10–12 % удельный вес хозяйств без рабочего скота. Категория хозяйств с одной головой рабочего скота осталась на прежнем уровне, с двумя сократилась на 4,1 %, а с тремя и более – в 2 раза[77].

Сокращалось и число многокоровных хозяйств, имевших трех и более голов. Удельный вес этих групп сократился в 2 раза. В то же время увеличилась на 6 % доля бескоровных хозяйств. При этом доля хозяйств с одной коровой осталась почти без изменений, а с двумя коровами сократилась. Налицо обеднение деревни теперь уже по обеспеченности скотом (стабильное положение сохраняли лишь однокоровные и однолошадные хозяйства). Представленные данные не свидетельствуют об осереднячивании деревни того времени. Во-первых, наличие одной коровы или одной лошади не может являться обязательным признаком середняцкого хозяйства, так как однолошадники или однокоровники часто встречались и в бедняцких хозяйствах. Во-вторых, они сохраняли свой удельный вес за счет влившихся в эту группу разорившихся владельцев двух и трех коров и лошадей (удельный вес этих

[77] Подсчитано по: *Поляков Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство... С. 381, см. также с. 56, 377–383.

групп сократился). Одновременно часть хозяйства с одной лошадью и одной коровой потеряла скот и перешла в группу хозяйств без скота, которая, как мы видели, увеличила свой удельный вес. Конечно, сюда влилась и часть разорившихся владельцев двух лошадей и коров, а в отдельных случаях и трех.

Несмотря на то, что устойчивый середняк, как правило, имел одну, чаще две головы рабочего скота, двух, а то и трех коров, и более 4–6 дес. посева, деревня продолжала оставаться бедняцкой. Разные данные приводятся на 1922 г. относительно удельного веса сеявших до 4 дес.: у Хрящевой доля таких хозяйств составляет 84,2 %, у Полякова – 86,4; удельный вес сеявших до 6 дес. – соответственно 94,1 и 95,2 %[78] (близкие данные содержатся и в табл. 3). Хозяйств, имевших до двух голов рабочего скота, – соответственно 94 и 86,1 %, до двух коров – 82,6 %. Если сравнить эти данные с приводившимися ранее данными на 1920 г., то придется признать, что доля мелкопосевщиков и маломощных хозяйств вообще во многих губерниях Центральной России возросла. Даже если допустить, что среди однолошадных хозяйств было немало середняцких, то все равно картина рисуется довольно безотрадная. Можно ли говорить об осереднячивании в тот период? Если исходить из того, что осереднячивание – это не просто поравнение по любому уровню развития и состояния хозяйства, а по устойчиво среднему уровню, который подразумевает не только сокращение богатых хозяйств, но и подъем массы бедноты до положения середняка, и что ближайшим следствием осереднячивания является преобладание середняка в деревне, то говорить о таком процессе в 1921–1922 гг. вряд ли можно, равно как и о сколько-нибудь глубокой социальной дифференциации капиталистического типа. В противном случае увеличение численности бедноты неизбежно сопровождалось бы ростом богатых хозяйств.

Однако в некоторых областях Центральной России эти тенденции – рост мощности крестьянского хозяйства – проявлялись в действительности, например в Новгородской, Петроградской, Владимирской, Тверской, Калужской, Курской,

[78] См.: *Поляков Ю. А.* Указ. соч. С. 374–381; РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 497. Л. 1.

Тамбовской (о чем говорилось выше) губерниях, где происходило увеличение числа хозяйств с посевом свыше 6 дес. В ряде этих губерний начала расти и доля крупнопосевщиков, а также хозяйств, владевших двумя и более коровами[79]. По обеспеченности скотом тенденция подъема хозяйств прослеживалась слабее, так как его поголовье увеличивалось медленнее, чем площади посевов. Таким образом, лишь в некоторых менее других разоренных губерниях, где восстановление хозяйств шло успешнее, уже начала намечаться тенденция, характерная для середины 20-х годов, т. е. сокращение мелкопосевных и бесскотных и увеличение числа средних и зажиточных хозяйств по этим показателям. Процесс этот называют осереднячиванием, но термин этот можно употреблять лишь условно. К этому вопросу мы еще вернемся при рассмотрении состояния крестьянского хозяйства и дифференциации крестьянства в 1923–1926 гг.

Российское крестьянство в 1923–1926 годах

К 1923 г. в Центральной России начался более или менее устойчивый подъем крестьянского хозяйства. Трудно говорить в условиях преобладания экстенсивных методов хозяйствования об абсолютной устойчивости этого процесса и процветании крестьянского хозяйства, хотя такие точки зрения встречаются в публицистической литературе. Достаточно вспомнить засуху и неурожай 1924 г., когда особенно сильно пострадало Центральное Черноземье.

С развитием товарно-денежных отношений в деревне натуральный налог не мог охватить все доходы крестьянского хозяйства, а потому декретом ВЦИК и СНК от 10 мая 1923 г. вводился единый сельскохозяйственный налог, объединявший все налогообложение[80]. Он взимался не только в натуральной, но и в денежной форме и обладал большей гибкостью в том смысле, что в зависимости от состояния крестьянского хозяйства можно

---

[79] Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923. М., 1924. С. 116–126.

[80] См.: *Залесский М. Я.* Налоговая политика Советского государства в деревне. М., 1940. С. 51–52.

было ежегодно менять ставку налога, что, впрочем, лишало его стабильности и давало возможность государственным органам делать это произвольно. Одновременно были увеличены льготы бедняцким хозяйствам. Так, декретом «О льготах беднейшему крестьянству по освобождению от уплаты единого сельскохозяйственного налога» в том же 1923 г. устанавливалась скидка для бедноты в пределах 5 % с общей суммы налога по губернии, области и республике. Кроме того, от налога освобождались хозяйства, не имевшие скота. Таких хозяйств в РСФСР насчитывалось тогда примерно 17 %.

По налоговому законодательству 1924 г. налог стал взиматься исключительно в денежной форме, что способствовало развитию рыночных отношений в деревне[81].

По данным о воронежской деревне мы имеем возможность представить распределение единого сельскохозяйственного налога по различным типам хозяйств. Так, аграрник И. Тарадин, обследовав 183 хозяйства Воронежской губернии, пришел к выводу, что обложение производилось следующим образом: на одно бедняцкое хозяйство – 26 коп., маломощное – 4 руб. 56 коп., среднее – 22 руб. 19 коп., зажиточное – 109 руб. 83 коп.[82] По отдельным группам хозяйств налог в 1924 г. (от валового дохода хозяйств) у бедноты составлял 0,46 %, у маломощных – 3,2, у середняка – 8,6, у зажиточных* – 15,6 %[83]. По этим данным видно, что прогрессивное обложение, с одной стороны, было направлено на поддержку неимущих и малоимущих слоев деревни, а с другой – ограничивало рост зажиточных хозяйств. В той же воронежской деревне в 1924 г. беднота, малоимущие и середняки, составлявшие подавляющее большинство ее населения, платили 59,6 % налога, т. е. немногим более половины, остальные же 40,4 % от всей суммы налога вносили зажиточные. В связи с неурожаем в тот год ставка налога была уменьшена вдвое. По данным того же Тарадина, в Воронежской губернии сумма налога на одно хозяй-

---

[81] СУ. 1924. № 58. Ст. 570.

[82] Воронежская деревня. М., 1925. Вып. 1. С. 157.

* Под зажиточным хозяйством имелись в виду, как правило, не только кулацкие, но и зажиточно-середняцкие.

[83] Там же. С. 158; см. также: *Залесский М. Я.* Указ. соч. С. 51–52.

ство была в 1924/25 г. сокращена с 28 руб. 32 коп. до 15 руб. 94 коп., т. е. почти вдвое. В Больше-Верейской области той же губернии в 1924 г. он был снижен более чем на 50 %[84].

Облегчение при таком понижении ставки налога испытывали все хозяйства, но основная часть льгот предоставлялась бедняцким и середняцким хозяйствам. Например, основную часть льгот в 1925 г. в воронежской деревне составили льготы маломощным хозяйствам – 8,017 руб., или около 70 % всей суммы льгот[85].

В 1925/26 г. в связи с очередным неурожаем общая сумма налога была сокращена даже зажиточным хозяйствам (например, в Курской губернии налог на эту категорию хозяйств упал на 32 %)[86]. Эта мера имела целью не только помочь крестьянскому хозяйству преодолеть последствия неурожая, но и дать больший простор для его товарного развития. В этих целях снижали ставки налога тем хозяйствам, которые расширяли посевные площади, осуществляли мелиоративные работы, разводили породистый скот, развивали семеноводство. В 1925 г. в целом сумма налога была уменьшена на 100 млн руб.[87] Эти деньги передавались в распоряжение волостей на нужды крестьянского хозяйства. Согласно решению III съезда Советов всякое дополнительное местное обложение крестьянства было запрещено.

Однако уже в следующем, 1926/27 г. налог на зажиточные хозяйства был снова увеличен. Например, в Центральном Черноземье в том году 30–35 % крестьянских хозяйств как малоимущих было вовсе освобождено от единого сельскохозяйственного налога, зато зажиточные выплачивали 45 % всей его суммы, хотя процент этих хозяйств в области невелик[88].

Налоговый пресс в то время был достаточно значителен, но все же давал возможность увеличивать производство

---

[84] Воронежская деревня. Вып. 1. С. 157; Вып. 2. С. 36.

[85] Там же. Вып. 2.

[86] См.: *Залесский М. Я.* Указ. соч. С. 56.

[87] Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях. М., 1939. С. 97–101.

[88] Социально-экономическое преобразование в Воронежской деревне (1917–1967). Воронеж, 1967. С. 91.

сельхозпродукции для продажи. Втягиваясь в рыночные отношения, хозяйства, особенно зажиточные, постепенно обогащались, обновляли инвентарь, улучшали обработку земли, применяли сельхозтехнику и т. п. В то же время налоговый пресс сдерживал накопление капитала в хозяйстве, не давал в полную меру развернуться предпринимательству. Кроме того, и найм рабочей силы был ограничен, так как идея трудового хозяйства очень прочно присутствовала в политике государства.

Важную роль в хозяйственной жизни деревни сыграла денежная реформа 1924 г. Она привела к прекращению эмиссии совзнаков и должна была обеспечить переход к твердой единой для города и деревни валюте. Денежная реформа временно приостановила инфляцию, несколько смягчила ножницы цен и сделала шаг к выравниванию положения горожанина и крестьянина на рынке. Кроме того, без нее было невозможно перейти к взиманию денежного сельхозналога.

В целях улучшения торговли между городом и деревней, согласно декрету от 9 мая 1924 г., был образован Наркомат по внутренней торговле СССР, что еще больше усилило администрирование в этой области экономики. Административным путем были снижены цены на изделия промышленного производства, понижены железнодорожные тарифы и акцизы на соль, керосин, спички, сахар и прочие продукты и товары. В феврале 1924 г. были установлены предельные цены оптовой и розничной торговли. Эти меры позволили на время (как оказалось, на очень короткое) выйти из сложившейся кризисной ситуации[89]. Однако они имели долгосрочные негативные последствия, усугубленные постоянной практикой администрирования в деревне.

Как известно, в 1924 г. была сделана неудачная попытка перейти в наступление на «частнокапиталистический» сектор и свернуть частную торговлю. Государство временно отступило. Тем не менее, денежная реформа, снижение цен и другие меры привели к уменьшению ножниц цен. Если индекс цен на

[89] Подробнее о рыночной ситуации, политике цен, развитии торговли см.: *Дмитренко В. П.* Торговая политика Советского государства в 1918–1923 гг. М., 1978.

сельхозтовары на 1 октября 1923 г. (по отношению к общему индексу Госплана) составлял 0,57, а промышленных товаров – 1,76, то в марте 1924 г. – соответственно 0,88 и 1,13[90].

Основной капитал организованного в связи с денежной реформой в феврале 1924 г. Центрального сельскохозяйственного банка составил 40 млн руб. золотом. Кредитная политика в значительной степени направлялась на обеспечение крестьян сельхозорудиями, машинами, рабочим и продуктивным скотом. На приобретение орудий и машин был предоставлен кредит на срок от одного до трех урожаев, а коллективным хозяйствам – до четырех. Кроме того, кредиты предоставлялись на проведение мелиоративных и землеустроительных работ, а также на другие нужды крестьянского хозяйства. Льготная продажа крестьянству сельхозорудий и машин предусматривалась постановлением СНК СССР от 6 мая 1925 г. III съезд Советов в мае 1925 г. выделил на землеустроительные работы 6 млн руб. кредита. Дополнительные кредиты были предоставлены губерниям, пострадавшим в 1924 г. от неурожая. В сентябре 1925 г. им было ассигновано 25 млн руб.[91] Крестьянам предоставлялись и семенные ссуды.

В 1925–1926 гг. начались закупки сельхозтехники за границей. В те годы сельское хозяйство получило 12,4 тыс. импортных тракторов. Общая стоимость сельхозмашин, поступивших в 1925–1926 гг. в деревню, составляла около 120 млн довоенных руб.; из них импорт составлял 51,5 млн. Отечественных тракторов было произведено 732[92]. Однако деревня по-прежнему остро нуждалась в сельхозтехнике.

Крестьянству было передано в те годы дополнительное количество земли из государственного фонда, частично за счет земель совхозов.

III съезд Советов учредил так называемые «Временные правила (от 18 апреля 1925 г.) о применении наемного труда в крестьянских хозяйствах», которыми разрешалось использовать

---

[90] *Дзержинский Ф. Э.* Промышленность СССР, ее достижения и задачи. М.; Л., 1925. С. 60.

[91] СУ РСФСР. 1925. № 65. С. 523; СЗ СССР. 1925. № 66. Ст. 419; От съезда к съезду (май 1925–апрель 1927 г.); Материалы к отчету правительства на IV съезде Советов СССР. М., 1927. С. 40.

[92] *Поляков Ю. А.* Указ. соч. С. 473.

наемную рабочую силу не только на собственной, но и на арендованной земле. Были расширены и права крестьян на аренду и сдачу земли.

В те годы кое-что было сделано для развития мелкой и кустарной промышленности. Облегчались налоги, снят ряд ограничений и регламентаций, выдавались, хотя и недостаточно, кредиты. Уже это имело немалое значение для функционирования крестьянского хозяйства, так как в первую очередь удовлетворяло его потребности в инвентаре, а кроме того, способствовало усилению промысловости крестьянского хозяйства.

Все эти меры обеспечивали подъем сельского хозяйства. Достигалось это путем его капитализации, разрушения его патриархальности, смягчения последствий «социализации» земли.

Значит ли это, что идея кооперации в партийной и государственной политике утратила в то время популярность? Разумеется, нет, но, пожалуй, в то время возобладала позиция Н. Бухарина, который настаивал на длительной подготовке крестьянина к кооперированию, на развитии первичных форм кооперации – сбытовой, кредитной, сельскохозяйственной. При этом девались попытки уберечь от разорения бедноту и частично середняков, создать условия для перехода их хозяйств в более зажиточные. В связи с этим госорганы следили за выполнением трудового законодательства при найме рабочих. Большую роль в этом плане сыграл Всеработземлес. Но вместе с тем продолжали расширяться и найм рабочей силы, и аренда, повышалась товарность крестьянского хозяйства.

С одной стороны, все партийные решения того времени проникнуты навязчивой идеей «классового подхода» к политике в деревне. Действительно, поддержка, как мы уже говорили, оказывалась в основном бедноте, ограничивался рост крупных хозяйств. С другой стороны, основная часть мер, разработанных партией и государством, на деле способствуя подъему всего крестьянства в целом, отвечала интересам и зажиточной части деревни. Зажиточным хозяйствам были выгодны и аренда, и найм, и свобода торговли, и прочее. В столь противоречивых условиях в деревне развивался естественный процесс социальной дифференциации. В то же время продолжался и процесс осереднячивания, связанный с восстановле-

нием хозяйства и поощрительной политикой государства. Чем дальше, тем больше этот второй процесс подтачивался первым, и довольно интенсивно.

Существовало и другое противоречие: с одной стороны, партия и государство ставили цель поднять хозяйство, причем путем его капитализации и уничтожения патриархального уклада деревни, что, конечно, должно было вести к дифференциации крестьянства, к появлению и росту фермеров-предпринимателей и сельскохозяйственных рабочих, к расслоению середняков и обезземеливанию бедноты. С другой стороны, создавались условия для того, чтобы замедлить разорение середняка и бедняка с помощью разного рода льгот, которые помогали им сохранять хозяйство. Административно-экономическими мерами пытались ограничить рост числа предпринимателей. Трудно было сбалансировать политику, направленную одновременно на обеспечение экономической рентабельности хозяйства, на развитие рынка, конкуренции и предпринимательства и в то же время на обеспечение гарантий малоимущим слоям деревни на сохранение низкого уровня развития сельскохозяйственного производства.

Противоречия существовали в области регулирования земельных отношений. С одной стороны, в Земельном кодексе, как мы помним, провозглашалась свобода выбора форм землепользования, а с другой – чинились всевозможные препятствия выходу крестьян на хутора. Например, в 1923 г. плата за разверстание селений на хутора и отруба была повышена вдвое по сравнению с оплатой группового землеустройства. В 1924 г. циркуляром Наркомзема выдел на хутора практически был запрещен. В то же время партия и государство создавали режим благоприятствования лишь землеустройству коллективных хозяйств. В 1925 г. апрельский пленум ЦК вновь напомнил о свободе выбора форм землепользования, но льготы при этом распорядился предоставить только коллективным хозяйствам. Эти льготы были узаконены. В результате уже начиная с 1924 г. число выделяющихся крестьян на хутора заметно сократилось, хотя процесс этот продолжался, несмотря на все трудности и препоны[93].

[93] См.: *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 158–160.

В области регулирования внутриселенных переделов также проводилась противоречивая политика: правительство в принципе стремилось ограничивать эти переделы, однако вовсе их не запрещало, поскольку их требовала беднота. В результате переделы продолжались, причем более часто, чем допускал закон. 21 мая 1925 г. Наркомзем РСФСР издал циркуляр «О недопущении частых переделов, противоречащих Земельному кодексу», который на деле не только разрешал, но и предписывал переделы земли в тех сельских обществах, где они еще не производились, причем для этого было достаточно требования хотя бы одного его члена. Между тем переделы производились и без всяких требований, по указаниям волисполкома или сельсовета. Это была явная уступка сторонникам уравнительного перераспределения земли. Правда, уже 8 февраля 1926 г. ВЦИК СНК РСФСР принял дополнение к ст. 116 Земельного кодекса (ее уточнили 14 ноября 1927 г.), которым разрешался уравнительный передел только там, где его еще не было. Однако он мог производиться только по требованию общины, хотя бы ее меньшинства и лишь с позволения Наркомзема, а впоследствии с разрешения краевых, губернских и прочих Советов.

«Нормальный устав земельного общества», принятый в январе 1926 г., не запрещал, но и не поощрял переделов, а лишь стремился их ограничить.

Кроме частых переделов, с которыми государство так и не справилось, особенно в малоземельных районах, не удалось ему полностью запретить и куплю-продажу земли, которая совершалась подпольно, и лишить общину ряда функций, например сдавать и брать в аренду землю, что со временем было даже узаконено. Впоследствии было узаконено и использование наемного труда на арендованной земле, хотя изначально предполагалось, что аренда будет только трудовой.

Как же выглядела социальная структура деревни в тот период? Противоречивость политики обусловливалась противоречиями самой деревни, где тенденции фермерского развития сталкивались с патриархальными устоями; к упрочению частной собственности – с прочной общинной собственностью; уравнительные принципы землепользования – с имущественным расслоением. Наконец, были противоречивыми и интересы различных слоев и групп крестьянства.

Критериев деления крестьянства на слои и группы существует в литературе* множество, но единого до сих пор нет. Не выработали их и ведущие аграрники, статистики и экономисты при подготовке сельскохозяйственной переписи в 1926 г., хотя в течение длительного времени дискутировали на эту тему. Наиболее принципиальные различия в классификации деревни 20-х годов прошли по следующему водоразделу: бедный, беднейший, средний и т. д. Категории эти так широки, что могут применяться для характеристик разных социально-экономических отношений. В этой классификации не отражается превращение крестьянина в мелкого товаропроизводителя. Такой классификации придерживались И. К. Воронов, А. И. Хрящева, С. Г. Струмилин и др. Но была и другая классификация, соответствующая теории формационного развития общества, причем полагалось, что в деревне уже утвердился капитализм. В таких случаях деревню делили примерно таким образом: пролетариат, полупролетариат, мелкая буржуазия, сельская буржуазия. Впрочем, обе классификации часто сочетались в литературе. Первая классификация продержалась до конца 20-х годов, вторая ее впоследствии вытеснила, но затем исследователи 50–70-х годов вновь стали чаще пользоваться первой классификацией как более соответствующей действительной стратификации крестьянства. Говорить в «чистом виде» о наличии предпринимателей и сельхозрабочих в деревне Центральной России в 20-х годах рано. Ведь известно, что сельские батраки часто были связаны с землей, имели наделы, обрабатывали их, иногда владели небольшим количеством рабочего скота и т. д., т. е. вели свое хозяйство. Например, в Россошанском уезде Воронежской губернии лишь 1/3 батраков не вела собственного хозяйства, у других хозяйство было «упалым», но все же существовало. Та же ситуация сложилась в Валуйском и Бобровском уездах Воронежской губернии, а в Богучарском уезде своих хозяйств не имели менее 14 % батраков. Некоторые

* За основу выделения слоев и групп принимались разные критерии: размеры посева, численность поголовья рабочего и продуктивного скота, стоимость средств производства, участие хозяйства в арендных отношениях, отношениях найма рабочей силы и т. д. Обычно критерии эти принимались во внимание в комплексе.

хозяйства отпускали в батраки лишних работников, хотя и были крепкими. В той же Воронежской губернии 18,9 % батраков происходило из таких именно хозяйств[94]. Батраки в основном были подросткового возраста, особенно в губерниях Центральной России. По найму они работали недолго, чаще всего до полугода. В Воронежской губернии в 1924 г. стаж работы батраков до полугода составлял 52,8 % всех случаев, до года – 32,7, более года – 14,5 %[95]. Таким образом, слой сельхозрабочих еще только формировался.

О предпринимателях, которых принято было называть в нашей литературе кулачеством или сельской буржуазией, написано немало[96]. С нашей точки зрения, интерес представляет, в частности, мысль о том, что «кулака» следует искать в русской деревне не в производственной сфере, а в промысловой и торгово-ростовщической. Конечно, для середины 20-х годов нельзя полностью исключить наличие предпринимательских, фермерского типа земледельческих хозяйств, но их были единицы. В такого рода хозяйствах получение прибыли от найма рабочей силы должно играть если не главную, то существенную роль. Но из материалов архива А. И. Хрящевой и переписи 1926 г. следует, что на хозяйство в среднем приходились один, редко два наемных рабочих. Например, в 1924 г. в Воронежской, Курской, Рязанской, Тульской, Тамбовской губерниях в группе с посевом от 13 до 16 дес. хозяйств, нанимающих сроковых рабочих для земледелия, было 0,7 %, причем в среднем на одно хозяйство приходилось 1,2 рабочих. В группе с посевом 16–25 дес. работников для земледелия нанимал 1 % хозяйств. Из 293 хозяйств этой группы на одно хозяйство приходилось 1,3 работника. Наконец, в группе с посевом более 25 дес. из 28 обследованных хозяйств рабочих нанимали всего 4 (14,3 %), а в среднем на одно хозяйство приходилось 1,5 рабочих. Всего же многопосевных хозяйств (более 13 дес.), нанимавших рабочих, было 0,002 % от всех хозяйств[97]. Похожую

---

[94] *Воронов И. К.* Групповой состав Воронежской деревни: (К вопросу о расслоении). Воронеж, 1925. С. 80.

[95] Там же. С. 81–82.

[96] Характеристику этой литературы см.: *Рогалина Н. Л.* Советская доколхозная деревня на переломе. М., 1990. С. 42–45.

[97] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 502. Л. 91.

картину видим в Приозерном районе (Петроградская, Новгородская, Олонецкая, Череповецкая губернии и Карельская трудовая коммуна). На все хозяйства с посевом от 10 до 25 дес. и более приходилось 10 (или 19 %) хозяйств, которые нанимали сроковых рабочих для земледелия. В среднем на хозяйство приходилось 1,6 рабочих, т. е. преобладал тот же мелкий найм. Любопытно, что самое крупное хозяйство, в котором было более 22 дес. посева, рабочих не нанимало вовсе, а крупнопосевщиков, нанимающих сроковых рабочих, от всех хозяйств было всего 0,008 %. Приведем еще пример Пермской губернии. Возьмем хозяйства с посевом более 10 дес. Из них рабочих нанимали 7,5 % хозяйств. Самые крупные хозяйства с посевом более 16 дес. не нанимали рабочих вообще[98]. А в среднем на крупнопосевное хозяйство приходилось 1,2 рабочих.

В 1924 г. число батраков в РСФСР, нанятых отдельными крестьянскими хозяйствами, составляло 434 тыс., а крестьянскими обществами – 455 тыс. В первом случае это больше, чем в 1920 г., на 4,2 %, а во втором – на 0,2 %. Отчетливо видна тенденция к росту, хотя и небыстрому, числа сроковых работников, нанятых отдельными хозяйствами, по сравнению с числом нанятых крестьянскими обществами.

В Московско-Промышленном районе, по наблюдениям Хрящевой, сроковых рабочих в 1923 г. нанимали 0,7 % хозяйств, в 1924 г. – 1,9 %, т. е. больше чем в 2 раза, но все же очень мало. В Центрально-Земледельческом районе – соответственно 0,2 и 0,6 %, в Северо-Западном – 1,5 и 1,6 %[99]. Почти во всех районах за небольшим исключением в 20-е годы наблюдался рост найма. В целом по 25 губерниям РСФСР наметилась следующая закономерность: чем больше была площадь посева в хозяйствах, тем больший процент хозяйств нанимали сроковых рабочих. Однако их нанимали не все группы крупнопосевщиков. Даже среди самых крупных хозяйств, сеющих более 25 дес., в 1924 г. рабочих нанимали только 13 % хозяйств, а на одно нанимающее хозяйство приходилось 1,6 рабочих[100].

Перепись 1926 г. содержит данные о количестве хозяев с наемными рабочими и количестве наемных сроковых и

[98] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 502. Л. 50, 58.
[99] Там же. Л. 28.
[100] Там же. С. 32, 37.

поденных рабочих среди самостоятельного населения деревни. Однако следует иметь в виду, что перепись фиксирует лишь тех рабочих, для которых работа по найму являлась основным или одним из основных источников дохода. Согласно этим данным, в Саратовской губернии на одно нанимающее хозяйство приходилось постоянно работающих по найму сроковых и поденных рабочих 1,5, в Пензенской губернии – всего 0,4; таким же низким найм был и в Курской губернии; в Орловской и того ниже – 0,2; в Тамбовской – 0,3; в Воронежской – 0,7[101]; в Новгородской – 3,4; в Череповецкой – 1,5[102], в Московской (без города Москвы) – 1,5; во Владимирской – 1; в Костромской – 0,8; Рязанской – 0,4; в Тверской – 2; Ярославской – 1,1[103]. Эти данные приводят к выводу, что в производящих и в части потребляющих губерний, удаленных от крупных центров и не имеющих крупных городов, найм был невелик и сроковых рабочих (по главному занятию) было мало. В основном, видимо, у хозяев, нанимавших рабочих, подрабатывали мелкопосевщики, имевшие свое хозяйство. Близость крупных городов способствовала некоторому повышению найма, видимо, они играли большую роль в формировании сельскохозяйственного рабочего.

Следует учесть, что батраков по разным причинам нанимали не только крупные предпринимательские, но и многие мелкие и средние хозяйства: из-за нехватки рабочего скота, инвентаря, собственной рабочей силы. В последнем случае работника нанимали вместе с его инвентарем и рабочим скотом. Среди нанимавшихся было много женщин. В 1924 г., например, они составляли почти половину всех батраков. В деревне ЦЧР из 45,8 тыс. хозяйств с наемными рабочими 20,0 тыс., или 43,7 %, составляли хозяйства, во главе которых стояли женщины, в подавляющем большинстве случаев они не имели своего работника. Кроме того, в 760 нанимающих хозяйствах возраст хозяев-мужчин составлял менее 18 лет[104]. Эти хозяйства, поте-

---

[101] Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 20. С. 453, 494, 261, 263, 101–105, 107–111, 113–117, 95–99 (рассчитано мной. – *В. Ж.*).

[102] Там же. Т. 18. С. 302–306; 314–318 (рассчитано мной. – *В. Ж.*).

[103] Там же. Т. 19. С. 291–299, 301, 317, 319, 327, 329, 331, 333, 335, 337, 345, 347, 349 (рассчитано мной. – *В. Ж.*).

[104] Там же. Т. 20. С. 82.

рявшие основного кормильца, также были вынуждены нанимать рабочих. Недостаточная развитость товарных отношений приводила к тому, что в одной и той же группе хозяйств (по посеву) наличествовало значительное количество и нанимавших рабочую силу и отпускавших ее. Например, 18,9 % хозяйств одной из среднепосевных групп (от 4 до 6 дес.) нанимали батраков, а отпускали 19,8 %. Даже в мелкопосевной группе (до 2 дес.) 40,9 % хозяйств отпускали батраков, но при этом 11,9 % нанимали. В среднепосевной группе (6–10 дес.) нанимали 22,2 %, а отпускали 4,6 % и т. д.[105]

Строго говоря, слои хозяев-предпринимателей и сельхозрабочих в деревне в то время еще только формировались. Сельскохозяйственный найм был мелким, людей, постоянно живших продажей своей рабочей силы, еще очень мало. Среди тех же, кто не был зафиксирован как рабочий в крестьянском хозяйстве, но батрачил, преобладали владельцы обедневших хозяйств; встречались и имевшие крепкие хозяйства.

В земледелии по-настоящему предпринимательских хозяйств с применением наемного труда было мало. При этом если хозяйство стабильно использовало наемный труд, то оно, как правило, совмещало и земледелие, и ростовщичество, и промыслы.

В промысловых хозяйствам найм тоже был незначительным. Так, на одно нанимавшее промысловое хозяйство в Центрально-Черноземных губерниях приходилось (по обследованию 1924 г.) 2,4 работника, а в Приозерном районе и того меньше – 1 , 2 работника, в Пермской губернии – 1,4. Встречался в промыслах найм хотя более, чем в земледелии, но редко. В целом по РСФСР промысловые хозяйства нанимали 1,9 рабочих[106]. Перепись 1926 г. подтверждает эти данные. Так, на одно хозяйство в Воронежской деревне, занятое кустарно-ремесленным промыслом, приходилось 2 рабочих, в Тамбовской – 2,2. А в целом по Центральному Черноземью этот показатель был равен 1,8[107]. В Череповецкой губернии – 3[108].

---

[105] РГАЭ. Ф. 105; Оп. 2. Д. 502. Л. 38.

[106] Там же. Л. 50, 58, 87,91.

[107] Всесоюзная перепись населения 1926. Т. 20. С. 71–73, 76 (рассчитано мной. – *В. Ж.*).

Северные губернии, будучи более промысловыми, нанимали соответственно больше работников. В Центрально-Промышленном районе на одно промысловое хозяйство приходилось 3 наемных рабочих; в Московской губернии (без Москвы) – 4; Владимирской – 5,1; Костромской – 1,5; Тверской – 2,4; Ярославской – 4,3[109]. Надо еще иметь в виду, что среди этих рабочих попадались не только те, кто работал на хозяев кустарно-промысловых заведений, но и рабочие промысловых артелей и мелких государственных промысловых заведений в деревне (правда, последние весьма редко). Что касается торгово-ростовщических хозяйств, то данные о них трудноуловимы. Поскольку перепись выделяла основной источник существования, то можно предположить, что зафиксированные ею в селе хозяева с наемными рабочими, занятые торговлей, и есть торгово-ростовщические хозяйства, хотя представлены они неполно. Заняты они были не только торговлей, но и промыслом и сельским хозяйством, и все-таки торговля для них – главный источник существования. В эту категорию попадает часть занятых в торговле сельских хозяев, для которых торговля – побочный источник дохода. Хозяев-одиночек можно исключить, так как их хозяйства, как правило, экономически слабые. Число хозяев, которых в 1926 г. приближенно можно отнести к сельским торговцам-предпринимателям (в ЦЧР), по их главному занятию составило 1741, по побочному – 1812, а вместе они составляли 3555 человек, или 0,2 % от всего занятого сельского населения[110]. Сюда же попали и скупщики изделий кустарной промышленности. Если взять для сравнения Северо-Западный район, то тех, для кого главным занятием являлись торговля и ростовщичество, там было 1030, а для кого побочным – 569[111]. Удельный вес обеих групп составил 0,1 % от всего самодеятельного сельского населения.

В Центрально-Промышленном районе в целом, равно как и во всех губерниях потребляющей полосы, этот показатель ни-

---

[108] Всесоюзная перепись населения 1926. Т. 18. С. 222 (рассчитано мной. – *В. Ж.*).

[109] Там же. Т. 19. С. 117, 118, 120, 123, 127, 129.

[110] Там же. Т. 20. С. 119, 128–129, 132 (рассчитано мной. – *В. Ж.*).

[111] Там же. Т. 18. С. 326, 342–345, 348 (рассчитано мной. – *В. Ж.).*

же чем 0,1 %, кроме Московской губернии (без Москвы): во Владимирской губернии – 0,09 %, Костромской – 0,06, Калужской – 0,08, Тверской – 0,08, Ярославской – 0,07 %[112].

При малом удельном весе торгово-ростовщические хозяйства обладали большой экономической силой в деревне, и ограничить рост их капитала было очень трудно. Производственная сфера при всех сложностях лучше поддавалась контролю. Даже в 1926 г., когда рыночные отношения достаточно уверенно начали пробивать себе дорогу, собственно хозяев-предпринимателей в сельскохозяйственном производстве было очень мало, в основном торговцы-ростовщики. В этом смысле во многом сходную ситуацию можно было наблюдать в городах. Хотя до зарождения хозяйств фермерского типа в деревне было еще далеко, но дифференциация делала свое дело, наращивая в этих хозяйствах капитал. В будущем они могли стать крупными фермерскими хозяйствами. Кроме того, дифференциация помогала переходу части зажиточных хозяйств в категорию капитализирующихся.

Рассмотрим более подробно, как развивалось предпринимательство в деревне. Интерес в этом отношении представляет группировка хозяйств по степени присутствия в них элементов предпринимательства и зависимости, разработанная В. С. Немчиновым. Его данные основаны на обследовании Уральских областей. Их можно использовать, так как там сложилось положение, близкое к ситуации в деревне Центральной России.

Используя методику В. С. Немчинова, А. И. Хрящева составила характеристику уральского крестьянского хозяйства с разной степенью зависимости и предпринимательства по посеву, рабочему и продуктивному скоту.

Как видно из приведенных таблиц 4, 5, 6, социально-имущественное расслоение коснулось лишь части обследованных хозяйств. Нейтральная группа, а также прилегающие к ней хозяйства с элементами зависимости и предпринимательства менее 10 % фактически еще дифференциации не подвергались.

---

[112] Всесоюзная перепись населения 1926. Т. 20. Т. 19. С. 351, 366–368, 414, 420–421, 426, 431–433, 454, 458–461, 465, 470–472, 511, 522–524, 546, 556–558 (рассчитано мной. – *В. Ж.).*

Таблица 4

Тип крестьянского хозяйства	Число хозяйств в 1924 г.
Зависимость*	
более 50 %	73
т 10 до 50 %	98
от 2,5 до 10 %	44
Нейтральный	292
Элементы предпринимательства	
от 2,5 до 10 %	33
от 10 до 50 %	30
более 50 %	1
Итого	571

* Имеется в виду зависимость хозяйства от других хозяйств, которая выражается в отчуждении собственного труда и найме чужого скота и инвентаря.
Источник: *Немчинов В. С.* Избр. произведения. М., 1967. Т. 1. С. 47–48.

Таблица 5

Тип крестьянского хозяйства	Посевные группы (%)								
	Без посева	С пос. от 1 до 2 дес.	2,1–4,0 дес.	4,1–6,0дес.	6,1–10,0 дес.	10,1–16 дес.	16,1–25 дес.	Свыше 25 дес.	Итого
	1924 г.								
Зависимость									
свыше 50 %	15,0	78,3	5,0	1,7	-	-	-	-	100
от 10 до 50 %	3,2	53,2	34,0	4,3	5,3	-	-	-	100
от 2,5 до 10 %	2,5	38,4	41,0	13,0	5,1	-	-	-	100
Нейтральный	1,9	20,6	30,9	23,6	16,8	5,8	0,4	-	100
Элементы предпринимательства									
от 2,5 до 10 %	-	-	6,7	16,7	30,6	26,7	6,6	13,3	100
от 10 до 50 %	-	3,5	10,3	10,3	27,6	44,8	3,5	-	100
свыше 50 %	-	-	-	-	100	-	-	-	100
Итого в 1924 г.	3,5	32,4	26,6	15,5	13,4	7,0	0,8	0,8	100
Итого в 1925 г.	7,8	24,2	26,0	14,5	15,0	8,0	3,7	0,8	100

Источник: РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 473. Л. 6; *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве... С. 102.

Таблица 6

Тип крестьянского хозяйства	Группы по обеспеченности скотом (%)									
	Без раб. скота	С 1 гол.	С 2 гол.	С 3 гол.	с 4 и больше	без коровы	С 1 коровой	С 2 коровами	С 3 коровами	С 4 коровами
	1924 г.									
Зависимость										
свыше 50 %	91,7	8,3	-	-	-	55,0	35,0	8,3	1.7	-
от 2,5 до 50 %	46,6	41,3	8,3	2,3	1,5	24,8	55,0	17,3	2,2	0,7
Нейтральный	13,8	36,6	29,4	14,1	6,1	6,9	40,5	34,3	11,4	6,9
Элементы предпринимательства										
от 2,5 до 50 %	3,4	6,8	18,6	25,4	45,8	-	11,8	28,9	25,4	33,9
свыше 50 %	-	-	-	100	-	-	-	-	-	100
Итого в 1924 г.	30,1	31,1	19,2	10,9	8,7	16,3	40,1	26,4	9,5	7,7
Итого в 1925 г.	27,0	32,5	18,0	11,1	11,4	11,4	33,6	25,3	16,1	13,6

Источник: РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 473. Л. 7; *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве... С. 102.

Это не значит, что все они являлись средними или хотя бы равными между собой по своей экономической мощности, но все они еще в значительной степени были патриархально-натуральными хозяйствами. По данным таблиц 5 и 6 видно, что по обеспеченности скотом и величине посева эти группы – нейтральные хозяйства и группы хозяйств малой зависимости и малого предпринимательства – довольно ощутимо различаются между собой: от беспосевных до сеющих от 16 до 25 дес., от бесскотных и бескоровных до имеющих до четырех и более голов рабочего скота и коров. Большинство из них составляют мелкие и средние хозяйства, но есть и беднейшие, и зажиточные. Поскольку все эти хозяйства еще не вступили или едва вступили в отношения зависимости и предпринимательства, можно с уверенностью сказать, что они являются хозяйствами полунатурального типа, слабо затронутыми социальной дифференциацией.

Если взять ту часть деревни, которая втянулась в отношения зависимости и предпринимательства, то она составляет менее половины обследованных хозяйств, а точнее, 35,3 % (202 хозяйства). Из них нижний полюс (с зависимостью более 50 %) составит 36,1 %, а самый верхний полюс (хозяйства с предпринимательством более 50 %) – 0,5 % (одно хозяйство).

Хозяйств, тяготеющих к нижнему полюсу, было 98, или 48,5 %. По посевной характеристике это в основном бедные хозяйства, равно как и по обеспечению рабочим скотом. Почти половина их вовсе не имеет рабочего скота. Хозяйств, тяготеющих к верхнему полюсу, было 30, или 14,8 %, это в основном зажиточные хозяйства. Почти половина их имела посев более 10 дес., и более половины владела тремя-четырьмя головами рабочего скота (Урал был более обеспечен скотом, чем центр России). Следовательно, в первой половине 20-х годов поляризация хозяйств шла, но она охватила еще далеко не всю деревню. При этом верхнюю группу хозяйств с большой долей вероятности можно назвать предпринимательской, а нижнюю – приближающейся к положению сельскохозяйственных рабочих, полубатрацкой. Группы хозяйств между этими полюсами находились в процессе имущественного расслоения.

Бедняцкие хозяйства охватывают довольно широкий круг хозяйств, включая слои более или менее обеспеченные, но в массе своей это были мелкопосевщики (см. табл. 7 и 8). С беспосевными хозяйствами сложнее, так как они могли быть промысловыми. Посев бедняцкого хозяйства составлял менее 4–6 дес., стоимость средств производства не превышала 400 руб., число душ в семье от одной-двух до пяти-шести. Доход – менее 150 руб. в год. Обеспеченность скотом слабая. Так, в группе с посевом до 2 дес. большая часть хозяйств не имела рабочего скота, а хозяйства с двумя головами рабочего скота были исключением. Многие хозяйства этой группы не имели и коров. Половина хозяйств не имела пахотных орудий. Примерно от 25 до 40 % хозяйств с посевом 2–4 дес. не имели рабочего скота; 25 % хозяйств – пахотных орудий[113]. На одно хозяйство здесь в среднем приходилось полплуга, 0,8 лошади и 0,07 уборочных машин. Хозяйства с посевом 4–6 дес. в малоземельных районах

[113] *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве... С. 39.

были в основном средними. Однако даже для производящей полосы, не говоря уже о Сибири, отнесение всех засевавших 4–6 дес. к середняцкой группе сомнительно, поскольку значительная часть ее не имела рабочего скота и лишь немногие хозяйства имели 2 и более голов скота (см. табл. 7). Даже если рассмотреть данные табл. 8 за 1925 г., когда восстановление хозяйств шло более интенсивно, причем не только в производящей, но и в потребляющей полосе, в которой ряд губерний был лучше обеспечен скотом, то в группе с посевом 4–6 дес. в среднем на одно хозяйство приходилось менее одной головы рабочего скота (0,986). 13,8 % хозяев этой группы не имели скота вовсе, и только у 12 % хозяев было по две головы скота. Хозяйства с тремя головами скота встречались очень редко. (А. И. Хрящев подчеркивает, что безлошадные становятся редким явлением лишь в группах с посевом более 6 дес.) Основное, что снижает хозяйственную мощь этой группы, – это слабая обеспеченность инвентарем: 0,5 плуга на одно хозяйство. Машины имелись в таких хозяйствах очень редко[114].

Таблица 7

Обеспеченность различных групп крестьянских хозяйств рабочим скотом (%) в 1923 г. (по губерниям производящей полосы Европейской России)

Группа по посеву	Без раб. скота	С 1 головой	С 2 головами	с3 головами	С 4 головами	С 5 головами	Итого	Лошадей на 1 хоз-во
Без посева	89,3	8,9	1,8	_	_	_	100	0,1
До 2 дес.	81,2	18,7	0,1	-	-	-	100	0,2
2,1–4 дес.	43,2	55,4	1,3	0,1	-	-	100	0,6
4,1–6 дес.	18,0	75,7	6,1	0,1	-	-	100	0,9
6,1–10 дес.	7,7	68,8	22,5	0,9	0,1	-	100	1,3
10,1–16 дес.	2,3	39,0	48,8	9,4	0,5	-	100	1,9
16,1–25 дес.	-	12,6	43,7	31,2	12,5	-	100	2,7
25,1 и более дес.	-	-	-	-	100	-	100	4,0
Итого	41,0	53,2	5,1	0,6	0,1	-	100	1,2

Источник: *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве... Прил.

[114] *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве... С. 39, 40.

Таблица 8

Обеспеченность различных посевных групп крестьянских хозяйств рабочим скотом (%) в 1925 г. (по губерниям потребляющей и производящей полосы Европейской России)

Группа по посеву	Без раб. скота	С 1 головой	С 2 голова-ми	С 3 голо вами	С 4 голова-ми	Владение скотом совм.	Итого	Раб. скота на 1 хоз-во
Без посева	95,2	4,3	0,2	-	-	0,1	100	0,0
До 2 дес.	50,9	47,3	1,3	0,1	-	0,4	100	03
2,1–4 дес.	24,2	70,3	5,1	0,2	-	0,2	100	0,8
4,1–6 дес.	13,8	73,3	12,0	0,7	-	0,2	100	1,0*
6,1–10 дес.	7,3	65,3	24,4	2,5	0,3	0,2	100	1,2
10,1–16 дес.	3,5	37,1	44,3	12,1	2,8	0,2	100	1,6
16,1–25 дес.	1,6	13,7	42,2	24,9	17,6	-	100	2,0
25,1 и более дес.	-	4,0	14,9	25,7	55,4	-	100	2,7
Итого	32,1	60,2	6,8	0,6	0,1	0,2	100	0,8

* Рабочим скотом обеспечены не все хозяйства, поэтому без округления на одно хозяйство приходится 0,986 головы рабочего скота.

Источники: РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 473. Л. 15; *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве... С. 87, 39.

Середняцкое хозяйство, если иметь в виду устойчивое хозяйство, обычно располагало 6 и более, а в малоземельных районах 4 дес. и более посева. В 1923 г. на такое хозяйство (6–10 дес.) в производящей полосе приходилось в среднем 1,3 лошади, безлошадных хозяйств было всего 7,7 %, зато двухлошадных – более одной пятой (см. табл. 7). В 1925 г. в Центральной России безлошадных в группе с посевом 6–10 дес. было 7,3 %, двухлошадных – почти четверть хозяйств, а с тремя и более лошадьми – около 3 % (см. табл. 8). В среднем на одно хозяйство приходилось 1,2 головы рабочего скота и 0,7 плуга. Обеспеченность инвентарем отставала от обеспеченности скотом, но отчасти это уже компенсировалось применением машины: на одно хозяйство приходилось 0,4 машины. Семья с таким посевом обычно состояла из 7–8, а то и 9 душ. В хозяйстве, как правило, были две коровы, стоимость средств производства составляла от 400 руб. и более, а порой достигала

1000 руб. Условный доход хозяйства не превышал 400 руб. в год[115].

В группе с посевом от 10 до 16 дес. были и середняцкие, и зажиточные хозяйства, трудовые по своему характеру. Мы уже рассматривали вопрос о предпринимательских хозяйствах, которые встречались в разных посевных группах, в том числе и в беспосевных и мелкопосевных, поскольку основной сферой их деятельности была торговля, а некоторых – промыслы. Наряду с этим они могли иметь какое-то количество земли, но не земледелие являлось основным источником дохода. Предпринимательские хозяйства, нанимавшие работников, были в этой посевной группе исключением. Хозяйства от 10 до 16 дес., как правило, были многосемейными (8–11 человек). Стоимость их средств производства составляла от 800 до 1600 руб., доход хозяйства за год – 400–500 руб. В этих хозяйствах встречались промыслы. Ими занято 22 % хозяйств. Бесскотных здесь было очень мало (см. табл. 7 и 8). Зато более 10, а то и 15 % хозяйств этой группы имели три и более голов скота. В то же время почти 40 % хозяйств имели только одну лошадь. В среднем на хозяйство приходится 1,6 лошади, плуг, 0,9 машины.

Крупнопосевные хозяйства (от 16 до 25 и более 25 дес., а в малоземельных районах свыше 13 дес.) все имели скот, а в большинстве этих хозяйств насчитывалось 3–4 головы рабочего скота (см. табл. 7). Но было и значительное число хозяйств с двумя лошадьми. Отсюда на одно хозяйство приходилось уже 2–2,7 головы рабочего скота (см. табл. 7 и 8). Коров также было в этих хозяйствах три-четыре головы. По данным на 1925 г., на одно хозяйство, сеющее от 16 до 25 дес., приходилось 1,4 плуга и 1,6 машины. Начиная с этой посевной группы, обеспеченность машинами превышала обеспеченность хозяйств простым инвентарем.

В группе с посевом более 25 дес. на одно хозяйство приходилось 1,9 плуга и 1,4 машины[116]. Стоимость средств производства

---

[115] Для характеристики хозяйств использованы данные: Сельское хозяйство СССР, 1925–1928 гг.: Сб. стат. сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М., 1929. С. 98–107; *Гайстер А.* Расслоение советской деревни. М., 1928. С. 56–57.

[116] *Хрящева А. И.* Указ. соч. С. 39.

в таких хозяйствах превышала 1,5 тыс. руб. Встречались хозяйства с доходом 1,5 тыс. и более. По расчетам И. К. Воронова, сделанным по бюджетам Воронежской деревни, крупнопосевные группы (более 16 дес.) имели в 10 раз больше земли, чем малопосевные. В 1924 г. посев таких крупных хозяйств составлял в среднем 22,2 дес., в 1925 г. – 26 дес., т. е. посев их продолжал увеличиваться, в основном за счет аренды. По стоимости скота крупнопосевные хозяйства превосходили малопосевные в 19 раз, а среднепосевные в 3,9 раза. Средняя стоимость скота крупного хозяйства составляла в среднем 961,2 довоенных золотых руб., мелкого – 50,5 золотых руб.[117] Стоимость инвентаря крупных хозяйств в 10–11 раз превышала этот показатель среднепосевных и малопосевных. Условно-чистый доход крупных хозяйств превосходил доход малопосевных в 12 раз.

Таким образом, картина имущественного расслоения довольно яркая. Группы крупнопосевщиков включали в себя зажиточные хозяйства, по этой причине их часто причисляли к эксплуататорским хозяйствам. Но понятия «зажиточный» и «эксплуататорский» здесь не тождественны.

Зажиточные хозяйства были главными поставщиками товарного хлеба в деревне. Возражая Я. А. Яковлеву, опубликовавшему известную статью «Об ошибках хлебо-фуражного баланса ЦСУ и его истолкователей», А. И. Хрящева писала, что у него получилась прелюбопытная картина, когда маломощные и мелкие хозяйства оказались главными поставщиками товарного хлеба для города и на экспорт, так как на них падает чуть ли не 50 % всех отчуждений. На самом деле, если, например, маломощные в 1923–1924 гг. (в потребляющем районе) отчуждали 49,6 % всей своей продукции, то они одновременно приобретали такое количество хлеба, которое составляло 134 % по отношению к их продукции. А в производящем районе маломощные отчуждали 49,1 % своей продукции, а приобретали – 124 %, причем хлеб маломощные хозяева продавали осенью и зимой, когда цены на него устанавливались низкие, а весной и летом покупали для себя дорогой хлеб по высоким ценам. Оттого, что они активно покупали и продавали хлеб, они не

[117] *Воронов И. К.* Воронежские бюджеты и их сравнительная переработка // Крестьянские бюджеты за 1924 г. Воронеж, 1926. Вып. 1. С. 12, 46–47.

являлись его главными держателями и поставщиками на рынок. Зажиточные хозяйства всегда больше продавали, чем потребляли. Если маломощные не имели избытков хлеба ни для города, ни для экспорта, то таковыми располагали богатые и зажиточные хозяйства – 26 % первые и 42 % вторые (данные на 1923/24 г.). В 1925/26 г. картина была аналогичной.

Как развивалась дифференциация крестьянства? В деревне того времени переплетались два типа расслоения: социально-имущественное (хорошо изученное в специальной литературе) и демографическое, в основе которого лежат органические изменения крестьянских хозяйств, т. е. процессы их дробления, соединения, ликвидации и возникновения. Демографическая дифференциация крестьянства привлекала пристальное внимание исследователей в 20-е годы: А. В. Чаянова, А. И. Хрящевой, Л. Б. Минца и др. В последующие годы этой проблемой практически никто не занимался, кроме В. П. Данилова и Ю. А. Полякова.

Процесс дробления хозяйства шел в Центральной России всю первую половину 20-х годов, причем очень интенсивно. В тот период специфика органических изменений заключалась в том, что разделы хозяйств преобладали над их соединениями. Исключением являлись беспосевные хозяйства, которые в массе своей ликвидировались. Например, с 1920 по 1923 г. в губерниях производящего района разделилось 7 %, а соединилось 3,2 %; в губерниях потребляющего района – соответственно 7,1 и 1,7 %. В то же время в производящем районе ликвидировалось 10,4 % хозяйств, что было связано с последствиями голода 1921 г., тогда как в потребляющей полосе значительно меньше – 6,2 %[118]. Преобладание разделов над соединениями наблюдалось и в 1924–1925 гг. По данным, приведенным в Статистическом справочнике Союза ССР, в потребляющем районе разделились 2,5 % хозяйств, ликвидировались и выселились 2,6 %, а соединились всего 0,5 %, в производящем районе – соответственно 2,9; 1,9; 0,8 %[119].

---

[118] Хрящева А. И. Группы и классы в крестьянстве. Прил. (подсчеты сделаны мной. – *В. Ж.*).

[119] Статистический справочник Союза ССР, 1927. М., 1927. С. 66–67.

Какова природа этих разделов? Окончательного ответа на этот вопрос в литературе до сих пор не дано, хотя предположений было сделано немало. Одно из них, как уже говорилось выше, стремление к освобождению взрослых детей из-под власти патриархальной семьи. Ведь обычно раздел происходил тогда, когда отделялись женившиеся сыновья, стремившиеся к самостоятельности. Другое – связь разделов с быстрыми темпами роста населения в 1924–1925 гг. и высокой послевоенной компенсаторной рождаемостью. Оба эти объяснения, безусловно, имеют свои основания, однако в первом случае период разделов должен был быть очень коротким, так как малые семьи после Октября сразу реализовали свое право раздела и получили землю. Однако разделы продолжали оставаться интенсивными и спустя 10 лет. Второе объяснение подразумевает, что уровень интенсивности разделов должен был повышаться с начала 20-х годов и до их середины в связи с увеличением численности населения. А мы наблюдаем обратный процесс: в 1925 г. процент разделов по сравнению с 1923 г. понизился. Безусловно одно – шел процесс нуклеаризации семьи, причем весьма динамичный. Он достаточно полно описан в демографической литературе, хотя причины его до конца не изучены. Например, одни исследователи связывают его с демографическим переходом к современному типу воспроизводства населения и спадом в связи с этим рождаемости. Однако фактическими данными это не подтверждается. Другие предполагают, что нуклеарная семья преобладала всегда. Но это, на наш взгляд, тоже не бесспорное утверждение. А. И. Хрящева считала, что к росту числа разделов приводило аграрное перенаселение: в семьях концентрировалось слишком много едоков и работников, тогда как объем средств производства в хозяйстве оставался неизменным. Аграрному перенаселению способствовало отсутствие должного оттока рабочей силы в города из-за неразвитой промышленности.

Высказанные предположения слишком различны и не всегда сочетаются друг с другом. Например, идея роста численности населения мало что объясняет, так как в самом начале 20-х годов уровень рождаемости падал, а уровень детской смертности и смертности вообще был очень высоким. Значительно плодотворнее мысль о том, что отсутствовал отток избыточного населения из деревень в города и промышленность.

Все силы сосредоточивались в полеводческом земледелии. Не была отвлечена рабочая сила в другие отрасли сельского хозяйства. Все это и приводило к бесконечным разделам.

Интенсивный процесс нуклеаризации семьи на определенной стадии развития общества закономерен. Это не значит, что до этой стадии малых нуклеарных семей не было вообще. Они, конечно, существовали, но их число в переломный период начинает быстро расти. Как правило, этот кризис патриархальной семьи связан с ломкой патриархально-общинных отношений и интенсификацией хозяйства. Но демографические процессы, обладая относительной самостоятельностью, могут обгонять экономические. Разделы в России были и до революции (уже тогда начали колебаться устои патриархальной семьи), хотя они не всегда соответствовали экономическим условиям существования и функционирования экстенсивного хозяйства. А после революции это несоответствие усилилось, так как экономический базис хозяйства был сильно подорван. Зато юридические, политические отношения для выхода из патриархальной семьи были как раз очень благоприятны. Отсюда и усиление дроблений хозяйств в форме разделов. Возможно, продолжала сохраняться какая-то доля фиктивных разделов в 1917–1920 гг., о чем пишет В. В. Кабанов, но играть существенной роли после отмены продразверстки они уже не могли[120].

Какие же хозяйства делились? В исследовательской литературе нередко утверждается, что беспосевные и крупнопосевные хозяйства делились мало. Однако судя по данным, приведенным в табл. 9 и 10, делились хозяйства, принадлежавшие ко всем посевным группам. Из девяти губерний лишь в трех – Рязанской, Саратовской и Тульской – беспосевные остались без разделов, зато в других губерниях они подверглись разделу. В Пензенской и Тамбовской губерниях беспосевные делились более интенсивно, чем некоторые мелкопосевные. Интенсивность разделов была прямо пропорциональна величине посева: чем больше посев, тем выше процент раздробившихся хозяйств. Хотя и здесь не обходилось без исключений, особенно в губерниях потребляющей полосы – Владимирской и Нижегородской.

[120] *Кабанов В. В.* Указ. соч. С. 37–39.

Таблица 9

Разделившиеся хозяйства и их эволюция от 1920 к 1923 г.

Посевная группа (по губерниям)	Всего хозяйств	Разделилось в данной группе хозяйств (%)	Из образовавшихся путем раздела хозяйств		
			остались в той же группе (%)	перешли в низшие по посеву группы (%)	перешли в высшие по посеву группы (%)
1	2	3	4	5	6
Владимирская					
Без посева	141	0,7	-	-	100
С посевом:					
до 2 дес.	1074	4,2	65,6	1,1	33,3
2,1–4 дес.	734	12,4	48,2	38,1	13,7
4,1–6 дес.	112	2,9	18,3	71,8	9,9
6,1–10 дес.	24	58,3	30,0	70,0	-
10,1–16 дес.	2	100	-	100	-
16,1–25 дес.	-	-	-		
свыше 25 дес.	-		-	-	
Итого	2087	8,9	45,1	36,4	18,5
Московская					
Без посева	354	1,4	16,7	-	83,3
С посевом:					
до 2 дес.	912	4,8	87,6	6,7	5,7
2,1–4 дес.	446	8,1	33,3	64,2	2,5
4,1–6 дес.	43	18,6	-	100	-
6,1–10 дес.	2	-	-	-	-
10,1–16 дес.	-	-		-	-
16,1–25 дес.	-	-	-	-	-
свыше 25 дес.		-	-		-
Итого	1757	5,3	53,2	38,3	8,5
Тульская					
Без посева	11			-	
С посевом:					
до 2 дес.	292			-	-
2,1–4 дес.	803	3,0	55,8	32,5	11,7
4,1–6 дес.	527	11,0	30,0	66,6	3,4
6,1–10 дес.	189	33,3	14,9	84,3	0,8
10,0–16 дес.	15	33,3	10,0	80$_4$0	10,0
16,1–25 дес.	1	100	100	-	-
свыше 25 дес.	-	-	-	-	
Итого	1838	8,2	26,0	70,4	3,6

Таблица 9 (продолжение)

1	2	3	4	5	6
Нижегородская					
Без посева	84		-	-	100
С посевом:					
до 2 дек.	836	5,1	85,7	-	14,3
2,1–4 дек.	412	12,6	34,0	63,1	2,9
4,1–6 дек.	37	35,1	-	85,2	14,8
6,1–10 дек.	3	33,3	-	100	_
10,1–16 дек.	-	-	-	-	-
16,1–25 дек.	-	-	-	-	-
свыше 25 дек.	-	-	-	-	-
Итого	1370	8,0	49,1	41,3	9,6
Новгородская					
Без посева	91	1,1	100	-	-
С посевом:					
до 2 дек.	603	3,0	73,0	16,2	10,8
2,1–4 дек.	356	11,0	26,5	72,2	1,3
4,1–6 дек.	11	18,2	-	100	–
6,1–10 дек.	-	-	–	-	_
10,1–16 дек.	-	-	-	–	_
16,1–25 дек.	-	-	-	-	–
свыше 25 дек.	-	-	-	-	-
Итого	1061	5,5	40,1	55,9	4,0
Саратовская					
Без посева	190				
С посевом:					
до 2 дек.	339	0,6	-	-	100
2,1–4 дек.	815	3,8	41,3	32,7	26,0
4,1–6 дек.	652	11,8	18,5	76,8	4,7
6,1–10 дек.	346	26,9	19,7	78,8	1,5
10,1–16 дек.	34	50,0	2,6	97,4	_
16,1–25 дек.	-	-	-	-	-
свыше 25 дек.	-	-	-	-	-
Итого	2376	9,2	20,5	71,8	7,7
Пензенская					
Без посева	26	3,8	-	-	100
С посевом:					
до 2 дек.	280	1,4	28,6	14,3	57,1
2,1–4 дек.	690	33,3	42,2	51,1	6,7
4,1–6 дек.	434	9,0	22,0	75,6	2,4
6,1–10 дек.	164	34,7	45,4	54,6	_
10,1–16 дек.	22	54,5	7,7	92,3	_
16,1–25 дек.	-	-	-	-	-
свыше 25 дек.	-	-	-	-	-
Итого	1616	8,4	17,9	77,9	4,2

Таблица 9 (окончание)

1	2	3	4	5	6
Рязанская					
Без посева	24	-	-	-	-
С посевом:					
до 2 дес.	878	0,4	75,0		45,0
2,1–4 дес.	1293	4,3	37,8	56,7	5,5
4,1–6 дес.	. 302	17,5	13,4	85,7	0,9
6,1–10 дес.	64	48,4	10,8	89,2	-
10,1–16 дес.	1	100	-	100	-
16,1–25 дес.	-	-	-	-	-
свыше 25 дес.	-	-	-	-	
Итого	2562	5,6	23,1	733	3,7
Тамбовская					
Без. посева	10	10,0	-	-	100
С посевом:					
до 2 дес.	209	1,9	66,7	-	33,3
2,1–4 дес.	501	5,0	37,5	39,6	22,9
4,1–6 дес.	217	23,5	183	76,1	5,6
6,1–10 дес.	90	50,0	24,7	74,2	1.1
10,1–16 дес.	3	100	-	100	-
16,1–25 дес.	-	-	-	-	-
свыше 25 дес.	-	-			-
Итого	1030	12,5	24,9	66,9	8,2

Источник: *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве. М., 1924. Прил.

Что касается крупнопосевных хозяйств, то почти по всем губерниям среди них был самый большой процент разделившихся. И в потребляющей и в производящей полосах он колебался от 33 до 100 от всех хозяйств крупнопосевной группы. Только в Московской губернии дело обстояло иначе. Там крупные хозяйства вообще не делились. Правда, по-настоящему крупных хозяйств даже по нормам потребляющей полосы в этой губернии не было (обследование не зафиксировало более 10 дес. посевов).

Что же происходило с разделившимися хозяйствами? Беспосевные и сеявшие до 2 дес., безусловно, выигрывали от разделов, они либо оставались в прежней посевной категории, либо переходили в верхние посевные группы, причем последнее происходило со значительным числом разделившихся. Удельный вес сокративших посев был среди них невелик. Чем крупнее была по посеву группа хозяйств, тем больше в ней по-

сле разделов была доля уменьшивших посев и тем меньше – повысивших его.

Таблица 10

Разделившиеся хозяйства в 1924–1925 гг. (%)

Посевная группа	Потребляющая полоса	Производящая полоса
Без посева	0,2	0,4
С посевом:		
до 2 дес.	1,5	1,0
2,1–4 дес.	3,4	2,0
4,1–6 дес.	5,6	3,6
6,1–10 дес.	8,7	6,6
10,1–16 дес.	6,7	10,8
16,1–25 дес.	25,0	12,2
свыше 25 дес.	-	12,0

Источник: Статистический справочник Союза ССР, 1927. С. 66–67.

Однако довольно значительная часть хозяйств (от 1/4 до 1/2) оставалась в прежней посевной группе. Безусловно, сокращали посевы только самые крупные посевные группы.

Каким образом разделившееся хозяйство могло удержаться в прежней группе? Это было нелегко, но еще труднее было перейти в более высокую категорию. В разделившихся семьях едоков и работников становилось меньше, а значит, и площадь наделов должна была сокращаться. Однако величина посева не только сохранялась, но во многих случаях росла, так как земля использовалась полнее, а возможно, и арендовались дополнительные участки. Исследователи 20-х годов отмечали, что в выделившихся семьях хозяйства ведутся с большей энергией, их владельцы мобильнее, восприимчивее к новому. Но это происходило не всегда, часть семей вынуждена была сократить посев, иногда временно. Интересно, что от разделов выигрывали не крупные, а мелкие хозяйства. Видимо, с одной стороны, у них был выше уровень промысловости, что помогало им быстрее встать на ноги, а с другой – родительские хозяйства у мелкопосевных групп часто были хуже налажены, чем у крупнопосевных. Последние полнее, чем мелкопосевные, использовали наделы, и ресурсов необработанной земли у них было меньше. В результате крупнопосевщики больше страдали при

разделе. Кроме того, даже у них не было достаточных денежных накоплений, которые позволили бы им безболезненно пережить раздел, арендовав дополнительно участок земли или расширив посев за счет машинной обработки полей. В среднепосевных хозяйствах по сравнению с крупнопосевными ресурсов необработанной земли было больше. Конечно, в динамике хозяйств при разделах много загадочного, однако ясно, что, разделившись, семьи далеко не всегда проигрывали.

Мы уже говорили, что политические и юридические отношения могут стимулировать процесс дробления сложной семьи, что и наблюдалось в первые годы после революции, когда очень интенсивное дробление хозяйств и измельчание вследствие этого посевов буквально пугали статистиков. Кроме того, высвободившиеся из патриархальной семьи малые семьи в условиях уравнительного землепользования и действия административных рычагов «военного коммунизма» не могли реализовать свой хозяйственный потенциал. К этому надо добавить еще и уход работников, чаще всего из молодых семей, в армию. Оживление рыночных отношений к середине 20-х годов изменило положение. Разрыв между процессом нуклеаризации семьи и его экономическим основанием начал сокращаться. Это способствовало хозяйственному подъему значительного числа выделившихся семей.

При особенно активно развивающемся, но экономически не обеспеченном процессе дробления перемещение зажиточных хозяйств в менее обеспеченные группы, часто в средние, обретает внешнее сходство с одним из признаков осереднячивания, хотя природа его совсем другая и сходство это временное. Мы не хотим сказать, что этот специфически протекавший, с противоречиями и трудностями, процесс дробления сложной семьи в деревне, был в свое время принят за осереднячивание, но определенное влияние на формулировку положения об осереднячивании он, очевидно, оказал В резолюции XV съезда ВКП(б) (1927 г.) давалась следующая характеристика происходящего в деревне: «В противоположность капиталистическому типу развития, который выражается в ослаблении среднего крестьянства при росте крайних групп – бедноты и кулачества – у нас, наоборот, налицо имеется процесс усиления группы середняков при некотором пока еще росте кулацкой группы

за счет зажиточной части середняков и при сокращении групп бедноты, из которых часть пролетаризируется, а другая, – более значительная часть – постепенно передвигается в группы середняков»[121].

Этот документ на долгие годы определил характер многих исследований. Деревня расценивалась не иначе как середняцкая или с устойчивой тенденцией к осереднячиванию. Осереднячивание рассматривалось через призму этой декларации как особый процесс, в корне отличающийся от обычной дореволюционной социальной дифференциации, процесс, свойственный новой, вступающей на социалистический путь деревне. Считалось, что он был присущ лишь обществу переходного периода и в других исторических условиях возникнуть не мог. Связывался он с антифеодальной и антикапиталистической революцией в доколхозной деревне.

Как мы уже видели, в первые годы советской власти в деревне происходило поравнение по уровню ниже среднего или бедному, и подавляющая масса хозяйств была бедняцкой. Введение в начале 20-х годов нэпа принципиально ситуацию не изменило. Что же касается 1923–1925 гг. (в некоторых областях 1924–1925 гг.), то в эти годы действительно происходило сокращение бедноты, средние слои несколько увеличились, выросло число зажиточных хозяйств. Но можно ли это считать осереднячиванием? А если да, то как это сочеталось с социальной дифференциацией крестьянства?

Можно считать осереднячиванием процесс, в результате которого середняк обязательно становится преобладающей фигурой в деревне, причем типичный середняк, а не «маломощный», который на деле является, скорее, бедняком. Можно понимать под осереднячиванием процесс, приводящий к сокращению полярных групп (богатых и беднейших) к росту средних слоев в деревне, хотя еще в ней не преобладающих. Можно также понимать под осереднячиванием увеличение средней группы хозяйств, при одновременном росте числа крайних групп («батрацкой и кулацкой») независимо от того, преобладают или нет в деревне средние хозяйства. В этом случае средние слои увеличивают свою численность за счет

[121] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 4. С. 55.

бедноты. Конечно, процесс этот более сложный, и середняк, в свою очередь, спускается в бедняцкие группы, но мы сейчас грубо обозначили лишь основную тенденцию. Существует масса нюансов в развитии каждой социальной группы, например численность батрачества может не расти, а сокращаться, что не всегда свидетельствует об ослаблении дифференциации, а говорит об усилении по какой-то причине процесса вымывания батрацкой группы в деревне. Отвлекаясь от всех нюансов социальной мобильности хозяйств, мы выделили три концепции осереднячивания. Не всегда они четко теоретически оформлены, но в том или другом варианте встречаются в литературе. Причем третья и первая концепция часто сочетаются между собой.

Социальные перемещения крестьянских хозяйств в середине 20-х годов в партийных документах и большей части исследовательской литературы выглядят, пользуясь сложившейся терминологией, следующим образом (при пятислойной группировке крестьянских хозяйств – батраки, бедняки, середняки, зажиточные, кулаки): каждая группа крестьянства испытывает социальные перемещения и в «верхние» и в «нижние» группы. Если при дифференциации «капиталистического типа» основная тяжесть перемещений приходится на средний слой крестьянства, который размывается и растет численность, с одной стороны, зажиточных и сельской буржуазии, а с другой – бедноты и сельского пролетариата, то в советской доколхозной деревне в основном размывается слой бедноты, которая перемещается главным образом в «верхние» слои. Лишь незначительная ее часть пролетаризируется. Поскольку «подвижки» вверх более интенсивны, численность бедноты уменьшается. Батрачество или пролетаризированные элементы пополняются за счет разоряющейся бедноты и в редких случаях средних крестьян. Одна часть батраков «вымывается» из деревни, а другая переходит в более «высокие» группы. Но в целом в середине 20-х годов численность батрацкой группы несколько увеличивается. Средние слои имеют тенденцию к увеличению численности, при том, что некоторая часть их переходит в категорию бедноты и батрачества, а другая – в зажиточные и даже богатые группы хозяйств. Средний слой интенсивно пополняется за счет бедноты. Зажиточные хозяй-

ства, которые, по сути дела, являются трудовыми, частично переходят в «эксплуататорские» группы, а частично – в «нижние». При этом зажиточные хозяйства, пополняясь более интенсивно за счет середняцких, также увеличиваются. Кулачество, пополняется за счет зажиточных, а убывает за счет перемещения в более «низшие» группы, чему способствует государственная политика. В целом численность этой группы несколько возрастает. Так отражены в основном социальные процессы в деревне в партийных документах той поры, в литературе 20-х годов и отчасти в современной.

Мы далеки от мысли, что все эти социальные процессы в деревне охарактеризованы неверно. Несмотря на специфическую терминологию, здесь много ценных наблюдений. Например, сокращение численности крайних групп (предпринимателей и батраков) происходило сразу после Октября и продолжалось фактически до 1923 г., будучи следствием социализации земли. Этот процесс точнее было бы назвать, как уже отмечалось, поравнением деревни, а не осереднячиванием. Оттого, что поравнение шло по уровню ниже среднего, если не по бедному, численность бедноты в деревне сильно увеличилась, в то время как средний слой вырос незначительно, а в ряде случаев даже сократился. Что касается приведенной выше схемы дифференциации 20-х годов, то она близка к действительному положению вещей: деревня восстанавливалась, и уровень мощности многих хозяйств поднимался. По посеву, обеспеченности рабочим скотом, инвентарем, капиталом они переходили в более «высокие» группы. Одновременно часть хозяйств беднела и перемещалась в «низшие» группы. При этом первый процесс шел более интенсивно, чем второй.

Чтобы разобраться в социальных процессах, происходящих в деревне первой половины 20-х годов, обратимся к материалам обследования крестьянских хозяйств, собранным в архиве А. И. Хрящевой. Эти данные позволяют проследить динамику групп крестьянских хозяйств, связанную с их дифференциацией, по двум основным показателям – величине посева и обеспеченности скотом.

Проанализируем сначала данные обследования 25 губерний Европейской России (табл. 11) по величине посева в динамике от 1922 к 1925 г. Мы видим тенденцию к сокращению

беспосевных хозяйств (удельный вес их уменьшился более чем в 2 раза), что вовсе не значит, что сократилась доля батраков, так как они встречались и в группах с посевом. Часть беспосевных переместилась в верхние группы. Одновременно происходило интенсивное «вымывание» из деревни обедневших хозяйств. Особенно активно этот процесс протекал от 1924 к 1925 г., когда на основной части Европейской России успешно восстанавливалось крестьянское хозяйство.

Таблица 11

Динамика крестьянских хозяйств по посевным группам по материалам 25 губерний Европейской России (%)

Группа по посеву	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Без посева	4,1	33	3,1	1,8
до 1 дес.	20,0	17,8	14,3	12,3
до 2 дес.	30,5	27,6	25,8	24,0
2–3 дес.	19,4	19,5	21,0	21,8
3–4 дес.	11Д	12,2	13,6	15,1
4–6 дес.	9,9	12,3	13,9	15,7
6–8 дес.	3,3	4,7	5,2	5,9
8–10 дес	1,0	13	1,8	2,1
10–13 дес.	0,4	0,7	0,8	0,9
13–16 дес.	0,1	*02*	*02*	0,3
16–19 дес.	0,1	0,1	0,1	0,1
19–22 дес.	–	–	0,1	–
22–25 дес.	–	0,1	0,1	–
свыше 25 дес.	–	–	–	–
Итого	100	100	100	100

Источник: РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 473. Л. 14; *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве. С. 86.

Тенденция к сокращению беспосевных и мелкопосевных групп подтверждается данными по Черноземью. Она проявилась уже к 1923 г. (см. табл. 8). В Воронежской, Курской, Тамбовской, Орловской губерниях – повсюду сокращались беспосевные, а также сеющие до 2, а порой и до 3 дес. А в Тамбовской губернии – даже до 4 дес. Увеличивался удельный вес остальных групп, причем у крупнопосевных групп этот показатель вырастал заметнее. Самые крупнопосевные группы (сеющие свыше 25 дес.) были весьма неустойчивы, они то образовывались, то исчезали в связи с органическими изменениями хозяйств, поэтому данные по ним часто отсутствуют.

В Европейской России удельный вес бедноты, особенно низшего ее слоя, убывал (см. табл. 11). Это видно на примере группы хозяйств с посевами до 1 и от 1 до 2 дес. За три года удельный вес группы с посевом от 1 дес. сократился более чем на 1/3, а с посевом от 1 до 2 дес. – на 1/5. Верхняя группа бедноты (с посевом от 2 до 4 дес.) имела тенденцию к увеличению, судя по всему за счет нижней группы бедняцких хозяйств. Правда, ее удельный вес рос довольно медленно.

Численность групп, которые можно отнести к среднепосевным, устойчиво увеличивалась, причем их доля повышалась очень быстро. Удельный вес группы с посевом от 4 до 6 дес. вырос в 1,5 раза, равно как и группы с посевом от 6 до 10 дес.; причем удельный вес группы с посевом от 8 до 13 дес. увеличился более чем в 2 раза.

Таблица 12

Группа по посеву	Год	Удельный вес от всех крестьянских хозяйств (%)	Группа по посеву	Год	Удельный вес от всех крестьянских хозяйств (%)
Без посева	1922	4,1		1924	7,0
	1923	3,3		1925	8,0
	1924	3,1	10,1–16 дес.	1922	0,5
	1925	1,8		1923	0,9
С посевом:				1924	1,0
0,1–4 дес.	1922	81,1		1925	1,2
	1923	77,1	16,1–19 дес.	1922	0,1
	1924	74,7		1923	0,1
	1925	73,2		1924	0,1
4,1–6 дес.	1922	9,9		1925	0,1
	1923	12,3	Более 19 дес.	1922	–
	1924	13,9		1923	0,1
	1925	15,7		1924	0,2
6,1–10 дес.	1922	4,3		1925	–
	1923	6,2			

Источник: РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2 Д. 473. Л. 14.

Увеличилась и доля хозяйств с крупным посевом. Судя по активному росту средне- и крупнопосевщиков, верхние слои

бедноты успешно их пополняли, поэтому сами увеличивали свой удельный вес очень медленно.

Тенденция к росту нарушалась только у самых крупных хозяйств с посевом от 19 дес. и более.

Региональные материалы, в частности по Воронежской губернии за 1923–1925 гг., любопытны тем, что, несмотря на последствия неурожая 1924 г., подтверждают наличие тенденций, свойственных крестьянству Европейской России в целом. Согласно этим данным, численность бедняцких хозяйств имела явную тенденцию к сокращению. Удельный вес группы с посевом до 1 дес. понизился с 16,6 до 9,7 %, а с посевом от 1 до 2 дес. – с 24,7 до 22 %.

Для групп хозяйств, имевших 2 дес. и более посева, отмечались стабильность и даже некоторая тенденция к увеличению. Так, доля группы с посевом от 2 до 3 дес. прибавила за эти два года 0,1 % и составила 22,2 % всех крестьянских хозяйств; удельный вес группы с посевом от 3 до 4 дес. вырос на 2 % – с 13,8 до 15,8 %.

Доля среднепосевщиков также увеличилась: например доля группы хозяйств с посевом от 6 до 8 дес. выросла с 5,5 до 8,1 %.

Повысился удельный вес и крупнопосевщиков. Например, группа с посевом от 10 до 16 дес. – в 1,5 раза; с посевом более 16 дес. к 1925 г. вернулась на свой прежний уровень (до неурожая 1924 г.), т. е. также обнаружила тенденцию к подъему[122].

Проанализируем теперь динамику крестьянских хозяйств Европейской России по обеспеченности рабочим и продуктивным скотом (табл. 13).

Хозяйства без рабочего скота и без коров среди всех хозяйств убывали по той же причине, что беспосевщики и малопосевщики, – частично вымывались, частично переходили в верхние группы. Удельный вес хозяйств с одной головой рабочего скота рос очень медленно, он увеличился всего на 1 %. Удельный вес однокоровных хозяйств уменьшался, зато доля хозяйств с двумя-тремя головами рабочего и продуктивного скота заметно росла, с четырьмя и более лошадьми оставалась без изменений, а с четырьмя коровами увеличивалась.

---

[122] *Воронов И. К.* Расслоение деревни и коллективизация: По данным весеннего опроса 1925 г. Воронеж, 1925. С. 12.

Таблица 13

Изменение обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим и продуктивным скотом по материалам 25 губерний Европейской России (%)

Год	Без раб. скота	С 1 головой	С 2 голо-вами	С 3 голо-вами	С 4 и выше голов.	Без коров	С 1 головой	С 2 голо-вами	С 3 голо-вами	С 4 и выше головами
1922	34,1	59,9	5,5	0,4	0,1	20,2	61,4	15,9	2,1	0,4
1923	34,0	59,8	5,7	0,4	0,1	20,3	61,9	153	1,9	0,4
1924	33,0	60,1	6,3	0,5	0,1	17,7	61,5	17,7	2,6	0,5
1925	31,9	60,7	6,7	0,6	0,1	16,1	60,6	19,0	3,5	0,8

Источник: *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве. С. 88.

На протяжении всего исследуемого периода бедняцкие хозяйства продолжали составлять большинство деревни несмотря на некоторую их убыль. Например, в 1923 г. удельный вес малопосевщиков (до 6 дес.) производящих губерний среди всех хозяйств составлял в Пензенской губернии (посев от 0,1 до 4 дес.) 61,3 %, сеющих от 4 до 6 дес., среди которых также было много бедняцких хозяйств, – 28,9; средних с посевом от 6 до 10 дес. – 8,3; средних и зажиточных (более 10 дес.) – 0,8; в Тамбовской губернии – соответственно 54,6; 26,0; 14,7; 3,4; из них крупнопосевных (свыше 16 дес.) – 0,3 %; в Воронежской губернии – 75,2; 13,7; 7,7; 1,8 %; из них с посевом более 16 дес. – 0,3 %. В Тульской губернии (потребляющая полоса) среднепосевными являлись хозяйства с посевом от 4 до 10 дес., сеющих до 4 дес. составляли 49,5 %, 4–10 дес. – 48,5, более 10 дес. – 2,1 %, в том числе 16 дес. – 0,2 %; во Владимирской губернии – соответственно 74,2; 21,2; 0,4 %[123].

Тот же самый вывод следует и из материалов обследования 25 губерний Европейской России (расчет на основании табл. 12).

Как видно из этих данных, большую часть хозяйств составляли малопосевщики, удельный вес которых хотя и падал от

[123] *Воронов И. К.* Расслоение деревни и коллективизация: По данным весеннего опроса 1925 г. Воронеж, 1925. С. 12.; *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве... Прил. (подсчеты сделаны мною. – *В. Ж.*).

1922 к 1925 г., но незначительно. Зажиточные хозяйства увеличили свой удельный вес, но он не превысил 1–2 %, а действительно богатые – менее 1 %. Доля бедняцких хозяйств составила, по приблизительным подсчетам, около 70 %, а середняцких – немногим более 20 %.

Уровень обеспеченности хозяйств рабочим и продуктивным скотом (табл. 13), также свидетельствует о небогатом состоянии деревни. Даже в 1925 г. почти 1/3 хозяйств не имела рабочего скота вовсе, а бескоровные хозяйства составляли около 1/5, более половины хозяйств имели одну голову рабочего и одну голову продуктивного скота. Хозяйств с двумя головами рабочего скота насчитывалось менее 7 %, с тремя головами рабочего скота – менее 1 %. Обеспеченность коровами была выше. Однако хозяйств с тремя коровами и больше насчитывалось менее 5 %. К этому необходимо еще добавить, что от 30 до 50 % крестьянских хозяйств не имели инвентаря[124].

Специфика процессов расслоения в советской деревне той поры нашла выражение в аренде земли экономически сильными хозяйствами у экономически более слабых, а скота и инвентаря, напротив, – экономически слабыми у экономически более сильных. Этот вопрос довольно подробно освещен в исторической литературе[125]. (Поэтому статистических данных мы не приводим.) Однако хотелось бы подчеркнуть ту большую роль, которую играла аренда земли в условиях запрета на ее куплю-продажу в расслоении крестьянства. Посредством аренды осуществлялось перераспределение земли между хозяйствами в зависимости от того, насколько то или иное хозяйство могло ее обработать, т. е. в соответствии с количеством работников, инвентаря и капитала. Таким образом частично уничтожались последствия поравнения земли и результаты внутриселенных переделов. Данные гнездовых обследований относительно распространения аренды от 1923

---

[124] *Хрящева А. И.* Указ. соч. С. 39; *Воронов И. К.* Групповой состав Воронежской деревни. С. 104.

[125] См., напр.: *Гайстер А.* Указ, соч.; *Крицман Л. Н.* Классовое расслоение советской деревни. М., 1926; *Данилов В. П.* Создание материально-технических предпосылок к коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; *Рогалина Н. Л.* Указ, соч.; Изменения социальной структуры советского общества, 1921 – середина 30-х годов. М., 1979.

к 1924 г. практически во всех регионах страны содержатся в табл. 14. Исключение составляли Северный район и Предкавказье, где процент арендуемой земли в тот период сократился.

Таблица 14

Район	% хозяйств, арендующих землю		На 1 арендующее хозяйство арендовано дес.					
			пашни		сенокоса		итого	
	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
Крайний Север	0,2	1,4	ОД	0,4	03	0,8	0,7	1,2
Северный	2,6	2,5	03	03	0,8	0,8	1.1	1,1
Северо-Западный	4,4	7,1	03	ОД	1,2	0.9	13	1,1
Западный	0,8	1,3	03	0,6	2,4	0,5	2,7	1,1
Московско-промышленный	1,9	4,4	0,4	0,4	0,2	0,3	0,6	0,7
Центрально-земледельческий	3,7	5,8	13	0,4	–	0,1	13	13
Волжско-Камский	0,1	0,3	13	0,4	–	0,4	13	0,8
Уральский	7,4	9,8	1,0	0,7	0,4	0,2	1,4	0,8
Башкирская АССР	9,9	11,6	1,1	1,2	0,1	0,1	1,2	1,3
Волжский	7,7	9,0	2,6	3,2	0,3	0,4	2,9	3,6
Дон и Предкавказье	16,7	8,1	6,0	2,8	0,4	2,0	6,4	4,8
Западная Киргизия	2,6	9,7	13	1,9	3,4	0,4	4,7	2,3
В среднем по СССР	5,6	6,6	3,0	1,8	0,5	0,5	3,5	2,3

Источник: РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 489. Л. 2.

В арендные отношения втягивалось все большее число хозяйств, при том, что арендный фонд был сильно ограничен, были ликвидированы помещичьи имения, где ранее арендовали землю. В связи с этим средний показатель арендованной земли на 1 арендующее хозяйство упал.

По данным обследования 25 губерний Европейской России (табл. 15), проведенном в 1924 г., видно, что размеры аренды и процент арендующих хозяйств прямо пропорциональны обеспеченности хозяйства рабочим скотом. Влиял на это и размер семьи. В принципе арендовали землю все посевные группы, но арендующие хозяйства были лучше обеспечены скотом, чем хозяйства с таким же посевом, не прибегавшие к аренде. Если сравнить данные табл. 7 и 15 по показателю обеспеченности скотом на одно хозяйство, то у арендующих хозяйств этот

показатель был на порядок выше, чем средний по всем хозяйствам. Например, в среднем безлошадники исчезали лишь в группе с посевом 6 дес. и более, а у арендующих землю хозяйств – в группе с посевом 4 дес. Среди арендующих встречаются хозяйства с пятью и более головами рабочего скота.

Данные табл. 15 интересны тем, что в ней посевные группы выделены с учетом арендованной земли. Если произвести нехитрый расчет и вычесть из посева среднее количество арендованной пашни (даже без сенокоса), то почти все посевные группы переместятся в менее обеспеченные посевом. По этому расчету видно, что арендованная земля играла большую роль в хозяйстве.

Таблица 15

Группа хозяйств по посеву*	1924 г.							
	% арендующих хозяйств	Арендовано на 1 арендующее хоз-во дес.			Посев, (в дес.)		Душ населения на 1 арендующее хоз-во	Рабочего скота на аренд. хоз-во
		пашни	сенокоса	ИТОГО	на 1 своего работа.	на 1 душу населения		
Беспосевные	1,5	0,3	1,1	1,1	–	–	3,1	0,2
С посевом:								
до 2 дес.	4,8	0,5	0,7	1,2	1,2	0,27	4,2	0,6
2,1–4 дес.	6,7	0,9	0,6	1,5	2,4	0,55	5,2	0,9
4,1–6 дес.	10,3	1,4	0,6	2,0	3,5	0,76	6,3	1,1
6,1–10 дес.	15,2	2,2	0,9	3,1	4,6	1,0	7,3	1,5
10,1–16 дес.	25,1	3,7	1,9	5,8	6,8	1,5	8,1	2,4
16,1–25 дес.	34,7	5,8	3,3	9,1	10,4	2,8	8,2	3,3
свыше 25 дес.	39,8	10,4	6,2	16,6	16,4	4,0	8,7	5,2
Итого	8,2	1,8	1,0	2,8	2,9	0,6	5,3	1,0

*Включая посев на арендованной земле.
Источник: РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 489. Л. 5.

Это отмечают многие исследователи. Например, Н. Л. Рогалина считает, что арендованная земля составляла 1/3 всей используемой хозяйством земли. По нашему мнению, этот показатель был, как правило, значительно выше. Во всяком случае, хозяй-

ства при условии, что они были обеспечены скотом и инвентарем, путем аренды переходили в более зажиточные группы и тем самым нарушали установленные уравнительным распределением земли лимиты. Можно наглядно продемонстрировать изменение положения хозяйства после того, как оно прибегло к аренде пашни, например,

группа с посевом 1–3 дес. благодаря аренде перешла в группу	2–4 дес.:
2,5–4,5 дес.	4–6 дес.
4–8 дес.	6–10 дес.
6,5–12,5 дес.	10–16 дес.
10–19 дес.	16–25 дес.

Хозяйства, которые сдавали землю в аренду, также принадлежали практически ко всем группам. Процент сдающих в аренду был обратно пропорционален размеру посева. Если малопосевные группы сдавали в среднем от 1/2 до 1/3 своих наделов, а некоторые хозяйства – всю землю, то крупнопосевные – от 1/5 до 1/8 земли[126].

Процесс социального расслоения крестьянства развивался несмотря на власть общины, которая удерживала прочные позиции в деревне. Так, в тот период в Центральной России более 90 % удобной земли находилось в пользовании общин[127]. В Московско-промышленном районе в 1922 г. сельские общины располагали 90,7 % удобной земли, а в 1927 г. – 94,7; в Центрально-земледельческом районе – соответственно 90,5 и 98,7 %[128], хотя эти данные лишь приблизительны, они все же характеризуют устойчивое положение общины в деревне.

Община препятствовала расслоению не только потому, что стремилась сохранить уравнительное распределение земли, но и в силу исторически сложившихся, присущих ей черт землепользования: чересполосицы, дальноземелья и т. п. Подробно этот вопрос изучен В. П. Даниловым в уже упоминавшейся книге[129]. Стремясь уравнять положение своих членов, среднерусская община предпочитала давать каждому хозяйству по клочку

---

[126] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 489. Л. 5 (подсчеты сделаны мной. – *В. Ж.).*

[127] Там же; Д. 492. Л. 3 (подсчеты сделаны мной. – *В. Ж.*).

[128] *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня... С. 107, 171.

[129] Там же. С. 127–129.

земли на разных общинных полях, чтобы в одних руках были и удобные и неудобные участки. В Иваново-Вознесенской губернии в 1926 г. более чем в половине селений приходилось от 8 до 30 полос земли на двор, разбросанных в разных местах. В Курской губернии число таких полос доходило порой до 40[130].

Общине был свойствен принудительный севооборот. Оценивая общину как рутинный организм, В. П. Данилов вместе с тем показывает, что значительная часть крестьян не хотела ее распада[131].

Более производительной формой землепользования были отруба и хутора с более высокой урожайностью, более низкой себестоимостью продукции и лучшей технической оснащенностью.

Часть крестьян стремилась в тот период выйти на хутора и отруба. В связи с этим в некоторых районах количество земли, находящейся в пользовании хуторов и отрубов, поначалу несколько выросло. В основном это коснулось Западного, Северо-Западного районов и Северного Кавказа. Что касается центра, то в Центрально-Промышленном районе процент земель у вышедших на хутора и отруба вырос от 1922 к 1927 г. незначительно – с 4,2 до 5 %. В Центрально-земледельческом районе таких земель почти не было. Их доля в 1922 г. равнялась 0,1 %, а к 1 января 1927 г. – 0,5 %[132]. В последнем случае можно говорить лишь об очень слабой тенденции к росту. Власть общины была еще очень сильна, и ее в этом районе было трудно ограничить. Ясно одно: если учитывать, что далеко не все хутора по своей сути являлись предпринимательскими хозяйствами и не всегда использовали наемный труд, то созданный пропагандой того времени, да и более поздних десятилетий образ многочисленных мироедов, окопавшихся на хуторах, не соответствует действительности.

Особый слой населения в деревне составляли занятые в промыслах. Одни из них все еще прочно были связаны с земледелием, и промыслы являлись для них побочным занятием. Таких насчитывалось большинство среди – используем термин тех лет – «промышленников». Другие фактически перестали

---

[130] *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня... С. 126–127.

[131] Там же. С. 136.

[132] Там же. С. 170–171.

быть крестьянами и целиком переключились на промыслы, а земледелие оставалось их подсобным занятием. Некоторые промышленники работали в промысле только с членами своей семьи, другие нанимали рабочих. К 1924–1925 гг. промысловость деревни в связи с развитием рынка и торговли начала расти. В Центрально-Промышленном районе в тот период (по данным налоговых сводок по единому сельхозналогу) процент хозяйств с неземледельческими промыслами составил 18,7 от общего числа земледельческих хозяйств, в Центрально-земледельческом – 5; в Северо-Западном – 13,7. Тогда как в 1923–1924 гг. в Центрально-Промышленном районе было всего 7 % хозяйств с неземледельческими занятиями, в Северо-Западном районе – 9,4 %, а в Центрально-земледельческом их почти не было и обследованием они не обнаружены[133].

Среди занимавшихся промыслами перепись 1926 г. фиксирует процесс расслоения. Данные на этот счет по главному и побочному занятиям сельского населения следующие: в Центрально-Черноземном районе 11,3 % хозяев-земледельцев имели несельскохозяйственные побочные занятия; среди «промышленников» (по главному занятию) в этом районе было 7,2 % наемных рабочих и 4,1 % хозяев с наемными рабочими, а 88,7 % составляли кустари, ремесленники и прочие самостоятельные хозяева, работающие как с помогающими членами семьи, так и в одиночку. По побочному занятию – соответственно 0,2; 1,3 и 98,5 %[134]. «Промышленники» по побочному занятию были в основном самостоятельными хозяевами и редко нанимались в рабочие.

В Средне-Волжском районе побочные несельскохозяйственные занятия были у 2 % хозяев-земледельцев. Среди всех занимающихся промыслом как главным занятием было 9,4 % наемных рабочих, 4,4 % хозяев с наемными рабочими и 86,2 % самостоятельных хозяина. По побочному занятию – соответственно 7,3; 1,9 и 90,8 %[135].

---

[133] Сельское хозяйство Союза ССР в 1924–1925 году. М., 1925. С. 453 (подсчеты сделаны мной. – *В. Ж.*); Сельское хозяйство СССР в 1923–1924 году. М., 1924. С. 269, 289 (подсчеты сделаны мной – *В. Ж.*).

[134] Всесоюзная перепись населения, 1926. Т. 20. С. 120, 128–130.

[135] Там же. С. 293, 303–307.

В Центрально-Промышленном районе среди земледельцев побочные несельскохозяйственные занятия имели 21,2 % хозяев. Среди «промышленников», для которых промысел был главным занятием, 18,5 % были наемными рабочими, 5,5 – хозяевами с наемными рабочими, а 76,0 % – самостоятельными хозяевами. По побочному занятию – соответственно 9,1; 2,9 и 88,0 %[136].

В Северо-Западном районе хозяева-земледельцы, имевшие побочные несельскохозяйственные занятия, составляли 3,2 %. Среди «промышленников», для которых промысел – главное занятие, было 13 % наемных рабочих, 4,1 % хозяев с наемными рабочими и 82,9 % самостоятельных хозяев. По побочному занятию – соответственно 4,3; 2,3 и 93,4 %[137].

Как следует из приведенных данных, в промысловых районах дифференциация кустарей и ремесленников и прочих самостоятельных хозяев, занимающихся промыслами, происходила интенсивнее, чем в земледельческих. Это видно и по главному, и по побочному занятиям, хотя по побочному занятию расслоение хозяев происходит несколько медленнее.

Итак, деревня своим общим хозяйственным подъемом накапливала потенциал для расслоения крестьянства на полярные группы. Тенденция к расслоению была сильной и устойчивой и зависела от многих факторов, прежде всего от интенсивности втягивания крестьянских хозяйств в рыночные отношения. Дифференциация была различной по своему характеру. В советской деревне сохранялись дотоварные архаичные формы неравенства. Различные по своей экономической мощности хозяйства были равны в том, что были замкнуты и не вступали друг с другом в развитые отношения зависимости или предпринимательства. Одновременно углублялась социально-имущественная дифференциация, связанная с развитием рыночных отношений и разрушением крестьянства как сословия. Многие исследователи отмечают факт социальной дифференциации «капиталистического» типа в деревне того времени. При этом дифференциация трактовалась по-разному: или как остаточный процесс, временный, сдерживаемый госу-

[136] Всесоюзная перепись населения, 1926. Т. 19. С. 353, 366–369.
[137] Там же. Т. 18. С. 329, 342–346.

дарством и перекрывающийся осереднячиванием, или как сочетание и борьба этих двух тенденций, но при этом, как правило «верх брало» осереднячивание, за исключением отдельных хронологических периодов и некоторых районов.

С нашей точки зрения, чем выше был хозяйственный потенциал деревни, чем интенсивнее она крепла экономически, чем больше втягивалась в товарные отношения и внутри и вне ее, тем глубже и сильнее развивался процесс дифференциации, уничтожающий натурально-патриархальный тип хозяйства и ведущий в итоге к фермерству. Дифференциация такого рода была естественным и необходимым явлением для деревни 20-х годов. Возобновился прерванный, заторможенный аграрной революцией закономерный процесс. Осереднячивание – в смысле увеличения численности средних слоев крестьянства наряду с зажиточными и уменьшением бедноты – означало лишь накопление потенциала для дальнейшего расслоения, что видно по изменениям численности полярных групп крестьянства. Осереднячивание и дифференциация не являлись двумя борющимися взаимоисключающими процессами. Неверно осереднячивание отрывать от общего процесса дифференциации, абсолютизировать и рассматривать как «специфическую черту строящегося социализма в деревне». Осереднячивание – это лишь определенная относительно кратковременная стадия расслоения, специфическое состояние деревни на несколько лет, и вовсе не преобладание середняка является его конечной целью. Как мы убедились, он так и не стал преобладающей фигурой в деревне. Поэтому термин «осереднячивание» можно применять лишь условно, с большими оговорками.

ГЛАВА III
Городское население: «новая» структура?

Тенденции и противоречия в развитии социального состава российских городов

Начавшееся в послевоенные годы восстановление промышленности и торговли привело к оживлению городов. Несмотря на то что последствия войн и разрухи продолжали сказываться на численности населения, уже к 1923 г. по сравнению с 1920 г. она увеличилась на 8,7 %, составив к моменту переписи 22 млн жителей[1]. В разных районах России этот процесс восстановления численности городского населения развивался неравномерно, что объяснялось разной степенью интенсивности ликвидации послевоенной разрухи, масштабами потерь, меж- и внутрирайонными миграционными потоками беженцев, возвращавшихся из деревень, а также городов Сибири, Северного Кавказа в центр России.

Наиболее быстрый рост численности населения наблюдался в самом развитом городском регионе – Европейской России: с 1920 по 1923 г. она здесь увеличилась на 18,3 % и, с учетом миграции из Сибири, составила в 1923 г. 98,3 % от уровня 1920 г. Что касается Юго-Восточного района[2], то к 1923 г. численность городского населения в нем увеличилась и составила 102 % по отношению к 1920 г.[3] Существенный прирост населения городов наблюдался, в частности, на Северном Кавказе, например, число горожан в Грозном увеличилось почти на 40 %. Однако в некоторых регионах (в первую очередь в Поволжье, пострадавшем в 1921 г. от голода) население ряда городов продолжало сокращаться: Саратова – на 5 %, Самары – на 14 %, Симбирска – на 17 %. ЦСУ удалось сопоставить данные за

---

[1] Бюл. ЦСУ. 1923. № 77. С. 13.

[2] В материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. Юго-Восточному району соответствуют Северо-Кавказский край и Дагестанская АССР.

[3] Статистический ежегодник, 1922–1923 гг. //Труды ЦСУ СССР М., 1924. Т. 8, вып. 5. С. 2–3, 6–7 (рассчитано мной. – *В. Ж.*); Сборник статистических сведений по Союзу ССР (1918–1923 гг.) // Труды ЦСУ СССР. М., 1924. Т. 18. С. 2–3, 4–5, 18–19; Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ СССР. М., 1926. Т. 20, ч. 3, вып. 1. С. 10–11.

1920 и 1923 гг. по 52 городам РСФСР с населением от 1 млн до 50 тыс., в 17 из них число жителей сократилось, а в 3 (Ростова-на-Дону, Омске и Воронеже) осталось на прежнем уровне.

Однако в целом за счет прироста городского населения в ряде автономий и промышленно развитых регионов с 1920 по 1923 г. доля горожан в РСФСР увеличилась на 1,4 %, в том числе в Европейской России – на 2 %, в Киргизской АССР[4] – почти в 2 раза, а по стране в целом – на 1 %. Прирост удельного веса горожан в России был на самом деле несколько выше, так как при сопоставлении часть данных приведена в переписи и справочниках не по 1920 г., а по 1916 г. (например, Дальний Восток). В таких районах, как Сибирь, Северный Кавказ, на фоне общего роста населения соотношение городского и сельского практически не изменилось[5].

Увеличилось в течение этого периода количество крупных городов с населением свыше 100 тыс. человек. На территории РСФСР их насчитывалось 15, причем большая часть из них располагалась в Европейской России. Население Москвы увеличилось до 1,5 млн, а Петрограда превысило 1 млн человек, т. е. увеличилось в обеих столицах в 1,5 раза[6].

Основная часть горожан проживала на территории РСФСР, на которую приходилось более 2/3 населения городов страны. В составе РСФСР особенно выделялась Европейская Россия, в которой сосредоточивалась половина городского населения СССР. Зато в регионах, таких, как Кирреспублика, Дальний

---

[4] Киргизская (Казахская) Автономная Республика (Кирреспублика) была образована в 1920 г.; определение ее границ завершено в 1924 г. в результате национально-государственного размежевания народов Средней Азии и передачи КАССР Сырдарьинской и Джетисуйской областей Туркестана, населенных казахами. В 1925 г. было восстановлено историческое название этой автономии – Казахская. Созданная тогда же Киргизская автономная область в 1926 г. была преобразована в автономную республику; в нее вошли земли, ранее включавшиеся в Туркестан (см.: Национальное советское государство. М., 1962. С. 229; БСЭ. М., 1973. Т. 2. С. 73, 442.).

[5] Сборник статистических сведений по Союзу ССР (1918–1923 гг.). Т. 18. С. 38; Статистический ежегодник, 1922–1923 гг. С. 6–7.

[6] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ СССР. М., 1924. Т. 20, ч. 2, вып. 3. С. 19.

Восток, численность городского населения и его удельный вес были очень малы. Неравномерность в распределении горожан на территории страны свидетельствует о недостаточной урбанизированности, особенно на окраинах (см. табл. 16, 17).

К 1926 г. городское население России увеличилось по сравнению с 1920 г. на 44,7 %, по сравнению с 1923 г. – на 13, а по стране в целом – соответственно на 29,6 и 19,2 %. Показательно, что темпы роста всего населения были значительно ниже, чем городского, что привело к увеличению доли последнего в общем населении страны до 17,9 %. В большинстве городов, в которых еще в 1923 г. продолжало сокращаться число жителей, наметилась к 1926 г. тенденция к его росту (Симбирск, Самара, Пенза, Армавир, Красноярск, Иркутск). Городов с населением более 100 тыс. человек насчитывалось уже 22 (Ростов-на-Дону, Саратов, Нижний Новгород с Канавином, Казань, Ижевск, Астрахань, Самара, Краснодар с Яблоновским поселком, Омск с Новокамском и Ленинском, Тула, Царицын (Сталинград), Свердловск, Оренбург, Новосибирск, Воронеж, Ярославль, Иваново-Вознесенск, Владивосток, Тверь, Самарканд, Николаев).

Таблица 16

Городское население России и СССР в 1923 г.*

Территория	Кол-во (тыс. человек)	%
РСФСР	15396,1	70,4
В том числе:		
Европейская Россия	11194,1	51,2
Юго-Восток	1346,5	6,2
Сибирь	1032,0	4,7
Киргизская АССР	444,4	2,0
Дальний Восток	431,8	2,0
Туркестанская АССР	947,3	4,3
Белорусская ССР	284,6	1,3
Украинская ССР	*5072,2*	23,2
ЗСФСР	1127,4	5,1
В том числе:		
Азербайджанская ССР	482,1	2,2
Армянская ССР	147,5	0,7
Грузинская ССР	497,8	2,2
СССР	21880,2	100

*По административному делению на 15 мая 1923 г.
Источник: Статистический ежегодник, 1922–1923 гг. Т. 8, вып. 5. С. 2–3,6–7.

Таблица 17

Городское население России и СССР в 1926 г.

Территория	Кол-во (тыс. человек)	Территория	Кол-во (тыс. человек)
РСФСР	17 440,5	Украинская ССР	5 374,0
В том числе:		Белорусская ССР	848,5
Европейская Россия	13 043,1	ЗСФСР	1 407,5
Крымская АССР	330,5	В том числе:	
Северо-Кавказский край	1 654,5	Азербайджанская ССР	649,0
Дагестанская АССР	85,0	Армянская ССР	165,6
Сибирский край	1 133,2	Грузинская ССР	592,9
Бурят-Монгольская АССР	45,6	Туркменская ССР	126,6
Якутская АССР	15,7	Узбекская ССР	1 100,2
Дальневосточный район	472,5	В том числе:	
Казахская АССР	539,3	Таджикская АССР	37,9
Киргизская АССР	121,1	СССР	22 297,3

Источник: Народное хозяйство Союза ССР в цифрах: Статистический справочник. М., 1925. С. 10–19; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917–1927. М., 1927. С. 34–53.

Число жителей в Москве превысило 2 млн, Ленинграде – 1,5 млн. Городское население Европейской России увеличилось от 1920 к 1926 г. на 37,7 %, в том числе в Татарии – на 16,6 %, в Марийской республике – в 2,5 раза, во Владимирской губернии – на 47,5 %, Воронежской – на 18,7 %[7].

Таким образом, видна неравномерность в динамике городского населения на территории России от 1920 к 1926 г.: в старых промышленных центрах его численность росла быстрее, чем в традиционно аграрных районах. Вместе с тем наблюдалось порой очень существенное увеличение численности городского населения на окраинах и в автономиях, прежде почти не затронутых урбанизацией.

Во многих исторических исследованиях, опубликованных в 60–70-х годах, принято было квалифицировать социальный

[7] См.: Статистический ежегодник, 1922–1923 гг. М., 1924. Т. 8, вып. 5. С. 2–3, 6–7; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917–1927. М., 1927. С. 34–53, 68– 73 (рассчитано мной. – *В. Ж.).*

состав городов как сложное переплетение элементов «новой, социалистической и старой, капиталистической» структуры. К новой относились рабочие и служащие государственных предприятий и учреждений, а также кооперации; к старой – нэпманы, рабочие и служащие частных предприятий, лица свободных профессий, деклассированные и проч. Между ними проводилась основная линия «классовых противоречий». Промежуточное положение отводилось «трудовым» некооперированным слоям города – ремесленникам и кустарям.

Прежде чем анализировать тенденции развития социального состава городов, представим себе (согласно данным переписей самодеятельного населения), какие слои он включал и каково было их соотношение.

Значительную часть городского населения составляли рабочие, занятые в фабрично-заводской, мелкой и кустарной промышленности, строительстве, на транспорте, в торговле и государственных учреждениях – всего более 1,5 млн человек. На их долю приходилось более 1/4 части всего самодеятельного населения России (см. табл. 18).

В РСФСР около 80 % рабочих находилось на территории Европейской России. В других регионах РСФСР, особенно в Киргизской (Казахской) АССР и Якутии, он был немногочисленным. В Сибири и Юго-Восточном районе рабочие, уступая по абсолютной численности рабочим городов Европейской России, имели довольно значительный удельный вес в городском самодеятельном населении (см. табл. 18).

В индустриальных районах России удельный вес рабочих был выше, чем в городах производящей полосы с относительно слабым развитием промышленности. Так, в городах ЦПР он составил 30,7 % всего населения района, Ленинградско-Карельского – 25,7 %, а в городах ЦЧР и Средне-Волжского – соответственно только 15,9 и 19,4 %.

Численность городских рабочих к 1923 г. еще не достигла довоенного уровня: продолжали сказываться последствия потерь мировой и гражданской войн, а также рассредоточения рабочих по деревням и селам, где легче было прокормиться в годы разрухи и голода.

Таблица 18

Социальный состав городского населения в 1923 г.

Социальная группа	СССР		РСФСР*		Европейская Россия	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Рабочие	2332713	25,3	1693874	26,0	1318941	26,2
Служащие[2]*	2231116	24,2	1711704	26,2	1353729	26,9
Лица свободных профессий	78976	0,8	46772	0,7	37196	0,7
Хозяева с наемными рабочими	39435	0,4	27563	0,4	18577	0,4
Хозяева, работающие только с членами семьи, или товарищества	475019	5,1	263984	4,1	187003	3,7
Хозяева-одиночки	942717	10,2	555919	8,5	4120 %	8,2
Помогающие члены семьи	780589	8,5	424778	6,5	310416	6,2
Иждивенцы государственных и общественных учреждений	746307	8,1	589473	9,0	482422	9,6
Рентьеры	110682	1,2	84975	1,3	43375	0,9
Деклассированное население	38230	0,4	28797	0,4	22 %2	0,4
Безработные	905424	9,8	688331	10,6	555599	11,0
Прочие, в том числе не указавшие источника средств существования	550495	6,0	408262	6,3	290743	5,8
Все население[3]*	9231703	100,0	6524432	100,0	5933059	100,0

*Без Туркестана: [2]*в число служащих включена прислуга; [3]*общая численность населения приводится без учета военнослужащих.

Источник: Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ СССР. 1924. Т. 20, ч. 2, вып. 1. С. 42–50; 1925, ч. 2, вып. 3. С. 18–35; 1926, ч. 3, вып. 1. С. 320–337, 392–409, 433, 441 (рассчитано мной. – *В. Ж.*)

В начале 20-х годов разрешение свободной торговли и «допущение» частного капитала привели к активизации предпринимательской деятельности в городах. Перепись 1923 г. дает возможность определить численность «нэпманов» и их состав. К ним могут быть отнесены выделенные переписью «хозяева с наемными рабочими» – в большинстве своем торговцы-предприниматели и владельцы промышленных заведений. Это были более или менее крупные (разумеется, не в дореволюционном

смысле слова) предприниматели: фабриканты и заводчики, хозяева ремесленных заведений с наемной рабочей силой, крупные торговцы, подрядчики строительных работ и т. д. Численность их в республике была везде одинаково невелика. Их удельный вес в самодеятельном городском населении РСФСР (см. табл. 18) составлял менее половины процента.

К предпринимателям принадлежала и часть «хозяев, работавших только с членами семьи», занятых в торговле. Это были владельцы лавок, трактиров, чайных и т. п. Торговцы составляли в городах РСФСР примерно 0,3 %[8] самодеятельного населения.

Кроме того, в республике было еще немало горожан, живущих на доходы от мелкого домовладения и на доходы от спекулятивной торговли. Эти группы по переписи 1923 г. и отнесены к рантье (по терминологии переписи «рентьеры»), существовавшим за счет «нетрудовых», по терминологии того времени, доходов. По сравнению с активными предпринимателями они были довольно многочисленной группой. Удельный вес их в республике составлял 1,3 %; подавляющая часть представлена домовладельцами.

Таким образом, если учесть все эти группы городского населения, то можно сказать, что по переписи предпринимателей в городах республики насчитывалось в 1923 г, 130,4 тыс. Однако при этом удельный вес их в городском населении составлял всего 2 %[9].

Если оценивать соотношение между различными группами «нэпманов», то окажется, что рантье почти в 2 раза превышали активную, предпринимательскую их часть.

Многочисленными были в городах того времени слои ремесленников и кустарей, к которым отнесена в основной своей массе группа, обозначенная в переписи «хозяева, работающие только с членами семьи»: владельцы мелких промышленных и кустарно-ремесленных заведений, не прибегавшие к найму рабочей силы. К этой группе принадлежали и хозяева, проживавшие в черте города или пригорода и занимавшиеся

[8] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Ч. 2, вып. 3. С. 32–33; вып. 1, ч. 3. С. 334–335.

[9] Данные рассчитаны мной по табл. 18. – *В. Ж.*

сельскохозяйственным трудом, а также извозным промыслом. Конечно, в этих хозяйствах имели место случаи замаскированного найма, но он не был здесь типичным явлением.

По переписи городского населения 1923 г. «хозяева, работающие только с членами семьи», составляли 245,2 тыс., или 3,8 % всего городского населения (без занятых в торговле).

Значительную часть мелких собственников города составляли «хозяева-одиночки». По-видимому, они представляли собой низший по имущественному положению слой этой категории. Это были кустари и ремесленники, пользовавшиеся весьма несложным инвентарем, которые зарабатывали на хлеб личным трудом без чьей-либо помощи. В эту категорию входили и мелкие торговцы, занимавшиеся единолично ручной торговлей с небольших лотков, из корзин, мешков, ведер, кувшинов и т. д.[10] Но все же это были самостоятельные хозяева, они могли перейти в более зажиточные слои населения, но могли и потерять самостоятельность и пополнить ряды рабочих, безработных, а иногда и деклассированных элементов. В целом эта сравнительно большая группа населения насчитывала 555,9 тыс. человек, ее удельный вес составлял 8,5 % (табл. 18).

Наконец, в состав мелких производителей входила подавляющая часть группы «помогающие члены семьи». По декрету СНК от 7 сентября 1920 г. таковыми признавались исключительно родственники всех степеней и приемыши, живущие совместно с хозяином, ведущие с ним хозяйство и не получающие от него за работу в какой-либо форме зарплаты[11]. Хотя к ним принадлежали члены семьи городских предпринимателей, помогавшие главе семьи в его деятельности, а также скрытые под видом «родственников» наемные рабочие, но главным образом это были родственники мелких хозяев. Эта категория «помогающих членов семьи», будучи самодеятельной, самостоятельной роли не играла и принадлежала к тем же социальным группам, что и главы семей. Перепись не дает

[10] Определение «мелкий торговец» дано на основании торговых разрядов, выделенных в декрете ВЦИК от 26 июня 1921 г. (см.: СУ. 1921. № 56. Ст. 354).

[11] СУ. 1920. № 78. Сг. 366.

возможности определить численность членов семей городских предпринимателей. Но, как уже отмечалось, «хозяев с наемными рабочими» было мало и их численность вместе с членами их семей не могла быть значительной. Учитывая это, можно отнести основную массу «помогающих членов семьи» к мелким производителям. «Помогающие члены семьи» составляли в РСФСР 424,8 тыс. человек, или 6,5 % в городском населении региона.

В итоге если учесть все категории хозяев, не нанимавших работников, и помогавших им в занятии членов семей, то они, по самым приблизительным подсчетам, составят 1225,7 тыс. человек, или 18,8 % всего городского населения. В целом по стране – соответственно 2168,2 тыс., или 23,5 %.

Довольно значительный процент мелких производителей в городах объясняется тем, что, как было показано выше, в условиях нэпа государство оказывало некоторую поддержку развитию мелкого производства. В 1920 г. в кустарной текстильной промышленности были заняты 75,8 тыс. человек; в 1922/23 г. – 147,4 тыс.; в 1923/24 – 199 тыс.; в 1925/26 г. – 228,8 тыс., а в кустарной металлообрабатывающей промышленности – соответственно 32,4; 56,7; 63,4; 72,9 тыс.[12]

В городах РСФСР была сосредоточена значительная часть служащих страны (табл. 18).

Согласно переписи, служащие включали «старший», «средний» и «младший» персонал, что дает возможность выделить собственно интеллигенцию, к которой относится, строго говоря, лишь «старший» персонал. В эту последнюю категорию ЦСУ включало служащих, занятых высококвалифицированным умственным трудом во всех отраслях хозяйства – на производстве, в здравоохранении, просвещении, управлении и т. д. В РСФСР интеллигенция составляла в 1923 г. 320,3 тыс. человек, а ее удельный вес в самодеятельном населении городов равнялся 4,9 %. Приведенные цифры свидетельствуют об остром дефиците специалистов высокой квалификации. В стране в целом их было немногим больше – 424,9 тыс. человек[13].

---

[12] РГАЭ. Ф. 374. Он. 9. Д. 24(1). Л. 19, 19 об.

[13] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, вып. 1, ч. 2. С. 46–47; вып. 3, ч. 2. С. 26–31; вып. 1, ч. 3. С. 328–330.

К интеллигенции может быть отнесена и выделенная в переписи так называемая группа «лиц свободных профессий», куда входили специалисты – инженеры, врачи, учителя и т. п., имевшие частную практику. К «лицам свободных профессий» относились и священнослужители различных культов (18,6 тыс., или 2,8 %); «лица свободных профессий» составляли в городах РСФСР 46,8 тыс. человек, или 0,7 % всего занятого населения (см. табл. 18). Следовательно, с учетом этой, последней группы собственно интеллигенция в городах РСФСР насчитывала в 1923 г. 367,1 тыс., а ее удельный вес равнялся 5,6 %.

В начале 20-х годов среди горожан было довольно много прислуги (дворники, швейцары в частных заведениях, кухарки, судомойки, истопники, банщики, домашняя личная прислуга, в основном няни, кормилицы и домработницы), которая насчитывала 276,9 тыс. (4,2 %)[14].

Кроме того, в городах было немало безработных. По данным городской переписи населения 1923 г., в РСФСР их насчитывалось почти 700 тыс. (около 10,6 % занятого населения), а по стране в целом – свыше 900 тыс., т. е. основная масса безработных приходилась на города Российской Федерации.

Характеристика социального состава населения городов была бы неполной без такой, хотя и незначительной по численности, категории населения, как деклассированные. Они составляли в РСФСР около 30 тыс. человек, или менее 0,5 % их самодеятельного населения.

Особую категорию городского населения составляли иждивенцы государственных и общественных учреждений (см. табл. 18). Обращает на себя внимание малая численность и небольшой удельный вес в самодеятельном населении пенсионеров (107,7 тыс., или 1,6 %), так как тогда лишь очень незначительное число лиц получали по возрасту устойчивое государственное обеспечение. Относительно немного и учащихся, получавших стипендию и пайки (что специально отмечено в переписи). Учащихся такого рода было в 1923 г. 129 тыс. (около 2 %).

Самую многочисленную группу иждивенцев госучреждений составляли дети (160,4 тыс., или 2,4 %), содержавшиеся в

[14] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, вып. 1, ч. 3. С. 320–327.

приютах и детдомах, потерявшие родителей в годы войны, голода и разрухи. В то время не все сироты оказывались в детдомах, многие становились беспризорниками, составляя значительную часть нищих и бродяг (см. данные о деклассированном населении в табл. 18).

Открыто перепись фиксирует заключенных в городах республики, их по сравнению с 30-ми годами было относительно немного – 93,5 тыс. (1,4 %). Это были в основном заключенные тюрем.

Изменения в социальном составе горожан от 1923 к 1926 г. отражают данные табл. 19.

Таблица 19

Социальный состав городского населения РСФСР в 1926 г.

Социальная группа	Кол-во (тыс. человек)	%	Прирост от 1923 к 1926 г. (%)
Рабочие	2 330 950	29,5	37,0
Служащие	2 168 473	27,5	26,7
Лица свободных профессий	37 408	0,5	-20,1
Хозяева с наемными рабочими	56 128	0,7	103,6
Хозяева, работающие только с членами семьи, или товарищества*	407 403	5,1	54,3
Хозяева-одиночки	620 471	7,9	-11,6
Помогающие члены семьи	622 230	7,8	46,5
Иждивенцы государственных и общественных учреждений	816 152	10,3	49,5
Рентьеры	101 805	1,3	19,8
Деклассированное население	31586	0,4	10,9
Безработные	656 521	8,3	-4,7
Прочие, в том числе не указавшие источника существования	47 526	0,6	-88,4
Все население	7 896 653	100,0	21,0

* В данную группу входят хозяева торговых заведений. В 1926 г. они составили 37 509 человек, удельный вес их был равен 0,5 %, прирост по сравнению с 1923 г. – 101,0 %.

Источники: Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ СССР. Т. 20, ч. 2, вып. 3. С. 18–35; ч. 3. вып. 1. С. 320–337, 392–409, 432–433, 440–441; Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1930. Т. 26. С. 120–160, 162.

Анализ данных свидетельствует о наличии в социальном составе населения двух противоречивых процессов. С одной

стороны, с развитием рыночных отношений и восстановлением хозяйственной жизни городов происходило естественное развитие связанных с этими отношениями структур. Прежде всего это проявлялось в оживлении предпринимательства. В условиях «ограниченного допуска» в экономику частного капитала численность «хозяев с наемными рабочими» имела самый высокий процент прироста. Как и следовало ожидать, восстановление хозяйственной жизни городов было связано с возрождением мелкого производства, не требующего больших капиталовложений. В результате в 1,5 раза увеличилась численность и другого слоя – самостоятельных хозяев (кустарей и ремесленников), работающих с членами своей семьи. Политика «военного коммунизма» консервировала патриархально-натуральный характер их хозяйства. Введение нэпа и оживление торговли втягивали эти хозяйства в производство продукции на рынок. Пока еще ремесленники и кустари были слабо затронуты дифференциацией, но симптоматично, что уже к середине 20-х годов среди них высокими темпами начало расти предпринимательство, в связи с чем выделился слой владельцев ремесленных мастерских с мелким наймом рабочей силы.

С другой стороны, развивался встречный, противоречащий этим тенденциям процесс: происходило огосударствление крупных предприятий и сосредоточение на них больших контингентов рабочей силы. Этот процесс был вызван к жизни тем обстоятельством, что власть в форме диктатуры пролетариата, нуждалась в расширении социальной опоры. Рабочий класс, призванный играть эту роль, был «размыт», по терминологии того времени – «деклассирован». Как известно, Советская власть приложила немало усилий, чтобы вернуть рабочих из деревень в города на фабрики и заводы.

Как правило, все или почти все крупные предприятия были государственными. Исторически сложилось так, что зерна этой политики упали на благоприятную почву. В России со времен Петра I была сильно развита государственная промышленность, особенно тяжелая и военная. Уже тогда сформировался, а впоследствии усовершенствовался механизм управления ею. Послеоктябрьская национализация еще более способствовала расширению государственного сектора в промышленности.

Именно на базе крупной государственной промышленности и происходила концентрация рабочих. Уже в 1920 г. на госпредприятиях в городах Европейской России были сосредоточены 92,3 % рабочих, в Центрально-Промышленном районе – 95,5 %, в Северо-Западном – 97,0 %. В то же время в частном секторе были заняты соответственно 4,6; 2,8; 1,5 % рабочих[15]. Несмотря на известное «допущение» частного капитала с введением нэпа в хозяйственную жизнь республики, как и страны в целом, положение в пользу частного сектора к 1923 г. изменилось мало. По-прежнему на государственных предприятиях были заняты 90,8 % рабочих, в ЦПР – 91,4, в Северо-Западном районе – 91,0 %. Хотя производительность труда на частных предприятиях была выше, чем на государственных, они не могли конкурировать с последними, так как туда в первую очередь поставлялись сырье, топливо и техника. Поэтому уровень занятости рабочих на частных предприятиях вырос незначительно: в Европейской России – до 5,5 %, в ЦПР – до 5,8 %, а в Северо-Западном районе – до 4,2 %[16]. Слабо развивался и кооперативный сектор промышленности. Удельный вес в нем рабочих поднялся лишь до 3,7 %, в ЦПР – до 2,8 %, а в Северо-Западном районе – до 5,0 %. О высокой степени концентрации рабочих на крупных государственных предприятиях говорят следующие данные. В 1923 г. в Европейской России на государственных предприятиях с числом 501 и более рабочих были заняты 64,3 % рабочих, на средних предприятиях с числом от 51 до 500 рабочих – 29,5 % и только 6,2 % рабочих трудились в мелкой промышленности. На государственных предприятиях можно было легче сосредоточить контингенты квалифицированной рабочей силы. Здесь, особенно в фабрично-заводской промышленности, концентрировалось в 1926 г. более 60 % всех квалифицированных рабочих и 74 % полуквалифицированных[17]. Тем не менее крупное государственное предприятие в условиях того времени труднее использовало весь этот

[15] Всесоюзная городская перепись 1923 года: итоги промышленной переписи // Труды ЦСУ СССР. М., 1926. Т. 27, вып. 1. С. 6–12.

[16] Там же. (Подсчеты сделаны мной. – *В. Ж.*)

[17] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 26. С. 44–56; 542–551 (рассчитано мной. – *В. Ж.*).

потенциал с должной эффективностью, поскольку оно не обладало такой мобильностью, как частное мелкое, быстрее приспосабливающееся к потребностям рынка. Напротив, в кооперативной промышленности почти половина рабочих была занята на мелких предприятиях и более 40 % – на средних. В частной промышленности подавляющая часть рабочих трудилась на мелких предприятиях (77,1 %), еще 20,1 % – на средних. В частной промышленности на крупных предприятиях работали всего 2,8 %, а в кооперативной – около 6 % рабочих.

Сосредоточение в госсекторе промышленности и рабочих не вело к появлению принципиально новых элементов в социальной структуре, как это трактовалось в течение долгого времени в научной литературе. Некоторые партийные и государственные деятели рассматривали фабрику или завод как «основу социализма». На деле рабочие вовсе не являлись полноправными хозяевами национализированного производства. Напротив, происходило в больших масштабах отчуждение их труда.

Развитие рынка, хотя и столь ограниченного, каковым он был в то время, требовало восстановления нормальных форм оплаты труда рабочих, которые обеспечивали бы вознаграждение соответственно вкладу каждого работника. В связи с этим на предприятиях вернулись к денежной оплате труда, сдельщине и т. д.[18] Однако правительство, боясь вызвать недовольство большей части рабочих, шло навстречу их примитивным представлениям о социальной справедливости. Поэтому оно так и не решилось покончить с уравниловкой. Кроме того, в ущерб эффективности производства рост заработной платы опережал повышение производительности труда еще и потому, чтобы в экстремальных условиях обеспечить прожиточный минимум рабочего. Как кратковременная такая мера была допустима, даже порой необходима. Однако она имела тенденцию к повторению, к закреплению, что приводило к подмене экономических принципов функционирования предприятия административным вмешательством. Узаконение таких мер, которые были продиктованы безвыходным положением и

[18] Подробнее см.: *Жиромская В. Б.* Советский город: проблемы социальной структуры. М., 1988. С. 29–30, 34.

низким уровнем общественного богатства, никаких новых начал в себе не несло и в конечном счете противоречило интересам тех же рабочих, воспитывая у них иждивенческие настроения и постоянные ожидания всякого рода социальных подачек. Таким образом, на огосударствленных предприятиях естественный процесс восстановления трудовых отношений развивался в деформированном виде.

Хотелось бы обратить внимание и на еще одно противоречие, которое проявилось уже в 20-е годы. Партию беспокоила проблема воспитания у рабочих «социалистического сознания», «социалистической психологии». Начиная с XI съезда эта проблема постоянно обсуждалась. Ставился вопрос об усвоении рабочими марксистской теории, о расширении приема их в партию, особенно тех, кто работал на производстве. Как известно, провозглашалось, что в силу своего особого положения в системе производственных отношений рабочий класс – самый передовой класс общества, которому предстоит выполнить историческую миссию – построить социализм. Некоторые исследователи видели в нем с самого Октября новый, социалистический класс. Однако на огосударствленном, обобществленном производстве по причине отчуждения труда рабочие хозяевами жизни отнюдь не являлись, будучи государственно зависимыми работниками. Настойчивое же повторение тогда лозунгов о господствующем положении рабочего класса, его гегемонии и особом предназначении в обществе воспитывало у рабочих пренебрежение к другим общественным группам – крестьянам, ремесленникам, интеллигенции и др., невнимание к их интересам. К тому же кадровых рабочих, обладавших культурой труда, духовной зрелостью, было немного, а осознать свое действительное положение основной массе людей, недавно влившихся в производство, было трудно.

Как уже говорилось выше, кустари и ремесленники официально считались исторически бесперспективным слоем, единственным выходом для которого являлась социалистическая кооперация. Отсюда учет их интересов и поощрение мелкого и кустарно-ремесленного производства в партийно-государственной политике проводились непоследовательно, а процесс огосударствления сводил ее часто на нет. Подход в данном случае был чисто прагматическим, нацеленным на использо-

вание такого производства в течение короткого периода для насыщения рынка товарами первой необходимости, в частности сельскохозяйственным мелким инвентарем, предметами бытового назначения и т. д. «Допущение» в экономику связанных с кустарно-ремесленным производством слоев также представлялось временным. Причем если в начале 20-х годов речь шла о привлечении мелких производителей на сторону советской власти и только в 1921 г. было издано несколько поощрительных декретов о развитии мелкой промышленности, то в 1923 г. положение резко изменилось. Все постановления в этой области были сориентированы на кооперацию. Правда, в 1925 г. пытались наладить снабжение «неорганизованных» кустарей сырьем, но эта работа проводилась слабо. Сказывалось пренебрежение, даже враждебное отношение к ремесленникам и кустарям как к собственникам. Партийно-государственная политика стремилась удержать мелкое производство в рамках так называемого трудового хозяйства и подавляла в нем предпринимательские потенции. Это нашло отражение в решениях XIV партконференции, в которых беднейшие слои ремесленников были противопоставлены хозяевам полноценных ремесленно-торговых заведений[19]. Первым были предоставлены политические права, а вторые были отнесены к «эксплуататорским элементам» и подлежали вытеснению, о чем заявлялось довольно откровенно. Между тем, как показала мировая практика, мелкое кустарно-ремесленное производство и связанные с ним слои вовсе не обречены на полное размывание и исчезновение по мере развития крупной индустрии. Постоянно возрождаясь, мелкое производство обнаружило жизнеспособность и устойчивость даже в век электроники и компьютеризации, его «не отменила» научно-техническая революция. При естественно развивающихся социально-экономических процессах мелкие производители занимают свое место в социальной структуре индустриального общества.

Однако уже с середины 20-х годов предпочтение отдавалось кооперированным кустарям и ремесленникам как якобы новому элементу социалистической структуры. На деле промкооперация, связанная с огосударствлением и этой сферы

[19] КПСС в резолюциях и решениях... М, 1983. Т. 3. С. 376.

производства, не имела перспектив, что и показало дальнейшее обобществление средств производства в 30–50-х годах. Таким образом, правительственная политика скорее сдерживала их развитие, чем помогала им. Несмотря на это, мелкое производство и торговля тогда, в 20-е годы, продолжали функционировать, хотя и не столь интенсивно, как могли бы. В городах РСФСР в 1923 г. ремесленники и кустари насчитывали 224,3 тыс., а к 1926 г. их численность выросла в 1,8 раза. Мелкие производители (ремесленники, кустари и мелкие торговцы), т. е. все хозяева, не прибегающие к найму рабочих, и помогающие им в занятиях самодеятельные члены семей, составляли в 1923 г. в РСФСР 1,2 млн человек (или 18,8 % от самодеятельного населения). В менее развитых в индустриальном отношении районах этот процент был еще выше: в Среднем Поволжье – примерно 24,0 %, в Центральном Черноземье – 38,0 % и т. д. К 1926 г. мелкие производители увеличили свою численность в РСФСР на 31,4 % и составили 1,6 млн человек (табл. 19). В Европейской России она увеличилась на 145 тыс. Отмечу, однако, что в центральных районах Европейской России рост их численности к середине 20-х годов замедлился.

Развитие ремесел и промыслов обусловило многообразие занятий кустарей и ремесленников, что прослеживается в переписях населения и 1923 и 1926 гг. В России были распространены сапожный, портняжный, слесарный, лудильный, хлебопекарный, бондарный, гончарный, кружевной, вязальный и прочие промыслы, функционировали частные прачечные и парикмахерские. Кроме кустарно-ремесленного промысла, мелкие хозяева были заняты строительными работами, извозом, мелкой розничной торговлей и сельским хозяйством (огородничеством, садоводством) и т. д.

На протяжении первой половины 20-х годов быстрее других по уровню занятости развивались кустарные промыслы и транспорт. Мелкие хозяйства, связанные с сельским хозяйством, увеличивали свою численность медленнее. Что касается мелкой торговли, то к 1926 г. в центральных районах РСФСР она осталась фактически на прежнем уровне: 128,3 тыс. человек занимались мелкой, преимущественно розничной торговлей, по сравнению со 121,8 тыс. в 1923 г. Ее все больше вытесняла государственная торговля, причем не путем конкурентной борьбы, а в основном административными мерами.

Что касается дифференциации кустарей и ремесленников, то этот процесс прослеживается по материалам переписи. Численность группы хозяев-одиночек, представляющей собой менее зажиточную часть мелких собственников, либо сокращалась от 1923 к 1926 г., либо увеличивалась, но гораздо медленнее, чем группа хозяев, работающих с помогающими членами семьи и относящихся к более состоятельному слою. Так, в кустарно-ремесленной промышленности хозяева-одиночки в Европейской России с 1923 по 1926 г. увеличили свою численность всего на 28,4 %, тогда как хозяева, работающие только с членами семьи, – на 174,8 %. Среди мелких хозяев, занятых в сельском хозяйстве, наблюдался тот же процесс: первая группа сократилась на 72,6 %, а вторая продолжала расти. В целом в городах Европейской России численность хозяев, работающих только с членами семьи (эта группа включала в себя и незначительное число кооперированных кустарей), увеличилась на 35 %, в то время как хозяев-одиночек – лишь на 5,0 %. К 1926 г. удельный вес одиночек в РСФСР среди городского самодеятельного населения сократился на 11,6 % по сравнению с 1923 г. Если в 1923 г. их доля превышала удельный вес хозяев, работающих с помогающими членами семьи, в 2,1 раза, то в 1926 г. – лишь в 1,5 (см. табл. 19).

Сокращение численности менее зажиточной группы мелких собственников свидетельствует о трех явлениях: о частичном их переходе в более зажиточный слой, что было обусловлено общим подъемом хозяйственной жизни городов; о вымывании их из категории самостоятельных хозяев в связи с разорением в процессе имущественной дифференциации (одна их часть попадала в наемные работники, другая пополняла категорию безработных, некоторым удавалось устроиться на заводы и фабрики, поступить на службу в государственное учреждение или к частным лицам). Наконец, сокращение численности хозяев-одиночек было связано и с вступлением их в кооперативы. Однако, несмотря на сокращение численности и удельного веса, низший слой мелких собственников оставался самым многочисленным среди хозяев. Этому способствовала и правительственная политика, препятствовавшая их обогащению.

Социальная неоднородность занятых в кустарно-ремесленной промышленности подтверждается цифрами налоговой статистики 1926 г. Согласно ее данным, к низшей по доходности

группе (до 1200 руб. в год) в Москве относилась почти половина всех кустарей, в Ленинграде – более 60 %, в Воронеже, Костроме, Новгороде – до 70 %. Напротив, к высшей группе с доходом свыше 6000 руб. в год в Москве относились 1,6 % кустарей, а в других городах, в том числе в Ленинграде, – менее 0,5 %. Зато на их долю приходилось в Москве 1/4 общей суммы чистого дохода всех кустарей, в Ленинграде – 1/6 часть, в провинции – 1/10[20]. По наблюдениям И. Г. Мингулина, в Москве к 1926 г. при общем расширении кустарного производства быстрее по сравнению с промыслами кустарей-одиночек росли и при этом укрупнялись кустарно-ремесленные заведения[21].

Для кустарей-одиночек очень важно было развитие таких видов кооперации, как сбытовая, кредитная, снабженческая. Однако рост кооперации отставал от потребностей кустарного производства, вследствие этого кустари вынуждены были обращаться к перекупщикам, попадали к ним в зависимость и терпели из-за этого большие убытки.

Если кустари и ремесленники официально провозглашались исторически неперспективным слоем, то предприниматели-«нэпманы» рассматривались советским государством как эксплуататорский, чуждый социализму элемент старой капиталистической формации, который большой роли в экономике страны играть не должен и подлежит лишь использованию в интересах «социалистического строительства» и полному изживанию, ликвидации в самое ближайшее время. Поэтому с самого начала государственная политика была нацелена на их ограничение и вытеснение. Уже в 1922 г. на XI съезде партии было заявлено, что период отступления советским государством закончен и начинается перегруппировка сил для наступления на частный капитал. Смысл политики «пролетарского» государства по отношению к предпринимателям Н. И. Бухарин, например, раскрывал таким образом: «во-первых, в ограничении деятельности частных предпринимателей целым рядом условий (рабочее законодательство, право профессиональных союзов, налоговое обложение различных

[20] Статистика и народное хозяйство. Статьи и материалы. М., 1929. Вып. 4. С. 87.

[21] *Мингулин И. Г.* Пути развития частного капитала. М.; Л., 1927. С. 114.

видов и т. д.); во-вторых... в использовании этих элементов для дела социалистического строительства (общее оживление товарооборота, употребление налогов, получаемых с этих слоев на поддержку социалистических хозяйственных форм и т. д.); в-третьих, в хозяйственной борьбе путем конкуренции с ними на рынке (государственные предприятия, поддержка конкурирующей с частным капиталом кооперации и т. д.)»[22]. На деле изначально в вытеснении и ограничении деятельности предпринимателей возобладали методы административного нажима. Эта жесткая государственная политика по отношению к ним находила поддержку среди широких слоев населения. У них это «возрождение буржуазии» вызывало протест. В то трудное время, когда хозяйство страны было все еще разорено, когда люди испытывали острую нужду в самом необходимом, «новая буржуазия», используя наемный труд, «по своему материальному благосостоянию и по уровню своей жизни, – по словам Бухарина, – стояла на самой высокой ступени в обществе»[23]. Гражданская война, «экспроприация экспроприаторов», лозунги примитивного равенства с его уравнительным распределением продукта все еще были свежи в памяти людей.

В этих условиях предприниматели с трудом пробивали себе дорогу. Это с одной стороны, а с другой – у них были опыт хозяйствования, международные связи, сохраненные в разной степени капиталы, умение торговать и пр. Они часто побеждали в конкурентной борьбе, поэтому вместо их экономического «ограничения и вытеснения» все чаще давали себя знать меры административного нажима. В этих условиях прежде всего деформировалась сфера приложения капитала. Переписи позволяют проследить, в каких областях «нэпман» развивал свою деятельность. В производственную сферу он внедрялся вяло. Так, в Европейской России фабриканты и заводчики насчитывали в 1923 г. всего 428 человек, т. е. 1,3 % всех предпринимателей, а в 1926 г. количество их выросло ненамного и составило 477 человек. Хозяев акционерных обществ в 1923 г. было 495. В России в целом – соответственно 728 (1 %) и 707

[22] *Бухарин Н И.* Избр. произведения. М., 1989. С. 200.
[23] Там же. С. 217.

(менее 1 %). Несомненно, играли роль недоверие предпринимателей к властям, стремление как можно быстрее получить прибыль и в то же время уйти из-под контроля и избежать налогов. Поэтому основная часть капитала оказалась в торговле как наиболее труднорегулируемой и контролируемой сфере. Кроме того, предпринимательство часто развивалось нелегально, образуя теневую структуру: процветали спекулянты, дельцы черного рынка, маклеры, ростовщики, которые вообще были трудноуловимы. Практически избежала госконтроля и та часть предпринимателей, которая действовала в кустарной промышленности. По существу, они монополизировали сбыт продукции «неорганизованных» кустарей и поставку им сырья, ссужали им капитал. В реализации продукции кустарно-ремесленной промышленности в 1924/25 хозяйственном году в РСФСР доля частника составила 84 %. Кооперация с этой задачей не справилась. В целом в РСФСР в 1924 г. частный сектор в розничной торговой сети составил 77,1 %, а государственный – 4,5 %, несколько выше была доля кооперативного – 18,4 %. В 1923/24 г. низовая розничная торговля находилась в значительной степени в руках «частника». Частному капиталу принадлежало 98 % базарных и 70 % постоянных предприятий в розничной торговле[24]. Перепись 1923 г. свидетельствует, что приказчиков частных магазинов в городах насчитывалось около 20 тыс., тогда как в государственных магазинах – всего 12,5 тыс., немногим больше насчитывала кооперация. Всего торговцы среди предпринимателей России составляли в то время 24,0 тыс. (52 %), а хозяева ремесленно-кустарных заведений – 8,3 тыс. (18 %). По существу, эти две группы являлись основными.

В 1924 г. стало очевидно, что ни государственный сектор, ни кооперация не заняли в торговле прочных позиций. Следует учесть, что в торговле было много лжекооперативов, где действовал тот же частный капитал. В этих условиях, не справившись с его развитием экономическими мерами, госорганы прибегли к административным. На рубеже 1924–1925 гг. была предпринята решительная попытка административным путем свернуть частную торговлю. Но мера эта себя не оправдала с

[24] Плановое хозяйство. 1927. № 11. С. 104–105.

хозяйственной точки зрения, нарушив рыночные связи. III съезд Советов признал это администрирование преждевременным и осудил его[25].

Временно отказавшись от резкого свертывания частной торговли, государство пошло по пути проведения денежной реформы, упорядочения цен, изменения налоговой системы, т. е. по пути экономико-административного регулирования. В результате этих усилий на рубеже 1925–1926 гг. частный торговец был несколько потеснен. Например, в РСФСР с 1925 по 1926 г. в торговой сети удельный вес частного сектора понизился на 8 %[26]. Однако при этом доля торговцев среди предпринимателей с 1923 по 1926 г. возросла на 3 %, а их численность увеличилась за тот же период в 2 раза.

К 1926 г. усилился перелив частного капитала в кустарную промышленность и сельскохозяйственное производство, где контролировать его было еще труднее, чем в торговле, а возможности для его роста там сильно возросли. Если сопоставить данные переписей 1923 и 1926 гг., то этот чрезвычайно быстрый рост по сравнению со всеми другими группами предпринимателей легко обнаружить: владельцы кустарно-ремесленных заведений увеличили абсолютную численность за это время в 3 раза, а хозяева-предприниматели, обосновавшиеся в сельскохозяйственном производстве, – в 2 раза и довольно заметно увеличили удельный вес. Численность других групп за три года либо не увеличилась по этим показателям (фабрикантов и заводчиков, а также подрядчиков строительных работ), либо они вовсе исчезли (хозяева учебных заведений), либо перешли на подпольное положение (хозяева увеселительных заведений).

С одной стороны, предприниматели и рантье в 1926 г. оставались по удельному весу небольшой группой: не более 2,5 % самодеятельного населения городов РСФСР, но с другой – эта группа удвоила за три года свою абсолютную численность. Быстрые темпы роста числа предпринимателей тревожили и

---

[25] Постановление III съезда Советов СССР по докладу Наркомата финансов Союза ССР от 2 мая 1925 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М., 1967. Т. 1. С. 483.

[26] Плановое хозяйство. 1927. № 11. С. 104.

настораживали государственный аппарат еще и потому, что их экономическая мощь и роль были гораздо значительнее их численности и удельного веса, а способность к мимикрии просто пугала. В этих условиях в партии зрело решение «покончить с буржуазией». Не случайно Н. И. Бухарин в своей популярной брошюре «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» столь основательно разъяснял, что такое социальное неравенство и классовое противоречие между «новой буржуазией и рабочим классом» (1925 г.). По его мнению, вопиющее неравенство материального положения «нэпманов» и рабочих могло быть изжито только после вытеснения частнокапиталистических форм хозяйства. А это можно сделать, считал он, лишь на основе подъема государственного хозяйства и равно кооперации, т. е. экономическим путем[27]. Постоянно подчеркивая временный характер «допущения частного капитала», он отмечал, что условий для его полного вытеснения пока еще нет. Не все разделяли в то время точку зрения Бухарина. И хотя XIV съезд партии еще предусматривал «привлечение в экономику частного капитала», но стремление его уничтожить становилось все сильнее.

Интеллигенции в РСФСР было очень мало, большая ее часть жила в городах. Но и там среди самодеятельного населения лиц, занятых высококвалифицированными видами умственного труда, в 1923 г. было 320,3 тыс., или 4,9 %. Две трети их приходилось на города Европейской России – 254,4 тыс. человек. Вместе со священнослужителями (18,6 тыс.) и лицами свободных профессий, выделенных переписями, интеллигенция составила 367,1 тыс., или 5,6 % самодеятельного городского населения. Соответственно в Европейской России – 291,6 тыс., или 5,8 %. Служащих в городах РСФСР было значительно больше – 1,4 млн человек (включая интеллигенцию, см. табл. 16).

Значительная часть интеллигенции была занята на службе в государственных предприятиях и учреждениях. Интерес представляют профессиональные группы интеллигенции, выделенные в переписях (без учета лиц свободных профессий): старший административный персонал, к нему принадлежали члены советов, президиумов, коллегий, руководители пред-

[27] *Бухарин Н. И.* Указ. соч. С. 213.

приятий и др.; старший технический персонал (инженеры, архитекторы, агрономы и др.); старший юридический персонал (судьи, прокуроры); старший медицинский персонал (работники науки, просвещения и культуры, ученые, преподаватели школ и вузов; работники библиотек и музеев; журналисты, работники искусства и литературы).

В 1923 г. последняя группа интеллигенции была наиболее значительной по численности и удельному весу и составляла почти половину всей городской интеллигенции России (154,6 тыс.). Но это было невероятно мало для такой большой страны. Особенно остро ощущалась нехватка инженеров и врачей. Например, технической интеллигенции в городах было 29,0 тыс. человек (9,0 % от всей городской интеллигенции), а врачей – 23,6 тыс. (7,4 %). В городах Европейской России эти профессиональные группы составляли соответственно 24,0 и 18,2 тыс. человек. Административный персонал уже в 1923 г. был довольно значителен по численности и удельному весу. Правда, тогда это можно было объяснить последствиями системы «военного коммунизма». Эта вторая в РСФСР по численности группа интеллигенции после культурно-просветительного персонала (126,3 тыс.) составляла по удельному весу 39,4 % всей интеллигенции республики.

Ценно, что перепись 1923 г. зафиксировала не просто специалистов по образованию, а тех, кто был практически связан с высококвалифицированными видами умственного труда, в том числе старых специалистов, «выдвиженцев», прошедших подготовку на разного рода краткосрочных курсах, и первых выпускников советских вузов. В те годы среди последних преобладали пока еще дети служащих, хотя в наборах в вузы большую часть составляли дети рабочих и крестьян. Однако немногие из них заканчивали вузы. Тому было несколько причин: недостаток общей подготовки, препятствовавший усвоению вузовской программы, нехватка материальных средств, бесконечные отзывы на выполнение разных партийных и комсомольских заданий и т. д. Что касается «выдвиженчества», то оно приняло массовый характер, и в этом главным образом и состоит его порок. В 20-е годы массовое «выдвиженчество» (поскольку подготовка специалистов в вузах требовала длительного времени) вызывало у ряда ведущих экономистов, государственных и партийных деятелей необоснованную

поддержку. Например, в 1923 г. Ю. Ларин, выступая против привлечения старых специалистов к сотрудничеству, писал: «Чем скорее мы опять двинем на руководящие, хозяйственные места рабочих – тем лучше!». Он был сторонником расширения практики школ «красных директоров»[28]. Сказывалось недоверие и пренебрежение к «старым» спецам, которых тогда часто называли буржуазной интеллигенцией. Однако в первой половине 20-х годов привлечение «старых» специалистов вопреки комчванству партработников было главным источником формирования интеллигенции. К сожалению, часть «старого» чиновничества была носительницей бюрократических привычек, которые быстро усваивали в советском государственном аппарате руководящие работники.

Несмотря на то, что численность специалистов к 1926 г. возросла до 427,4 тыс., потребность в них намного превышала эту цифру. Относительно высокими темпами увеличивалась численность технической интеллигенции и медицинских работников. За три года она соответственно увеличилась в 1,7 и 1,5 раза. Но удельный вес этих групп оставался все еще невысоким – 12 и 10 %. Быстрыми темпами рос административный аппарат и без того многочисленный в 1923 г. К 1926 г. его доля среди интеллигенции РСФСР выросла до 40 %, а по абсолютной численности он оставил позади весь культурно-просветительный персонал. Хотя последняя группа была довольно многочисленной (34 % всей интеллигенции), но рост ее численности явно отставал от аналогичного показателя других групп интеллигенции. Уже тогда начала проявляться недооценка роли этой части интеллигенции, носительницы духовной культуры. Единственной группой, которая, безусловно, численно прогрессировала в то время, были учителя.

Что касается «лиц свободных профессий», то их число сократилось почти на 1/4. Значительная их часть вынуждена была перейти на государственную службу (см. табл. 16). Еще быстрее, чем «лица свободных профессий», убывали священнослужители, их стало меньше на 35 %.

Усилилась социальная неоднородность интеллигенции. В ее среде выделились привилегированные в материальном

[28] *Ларин Ю.* Итоги, пути, выводы. М., 1923. С. 79.

отношении группы, тогда как основная масса пребывала преимущественно в стесненном материальном положении. Когда в 1925 г. Н. И. Бухарин рассматривал дифференциацию советского общества, то на второе место после «нэпманов» по уровню благосостояния он поставил «высших советских служащих, главным образом служащих хозяйственных учреждений и хозяйственных органов (директоров, трестов, членов правлений синдикатов, крупных незаменимых спецов и т. д.), вслед за ними – «так называемых ответственных работников вообще»[29]. Другие группы интеллигенции он даже не назвал, видимо, говорить об уровне их благосостояния было особенно нечего. Лишь на четвертом месте Н. И. Бухарин упомянул квалифицированных рабочих. Рабочие же, не имевшие квалификации, были выше по своему благосостоянию лишь деклассированных, безработных и прочих категорий.

Не был однородным и культурно-просветительный персонал. В нем выделялась часть писательской, художественной, научной интеллигенции, которая была связана с более сложными, творческими видами труда. Однако в целом уже в то время, в 1925 г., оплата труда интеллигенции и ее различных групп не была научно обоснованной.

Восстановление городского хозяйства, промышленности, торговли, ремесел позволило оказать материальную помощь безработным, хотя бы частично занять их на общественных работах по восстановлению мостов, дорог, разрушенных производственных объектов, освободить их от платы за квартиру, свет, в ряде случаев выдавать им бесплатное питание и т. п. В основном безработные были сосредоточены в крупных промышленных городах. В 1923 г. половина их находилась в городах Европейской России (удельный вес достигал 10–11 %), а в Петрограде – почти 20 %. К 1926 г. наметилась тенденция сокращения безработных: в Европейской России их число уменьшилось на 54 тыс. человек, т. е. на 10 %, а в РСФСР в целом – лишь на 5 % (см. табл. 19).

Некоторый спад безработицы наметился и в столичных городах. Например, в Петрограде на бирже труда на 1 января

[29] Бухарин Н. И. Указ. соч. С. 212–213.

1923 г. были зарегистрированы свыше 74 тыс. лиц этой категории, а через год их количество уменьшилось до 56,3 тыс.[30]

Среди безработных лица, имевшие стаж работы от года и более, составляли большую часть и лишь 13,7 % впервые искали работу.

Материалы переписи 1926 г. дают возможность проанализировать социальный состав безработных. На 91,5 % это были рабочие и служащие – соответственно 47,5 и 44,0 %. Остальная, незначительная доля лиц этой категории была представлена бывшими, очевидно разорившимися хозяевами. Подавляющая масса безработных состояла из горожан. Отходники из деревень, прибывшие в поисках работы, составляли всего 3,4 %.

В 1926 г. в городах имела место длительная хроническая безработица: 1/4 ее жертв не имели работы более года (среди рабочих – 20 %, служащих – 30 %). Таким образом, эта проблема была еще очень острой и сложной. Стремление быстрыми темпами уничтожить безработицу приводило к избытку рабочей силы на государственных предприятиях, снижало уровень производительности труда и эффективность производства.

В городах все еще в 1926 г. обитало значительное число деклассированных: последствия войн и разрухи, и число это в первой половине 20-х годов продолжало увеличиваться, хотя удельный вес данной категории людей оставался низким (см табл. 19). В основном это были нищие – дети, женщины и старики. За счет нищих преимущественно и росла численность деклассированных. Например, в РСФСР нищенствующее население составляло в 1926 г. 27,7 тыс.

Как видно из табл. 16–19 иждивенцы увеличили свою абсолютную и относительную численность. Среди них более других групп по этим показателям выросли пенсионеры: их стало больше в 3 раза. На 40 % увеличилось число больных, содержащихся в лечебницах за государственный счет. Возрастала численность студентов (на 10 %), получающих стипендию. На 17–18 % стало меньше сирот в приютах и детских домах[31].

Однако обнаружилась тенденция к росту числа заключенных (их стало больше на 52 %, чем на 1923 г.), хотя по сравнению с 30-ми годами их было немного (см. табл. 19).

---

[30] РГАЭ. Ф. 382. Оп. 7. Д. 399. Л. 9 об.

[31] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 26. С. 160.

Социальный состав городского населения в регионах: особенности развития

Высокая степень точности и объективность, с которыми выделены в переписях 20-х годов основные общественные группы в составе городского населения, а также их подробные количественные и качественные характеристики позволяют выяснить региональную специфику социального облика тогдашних городов.

В РСФСР около 80 % рабочих находились на территории Европейской России. И в республике и в регионе их доля превышала 1/4 всего самодеятельного населения (табл. 17). В других регионах РСФСР, особенно в Киргизской (Казахской) АССР и Якутии, они были немногочисленны. В Сибири и Юго-Восточном крае рабочие, уступая по абсолютной численности рабочим городов Европейской России, имели довольно значительный удельный вес в занятом населении городов.

Прирост рабочих в РСФСР, Европейской России составил от 1923 к 1926 г. 30 %, а в Юго-Восточном районе (на Северном Кавказе и в Дагестанской АССР) – 17,9 % (см. табл. 20, 21).

Однако на территории республики рост численности рабочих происходил неравномерно. В Сибири он был настолько незначительным, что вовсе не сказался на их удельном весе. А в Якутии и на Дальнем Востоке он продолжал сокращаться в абсолютном и относительном выражении: в первом регионе – соответственно на 24,0 и 5,7 %, а во втором – на 6,5 и 3,0 % (см. табл. 22, 23).

Средний показатель по удельному весу рабочих среди занятого населения в стране составлял 25,3 %. Наиболее высоким он был в РСФСР, особенно в Европейской России, в Крыму, в Сибири, на Дальнем Востоке (см. табл. 20, 22).

Меньше по удельному весу рабочих было в составе горожан в Юго-Восточном районе РСФСР, Туркестане и менее всего – в Якутии и Киргизии (см. табл. 24, 25).

В Европейской России профессиональный состав рабочих и служащих отличался разнообразным набором специальностей. В других регионах ярче была выражена местная специфика занятий. В Сибири много было металлистов, причем заводских специальностей – вагранщиков, вальцовщиков, токарей по металлу, горнорабочих, строителей, железнодорожников.

Таблица 20

Социальный состав городского населения РСФСР и ее европейских регионов в 1923 г.

Социальная группа	РСФСР		В том числе					
			Европейская Россия		Юго-Восточный район*		Крымская АССР	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Рабочие	1765789	25,8	1318941	26,2	136633	23,9	29610	26,1
Прислуга	285132	4,2	1353729		18444	3,5	4344	3,8
Служащие	1483692	21,7		26,9	102419	18,0	23437	20,7
Лица свободных профессий	51561	0,7	37196	0,7	3762	0,7	1544	1,4
Хозяева с наемными рабочими	29479	0,4	18577	0,4	2225	0,4	795	0,7
Хозяева, работающие только с помогающими членами семьи или товарищества	290175	4,2	187003	3,7	36624	6,4	1683	1,5
Хозяева-одиночки	635407	9,3	412096	8,2	62986	11,0	13038	11,5
Помогающие члены семьи	453492	6,7	310416	62	66915	11,7	2604	2,3
Иждивенцы государственных и общественных учреждений	613774	9,1	482422	9,6	32199	5,7	12037	10,7
Рантье	80207	1,2	43375	0,9	13728	2,4	1015	0,9
Деклассированное население	30161	0,4	22962	0,4	2191	0,4	366	0,3
Безработные	697376	10,2	555599	11,0	49058	8,6	17182	15,2
Прочие	106028	6,1	290743	5,8	43476	7,6	5534	4,9
Все население[2*]	6841558	100,0	5033059	100,0	570660	100,0	113189	100,0

* Включая Дагестанскую АССР; [2*] без военнослужащих.

Источник: Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ СССР. 1924. Т. 20. вып. 1, ч. 2. С. 42–50; 1925, вып. 2, ч. 2. С. 18–35, 288–296 (подсчеты мои – *В. Ж.*).

Таблица 21

Социальный состав населении городов РСФСР и ее европейских регионов в 1926 г.

Социальная группа	РСФСР		В том числе					
			Европейская Россия		Сев. Кавказ*		Крымская АССР	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Рабочие	2330950	29,5	1756625	30,5	182210	26,4	31980	23,7
Служащие	2168473	27,5	1633380	28,4	165980	24,1	34450	25,5
в т. ч. личная прислуга	221144	2,8	154439	2,7	13769	2,0	3117	2,3
Лица свободных профессий	37408	0,5	27311	0,5	3631	0,5	1425	1,1
в т. ч. священнослужители	12243	0,2	9044	0,2	790	0,1	213	0,2
Хозяева с наемными рабочими	56128	0,7	37045	0,6	4729	0,7	1430	1,0
Хозяева, работающие только с членами семьи, и члены артели	407403	5,2	260727	4,5	49091	7,1	6999	5,2
в т. ч. хозяева торговых заведений	34339	0,4	26134	0,5	2842	0,6	799	0,6
Одиночки	620471	7,8	391510	6,8	76325	11,0	18976	14,0
Члены семьи, помогающие в занятии	622230	7,9	419650	7,2	80458	11,7	6675	4,9
Иждивенцы государства и общественных учреждений	816152	10,3	619492	10,8	53728	7,8	12236	9,1
Живущие на нетрудовые доходы	101805	1,3	63116	1,1	10053	1,5	2299	1,7
Деклассированное население	31586	0,4	20849	0,4	4723	0,7	1089	0,8
Безработные	656521	8,3	201646	8,7	55474	8,0	16002	11,8
Прочие	47526	0,6	32023	0,5	3290	0,5	1536	1,1
Все население[2]*	7896653	100,0	5763574	100,0	689689	100,0	135097	100,0

*В 1923 г. – Юго-Восточный район; [2]*без военнослужащих.

Источники: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 22. С. 212–229, 25–43; Т. 32. С. 82–116; Т. 27. М., 1928. С. 92–139 (подсчеты мои. – *В. Ж.*); см. также: *Жиромская В. Б.* Советский город... С. 48.

Таблица 22

Социальный состав населения городов Сибири, Дальнего Востока, Якутской АССР в 1923 г.

Социальная группа	Сибирь		Дальний Восток		Якутская АССР	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Рабочие	110398	26,2	60421	29,9	1398	21,3
Прислуга	17677	4,2	11308	5,6	290	4,4
Служащие	102488	24,3	35689	17,6	1116	17,0
Лица свободных профессий	1846	0,4	1151	0,6	30	0,5
Хозяева с наемными рабочими	1399	0,3	3831	1,9	21	0,3
Хозяева, работающие только с членами семьи, или товарищества	17891	4,2	5005	2,5	380	5,8
Хозяева-одиночки	33791	8,0	16310	8,1	155	2,4
Помогающие члены семьи	19894	4,7	5399	2,7	2155	32,8
Иждивенцы государственных и общественных учреждений	3695	8,8	9743	4,8	316	4,8
Рантье	11347	2,7	6468	3,2	5	0,1
Деклассированное население	1547	0,4	819	0,4	4	0,1
Безработные	37748	9,0	19219	9,5	114	1,7
Прочие	28440	6,8	26786	13,2	579	8.8
Все население*	421461	100,0	202149	100,0	6566	100,0

* Без военнослужащих.

Источник: Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ СССР. Т. 20, вып. 3, ч. 2. С. 207–215, 279–287; вып. 1, ч. 3. С. 320–337 (подсчеты мои. – *В. Ж.*).

Большая часть рабочих была занята на железных дорогах и водных путях в качестве разносчиков, грузчиков, носильщиков. В Крыму больше всего было металлистов, но не заводских, а связанных с мастерскими – кузнецов, слесарей, котельщиков. Многие сельскохозяйственные рабочие трудились в огородничестве и особенно садоводстве, в пищевой промышленности, в частности в виноделии. Распространенными были профессии сапожников и овчинников – традиционные занятия коренного населения. В городах Крыма работали трамвайщики, водники, связанные с морским транспортом. Высокой степенью занятости там отличалась и сфера обслуживания, связанная с курортами.

Таблица 23

Социальный состав населения городов Урала, Сибири, Дальнего Востока в 1926 г.

Социальная группа	Урал		Сибирь		Бурят-Монгольская АССР		Якутская АССР		Дальневосточный край	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Рабочие	208889	35,6	117116	26,1	3032	17,5	1064	15,6	53630	27,7
Служащие	147182	25,1	123253	27,5	5125	29,6	2382	34,9	54845	28,3
в т. ч. прислуга	16118	2,7	14237	3,2	714	4,1	92	1,4	4733	2,4
Лица свободных профессий	1724	0,3	1614	0,4	91	0,5	20	0,3	779	0,4
в т. ч. священнослужители	907	0,2	519	0,1	21	0,1	11	0,2	212	0,1
Хозяева с наемными рабочими	2640	0,5	3437	0,8	256	1,5	70	1,0	3921	2,0
Хозяева, работающие только с членами семьи и членами артели	25086	4,3	31307	7,0	1268	7,3	497	7,3	11213	5,8
в т. ч. хозяева торговых заведений	1980	0,3	2200	0,5	76	0,4	25	0,4	1085	0,6
Одиночки	40359	6,9	38321	8,5	1925	11,1	649	9,5	21804	11,3
Члены семьи, помогающие в занятии	44142	7,5	37681	8,4	1406	8,7	644	9,4	9212	4,7
Иждивенцы государства и общественных учреждений	68364	11,7	48807	10,9	2268	13,0	950	13,9	14001	7,2
Живущие на нетрудовые доходы	10783	1,8	9605	2,2	365	2,1	174	2,6	4462	2,3

Деклассированное население	2415	0,4	1364	0,3	111	0,6	18	0,3	823	0,4
Безработные	31757	5,4	30641	6,8	1438	8,3	337	4,9	17557	9,1
Прочие	2877	0,5	5004	1,1	74	0,4	22	0,3	1480	0,8
Все население*	586218	100,0	448153	100,0	17359	100,0	6827	100,0	193727	100,0

* Без военнослужащих.

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 21. С. 226–245; Т. 25. С. 124–141, 384–392; М., 1930. Т. 24. С. 87–105, 235–243 (подсчеты мои. – *В. Ж.*).

В Юго-Восточном районе развивалась добывающая промышленность, поэтому здесь широко представлены шахтерские профессии и металлисты. Наряду с этим много кожевников и пищевиков. В деревообделочной промышленности выделялась профессия корзинщика.

В портовых городах Дальнего Востока было много грузчиков, рабочих железнодорожного и водного транспорта, носильщиков, ремонтников, среди них особенно много токарей по металлу. Были там и горнорабочие.

В Кирреспублике было немало металлистов, в основном незаводских специальностей – слесарей и кузнецов. Встречались и заводские специальности, но они малочисленны. Основные профессии рабочих – кожевники, скорняки, связанные с традиционными промыслами. Немало было также валяльщиков и сукновалов, занятых обработкой шерсти, т. е. переработкой продукции животноводства. В строительстве преобладали специальности, связанные с работами по дереву, особенно плотники. Каменщиков практически не было. Встречались и текстильщики, и швейники, и мыловары, и т. д. В Кирреспублике, как и Туркестане и Якутии, в традиционных отраслях промышленности рабочие коренной национальности преобладали над пришлым населением.

В Туркестане, кроме металлистов и сельскохозяйственных рабочих, выделяются текстильщики (ковровщики, ткачи, прядильщики, красильщики), а валяльщики и сукновалы практически отсутствуют. Есть портные, башмачники. Много булочников и пекарей, строителей. В отличие от других республик здесь много русских рабочих.

В Якутии подавляющее число рабочих были русскими (кроме сельскохозяйственных) – это кузнецы, слесари и немногочисленные печатники. Много было местных транспортников. Распространенной в Якутии была специальность – печник. Немало было портных, которые шили одежду из меха и кожи.

Рассматривая структуру занятий рабочих и их специализацию, следует иметь в виду, что в Кирреспублике, Туркестане и некоторых районах Сибири города были довольно молодыми, поэтому они формировались в основном под влиянием переселенческого населения.

Социальный облик древних городов Средней Азии был сложнее. Переселенческий город причудливо переплетался с местным феодальным. Фактически два города совместились в одном, но не слились. Там можно было увидеть ткацкую фабрику с отношениями наемный рабочий – хозяин и встретить сад, принадлежащий русскому или украинскому хозяину, где работали батраки разной национальности. Тут же рядом в городской черте раскинулись феодальные владения.

Таблица 24

Социальный состав городского населения Киргизской и Туркестанской АССР в 1923 г.

Социальная группа	Киргизская АССР		Туркестанская АССР	
	кол-во	%	кол-во	%
Рабочие	36473	20,5	73313	22,6
Прислуга	6218	3,5	7885	2,5
Служащие	34542	19,5	50644	15,6
Лица свободных профессий	1243	0,7	4819	4,5
Хозяева с наемными рабочими	715	0,4	18137	5,6
Хозяева, работающие только с членами семьи, или товарищества	15398	8,7	26571	8,2
Хозяева-одиночки	17543	9,9	79643	24,6
Помогающие члены семьи	17395	9,8	35869	11,7
Иждивенцы государственных и общественных учреждений	15761	8,9	24617	7,6
Рантье	9037	5,1	1237	0,4
Деклассированное население	908	0,5	1368	0,4
Безработные	9411	5,3	9159	2,8
Прочие	12704	7,2	13073	4,1
Все население*	177348	100,0	323962	100,0

*Без военнослужащих.
Источник: Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ СССР. 1925. Т. 20, вып. 3, ч. 2. С. 135–143, 288–296 (подсчеты мои. – *В. Ж.*).

Как повествует обширная исследовательская литература, написанная на местных источниках (Дахшлейгер Г. Ф., Аминова Р. Х., Ризаев Г.Р., Шерстобитов В. П., Тулепбаев Б. А.[32] и др.), в

[32] *Дахшлейгер Г. Ф.* Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1929 гг.). Алма-Ата, 1965. С. 82–84. *Аминова Р. Х.*

городах было очень много сельскохозяйственных рабочих, в основном коренной национальности. Среди них были работники феодально зависимые или даже находящиеся в состоянии патриархального рабства. Наряду с этим существовали и категории рабочих, близкие к батракам. В Узбекистане последние назывались «мардикеры» (поденщики), сезонные батраки – «ойлик», а нанимавшиеся на целый год – «коралы». В Казахстане встречались «жалшы» – батраки, работавшие в полеводстве или скотоводстве. В городах и пригородах эти категории рабочих не были распространены так широко, как в сельской местности, но все же они существовали и здесь. Так, в городах Узбекистана рабочих, занятых в сельском хозяйстве, было 6,9 %. В городских поселениях Туркмении сельским хозяйством среди всех рабочих занимались 4,5 %.

Мардикеры, жалшы и прочие работники часто получали оплату за труд в денежной форме, и на этом основании в исторической литературе их часто причисляли к батракам прокапиталистического типа. В действительности эти раннефеодальные категории населения, чаще всего являлись свободными общинниками, еще не попавшими в личную зависимость, нанимавшиеся к более богатому общиннику, баю или к русскому землевладельцу. Эти категории были далеки от капиталистического рынка наемного труда. Более сложной является социальная группа «чайрикеров» в городах земледельческих районов Туркестана, а в Казахстане – «консов». Правда, в городской черте последние встречались крайне редко и были здесь чаще всего пастухами. Вообще же «консы», как правило, – это кочевые скотоводы. Другое дело «чайрикеры», трудившиеся в саду, огороде, в поле, на поливных работах, которые чаще встречались в городах и пригородах. По переписи они попадали в разные категории – то в «помогающие члены семьи», так как часто имели родственные связи с хозяином, нанявшим их, то в сельскохозяйственные рабочие, то, хотя и редко, даже в самостоятельные хозяева, если имели свое хозяйство.

Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода Советского государства к нэпу. Ташкент. 1969. С. 62; *Ризаев Г. Р.* Аграрная политика Советской власти в Узбекистане. Ташкент, 1967; *Шерстобитов В. П.* Новая экономическая политика в Киргизии. Фрунзе, 1964; *Тулепбаев Б. А.* Торжество ленинских идей социалистического преобразования сельского хозяйства Средней Азии и Казахстана. М., 1971.

Таблица 25

Социальный состав городов Казахстана и Средней Азии в 1926 г.

Социальная группа	Казахская АССР		Киргизская АССР		Туркменская ССР		Узбекская ССР		В том числе Таджикская АССР	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Рабочие	41679	21,7	6510	14,1	13489	27,5	69007	18,0	2003	14,2
Служащие	44198	23,0	6394	13,9	15388	31,4	65688	17,2	1836	13,0
в т. ч. прислуга	4154	2,2	518	1,1	533	1,1	3645	0,9	23	0,2
Лица свободных профессий	1031	0,5	140	0,3	192	0,4	3305	0,9	106	0,8
в т. ч. священно-служители	417	0,2	68	0,2	65	0,1	1925	0,5	91	0,6
Хозяева с наемными рабочими	1856	1,0	627	1,3	426	0,9	4032	1,0	215	13
Хозяева, работающие только с членами семьи, и члены артели в т. ч. хозяева торговых заведений	19156	10,0	7516	16,3	2588	5,3	43082	11,3	2026	143
Одиночки	1557	0,8	278	0,6	388	0,8	2546	0,7	182	1,3
Члены семьи, помогающие в занятии	28678	14,9	8710	18,9	5943	12,1	95777	25,0	3612	25,6
Иждивенцы государства и общественных учреждений	23301	12,1	12012	26,0	1465	3,0	56556	14,8	2677	19,0
Живущие на нетрудовые доходы	16939	8,8	1999	4,3	5246	10,7	25664	6,7	756	5,4
	3349	1,8	466	1,0	717	13	3861	1,0	21	0,1

Деклассированное население	747	0,4	115	0,2	412	0,8	6240	1,6	74	0,5
Безработные	9982	5,2	1468	3,2	2774	5,6	14353	3,8	684	4,9
Прочие	1041	0,6	219	0,5	421	0,8	3198	0,8	72	0,5
Все население[2]*	191957	100,0	46106	100,0	49067	100,0	382502	100,0	14102	100,0

*Киргизия и Казахстан в 1926 г. – автономные республики в составе РСФСР; [2]*без военнослужащих.
Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1929. Т. 25. С. 62–78, 238–251; Т. 32. С. 68–83, 175–182; Т. 33. С. 42–54 (подсчеты мои. – *В.Ж.*).

В литературе эта категория определяется весьма разнообразно: то феодально зависимый арендатор, то полукапиталистический арендатор, то батрак с наделом, то крепостной. Очевидно, последнее ближе всего к истине, так как «чайрикер» не только получал в аренду землю от хозяина и за это отрабатывал на байской земле или отдавал половину своего урожая, но и находился в личной зависимости от хозяина. Например, он не мог жениться без позволения своего бая и без того, чтобы бай справил для него свадьбу – «той». Если учесть, что «чайрикер» в ряде случаев попадал в такое положение за долги, а вовсе не потому, что изначально не имел земли, то положение его обретает черты долгового рабства и сам он напоминает посаженного на землю раба. При этом он нередко связан кровнородственными связями с хозяином. Мы не беремся досконально исследовать положение этой категории зависимого населения, но хотим заметить, что в любом случае она не была связана с товарным производством. Зависимость эта носила черты и рабства, и крепостного состояния, и родоплеменных связей, которые тесно переплетались между собой.

Аналогичное объяснение положению «консов», встречавшихся в скотоводческих районах Казахстана, как феодальной зависимости с чертами рабства, «полукрепостного» состояния дает Г. Х. Дахшлейгер. При этом он пользуется свидетельствами людей, помнивших еще таких работников. Напомню к тому же, что крепостное право в России последние 150 лет несло на себе черты рабства и в «чистом виде» не проявлялось. Отсюда и правомерность аналогии у Дахшлейгера.

В категорию рабочих, особенно «прислуги» и «помогающих членов», попали слуги, которые были фактически патриархальными домашними рабами. В Казахстане их называли «малаи». Часто такими слугами-рабами являлись сироты, которых более богатый родственник брал на воспитание.

Рассмотрим занятость рабочих по отраслям городского хозяйства в различных регионах и республиках.

В индустриально развитых районах России занятость рабочих в фабрично-заводской промышленности превалировала над занятостью в кустарно-ремесленной. Примером могут служить города Центрально-Промышленного района Европей-

ской России. Около 50 % рабочих были заняты в фабрично-заводской промышленности, в кустарно-ремесленной – 7,4 %[33].

Города ряда регионов отличались развитой кустарно-ремесленной промышленностью. Это города Крыма и Узбекистана. В фабрично-заводской промышленности Узбекистана были заняты 12 тыс. рабочих, а в кустарно-ремесленной – примерно 6 тыс. При этом доля рабочих коренной национальности в кустарно-ремесленной промышленности была выше, чем в фабрично-заводской или на железнодорожном транспорте. В Крыму в фабрично-заводской были заняты 9 тыс. рабочих, а в кустарно-ремесленной – 3,5 тыс.[34] В ряде районов занятость в кустарно-ремесленной промышленности в городах была высокой, но рабочих среди них встречалось мало. В основном это были разного рода самостоятельные хозяева (Туркмения, Якутия, Кирреспублика).

Как же обстояло дело с уровнем квалификации рабочих в городах различных районов страны? В 1923 г. квалифицированных* рабочих в СССР было около 1 млн, т. е. более 40 % всех городских рабочих. Они вместе с полуквалифицированными рабочими составляли более 50 %. Однако значительная часть рабочих тогда еще не имела квалификации. К середине 20-х годов положение изменилось, количество квалифицированных кадров достигло уже 1,6 млн. Теперь вместе с полуквалифицированными они составляли 2/3 всех городских рабочих. Кроме того, более чем на 10 % сократился удельный вес занятых ручным, немеханизированным трудом. Достигнутое между ними соотношение дает основание говорить, что кадровый состав рабочих в городах был восстановлен. Самыми крупными группами среди квалифицированных рабочих в городах СССР были металлисты, строители, текстильщики, железнодорожники[35].

---

[33] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, вып. 4, ч. 2. С. 65–69.

[34] Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 22. С. 2; Т. 32. С. 2.

* Квалифицированными, согласно переписи, считались рабочие, имевшие VI разряд и выше.

[35] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, вып. 3, ч. 2. С. 18–25; вып. 1, ч. 3. С. 320–321, 392–399 (подсчеты сделаны мной. – *В. Ж.*).

Однако по городам различных республик и районов страны такие рабочие распределялись неравномерно, большая их часть, т. е. свыше 1 млн, приходилась на РСФСР[36]. Вместе с полуквалифицированными они составляли 3/4 всех квалифицированных и полуквалифицированных рабочих городов СССР. При этом 80 % первых приходились на Европейскую Россию; на все остальные очень обширные регионы РСФСР в 1923 г.– 17,3 %, а в 1926 г.– 18,4 %. То же можно наблюдать и с распределением полуквалифицированных рабочих в РСФСР (см. табл. 26)[37].

Таблица 26

Квалифицированные рабочие городов в различных регионах в 1926 г.

Регион	Кол-во (тыс. человек)	% от всех городских рабочих
РСФСР, в том числе	1129376	48,4
Крымская АССР	12865	40,2
Северо-Кавказский край	78293	43,0
Урал	88776	42,3
Сибирский край	53941	46,0
Дальний Восток	20367	38,0
Якутская АССР	159	19,5
Бурят-Монгольская АССР	1196	39,4
Казахская АССР	12076	29,0
Киргизская АССР	1512	23,2

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1930. Т. 26. С. 42–69; М., 1929, Т. 22. С. 9–21, 162–186; М., 1929. Т. 21. С. 128–158; М., 1930. Т. 24. С. 14–39, 231–232; М., 1929. Т. 25. С. 39–50, 232–234; М., 1928. Т. 27. С. 19–43; М., 1930. Т. 32. С. 44–48; М., 1930. Т. 33. С. 30–34; М., 1929. Т. 23. С. 21–48, 379–381; М., 1930. Т. 28. С. 18–43; М., 1930. Т. 31. С. 160–162, 267–268, 360–362 (подсчеты сделаны мной. – *В. Ж.*).

Естественно, что квалифицированные рабочие Российской Федерации были сосредоточены в основном в фабрично-заводской промышленности (на 61,0 %). То же, пожалуй, можно

[36] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 26. С. 46–69,122–135 (подсчеты сделаны мной *В. Ж.).*

[37] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, вып. 3, ч. 2. С. 18–24; вып.1, ч. 3. С. 330–327; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 26. С. 44–56, 59–64 (подсчеты сделаны мной. – *В. Ж.).*

сказать и о полуквалифицированных (74,1 % из них были заняты на крупных предприятиях государственного сектора). Немало тех и других трудилось на железнодорожном транспорте. К 1926 г. более половины всех квалифицированных рабочих приходилось на металлистов (30,2 %), текстильщиков (16,5 %), железнодорожников (почти 7 %)[38].

Среди неквалифицированных рабочих в 1923 г. свыше 40 % составляли поденщики, а 24 % – чернорабочие[39]. К 1926 г. положение, несмотря на некоторое сокращение числа поденщиков, изменилось незначительно.

Анализ состава квалифицированных рабочих по полу показывает, что в 1923 г. доля квалифицированных у рабочих-мужчин более чем в 2 раза превосходила этот показатель у женщин-работниц. Важно отметить, что удельный вес квалифицированных женщин-работниц рос от 1923 к 1926 г. быстрее, чем у мужчин-рабочих. Однако разрыв был еще велик. Среди женщин оставалось много полуквалифицированных и особенно неквалифицированных.

Поток неквалифицированной рабочей силы, связанный с началом индустриализации, еще не хлынул в города. В старых промышленных центрах Европейской России, где была сосредоточена половина всех рабочих страны, доля квалифицированных кадров продолжала оставаться высокой. Высоким был и показатель квалификации рабочих в Сибирском крае. В ряде городов промышленных районов, хотя и старых, но занимавших периферийное место в Российской империи, доля квалифицированных рабочих была несколько ниже, но и там она составляла более 40 % (Урал, Северный Кавказ).

На Дальнем Востоке доля квалифицированных составляла менее 40 %. Относительно невысоким был удельный вес квалифицированных рабочих в городах Крыма, Казахстана и Средней Азии. Еще меньше было квалифицированных рабочих в малонаселенной Якутии. Рабочие концентрировались не только в фабрично-заводской промышленности, но и в кустарно-ремесленной, особенно в городах Средней Азии. Немало

---

[38] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, вып. 3, ч. 2. С. 24; вып. 1, ч. 3, с. 326–327 (рассчитано мной. – *В. Ж.*).

[39] Там же. Т. 20, вып. 3, ч. 2. С. 18–24; вып. 1, ч. 3. С. 320–327; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 26. С. 122–135.

квалифицированных рабочих было занято в железнодорожном транспорте и строительстве.

В итоге изменений, произошедших к 1926 г., в численности и структуре рабочих (с учетом нового административного деления) сложилась следующая картина. Абсолютная численность рабочих возросла в РСФСР с 1,8 до 2,3 млн, в Европейской России с 1,3 до 1,8 млн. В 1926 г. Европейская Россия и Урал (209 тыс.) были основными районами сосредоточения рабочих. По-прежнему немного их было в Туркменистане и Киргизии. Однако по удельному весу распределение рабочих по различным регионам выглядит несколько иначе. Выше всего доля рабочих среди других социальных слоев города составляла на Урале. В Киргизии и Таджикистане удельный вес рабочих соответствовал его малочисленности. В городах Дальнего Востока удельный вес рабочих был высоким, примерно 27 %, что обусловливалось общей малочисленностью занятого населения (см. табл. 26).

Проследим изменения в численности и структуре служащих и интеллигенции в городах различных регионов России. В 1923 г. в городах ее Европейской части были сосредоточены 60 % всех служащих страны, 40 % приходилось на все другие регионы. В Сибири их было 102 тыс., в Туркестане – 50 тыс., меньше в Крыму – 23 тыс., в Якутии – свыше 1 тыс.

Изучение отраслевой структуры служащих в 1923 г. показывает, что они были заняты в государственных учреждениях, фабрично-заводской, кустарно-ремесленной промышленности, торговле, на железнодорожном и местном транспорте, в строительстве и сельском хозяйстве. При этом основная их масса была сосредоточена в госучреждениях, на фабриках и заводах, в торговле и на железнодорожном транспорте. Например, в Европейской России в госучреждениях работали 653,9 тыс. человек, или 48,3 % всех служащих, в фабрично-заводской промышленности – 172,4 тыс., или 12,7 %, на железнодорожном транспорте – 128,0 тыс., или 9,5 %, в торговле – 100 тыс., или 7,4 %. Во всех других отраслях их занятость была ничтожно мала.

Служащие госучреждений и железнодорожного транспорта, а также подавляющее большинство их в фабрично-заводской промышленности были заняты в государственном секторе. В

нем работала и часть служащих, занятых в торговле, кустарно-ремесленной промышленности, строительстве и др. В связи с очень малым удельным весом частного сектора в экономике численность служащих в нем была невелика.

К 1926 г. в России и ее регионах – в Сибири, на Дальнем Востоке – численность служащих заметно увеличилась. Сказывался рост численности административного аппарата на местах (см. табл. 27).

Если рассматривать отраслевую структуру этой социальной категории по отдельным регионам, то видно, что в промышленно-развитых регионах основная масса ее была сосредоточена в госучреждениях, фабрично-заводской промышленности и торговле, а в городах районов, менее развитых в индустриальном отношении,– в госучреждениях, торговле и на железных дорогах.

В профессиональном отношении в 1923 г. самым многочисленным был делопроизводственный (секретари, машинистки, регистраторы) и учетно-контрольный персонал – бухгалтеры, счетоводы, кассиры. Довольно большую группу составлял торговый и хозяйственно-распределительный персонал. Численность всех остальных служащих, занятых в области медицины, культуры и просвещения, средств связи, была во всех регионах одинаково невелика[40].

К 1926 г. заметно увеличился торговый и хозяйственно-распределительный персонал (приказчики, кладовщики, комиссионеры и проч.), прирост абсолютной численности которого колебался по различным районам Европейской России от 23 до 54 %, а по удельному весу – от 0,5 до 2,1 %. Зато заметно сократился удельный вес делопроизводственного и учетно-контрольного персонала. Это изменение в соотношении различных групп служащих от 1923 к 1926 г. объясняется, с одной стороны, потребностями развивавшейся торговли, а с другой – сокращением штатов в учреждениях за счет делопроизводственного и учетно-контрольного персонала (секретарей, писцов, регистраторов и т. д.).

Интеллигенция, даже в городах Европейской России, попрежнему оставалась очень малочисленной. В других районах

---

[40] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, ч. 2, вып. 1, С. 46–47; вып. 4. С. 69–70 (рассчитано мной. – *В. Ж.*).

РСФСР ее еще меньше: в Юго-Восточном – в 10,5 раза, Сибири – в 12 раз, в Кирреспублике – почти в 34 раза, а в Якутии она насчитывала всего 313 человек[41]. Соответственно и удельный вес ее в самодеятельном городском населении регионов был небольшим. Ни в одном районе он не превышал 5 %, за исключением Крымской АССР и Сибири, где ее доля была равна 5,7 и 5,4 %. Что касается таких регионов, как Киргизия, Северный Кавказ, то там процент интеллигенции в городах колебался от 4 до 4,5. На Дальнем Востоке он составлял всего 3,6 %. Напомним, что это та интеллигенция, которая состояла на государственной службе.

В 1923 г. самой значительной группой в составе интеллигенции были во всех регионах России, кроме Якутии, работники науки, просвещения, культуры и искусства. В Европейской России они составляли почти половину всех специалистов. Большая часть занятых в этой сфере в регионе приходилась на учителей: 29 % всей интеллигенции (73,8 тыс.). В то же время ученых насчитывалось 8,7 тыс., т. е. всего 3 %[42].

Высокий удельный вес учителей среди интеллигенции наряду с Европейской Россией был в городах Дальнего Востока и Крыма. Заметно ниже их доля среди интеллигенции в городах Кирреспублики, Туркестана, Юго-Восточного района, Сибири. Правда, следует отметить, что в некоторых восточных районах, например, в Туркестане, в действительности учителей было больше, так как муллы и мударисы, выполнявшие эту функцию, учитывались переписью как священнослужители.

Во всех без исключения регионах второе место по численности и удельному весу среди интеллигенции занимал «руководящий персонал», т. е. лица, занятые в госаппарате, партаппарате, в управлении промышленностью и сельским хозяйством, транспортом, строительством, директора предприятий и учреждений, профсоюзные деятели и др., находившиеся на службе в обширном госсекторе хозяйства. Особенно много руководящих работников было на окраинах и во вновь осваиваемых районах – Якутии, Сибири, Киргизии. Исключением

---

[41] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, ч. 2, вып. 3. С. 49–51, 139–141, 211–213; ч. 3, вып. 1. С. 328–331 (рассчитано мной. – *В. Ж.*).

[42] Там же. Ч. 2, вып. 1. С. 47.

являлся Дальний Восток, где административный аппарат в то время еще только складывался.

Повсеместно ощущалась малочисленность интеллигенции, связанной с юриспруденцией. На всю Российскую Федерацию юристов насчитывалось всего 12 тыс., в Крыму – 308 и т. д. Сюда включались и адвокаты, и прокуроры, и судьи, и юрисконсульты, и служащие нотариальных контор.

Немногим больше было в регионах инженерно-технической интеллигенции. Ее удельный вес среди интеллигенции всех регионов не превышал 14 %. Относительно больше ее имелось в ЦПР, в Юго-Восточном районе, на Дальнем Востоке и в Сибири (прииски, разработки полезных ископаемых). Иными словами, ее размещение было связано с развитием горной и добывающей промышленности (кроме ЦПР).

Остро ощущался недостаток в городах регионов врачей всех специальностей. Доля их в интеллигенции колебалась от 5 до 7 %. В некоторых регионах они исчислялись несколькими тысячами человек, а порой – несколькими сотнями. Обычно в литературе принято «наращивать» их численность за счет медицинских сестер, фельдшеров, которые, строго говоря, относились не к высшему, а к среднему звену медицинского персонала. Несколько больше врачей было в Крыму в связи с наличием санаторно-курортных учреждений и на Северном Кавказе, где также находилось много здравниц. В Кирреспублике насчитывалось всего 415 человек, на Дальнем Востоке – 416.

Правда, недостаток дипломированных специалистов, находившихся на государственной службе, восполнялся отчасти специалистами-медиками, имевшими частную практику, т. е. лицами «свободных профессий». Но и их было относительно немного. Например, в городах Сибири врачей госсектора было 1,3 тыс., врачей-частников – 300 человек; в Туркестане врачей-частников – 248, в Киргизии – 100. В число врачей в Туркестане, по всей вероятности, попадали и табибы, практиковавшие восточные методы лечения. Многие из них имели соответствующее образование. Конечно, не все табибы, а тем более маловероятно – знахари, применявшие народную медицину, были учтены переписью. Однако лишь отчасти эти категории лекарей компенсировали недостаток медицинского обслуживания населения. Малочисленность врачей порождала

довольно частую для большой части населения даже в городах, не говоря уже о деревне, опасность оказаться в руках шарлатанов, выполняющих порой и весьма сложные функции, включая хирургические операции. Случалось, что среди них встречались талантливые практики, но многие врачевали, не имея ни достаточных знаний, ни опыта.

К 1926 г. численность городской интеллигенции, находившейся на государственной службе, хотя и не во всех районах, возросла: в Европейской России, на Северном Кавказе, Дальнем Востоке, в Казахстане, особенно в Средней Азии – очень заметно. В некоторых районах, где специалистов было относительно много (например, в Крыму), их численность и удельный вес не увеличились или увеличились незначительно.

Юристов было по-прежнему мало. И в 1926 г. их доля среди интеллигенции ни в одном районе не достигла 5 %. В Крыму, на Урале их удельный вес составлял менее 2 %. Лишь в Якутии и Казахстане юристов было больше: 4,7 и 4,3 % (видимо, из-за находящихся здесь мест заключения, см. табл. 27).

Медиков в 1926 г. по-прежнему не хватало, но их численность и удельный вес во всех районах поднялись: например, если в 1923 г. во всем Туркестане было 728 врачей, то в 1926 г. только в Узбекистане их число достигло уже 917. В Европейской России их прирост за эти годы составил 51,8 %.

Инженерно-технический персонал в городах регионов, впрочем, как и в центре, оставался по-прежнему малочисленным, хотя нужда в нем в связи с восстановлением хозяйства была очень острой. Все же их численность несколько увеличилась, особенно за счет городов Европейской России. Возросло их число на Северном Кавказе, в Крыму. Но в Казахстане и на Дальнем Востоке доля их стала меньше, чем было так же в 1923 г. Удельный вес инженерно-технической интеллигенции в регионах колебался от 6,3 до 13,9 %. Падение удельного веса в некоторых регионах этой группы по сравнению с аналогичным показателем 1926 г. произошло на фоне быстрого роста численности административно-управленческого персонала.

К 1926 г. высший административный персонал стал самым многочисленным в городах Северного Кавказа, Урала, Сибири, Казахстана, Дальнего Востока. Его удельный вес в составе интеллигенции колебался от 43 до 55 % (см. табл. 27). Однако это

явление было характерно не для всех регионов. Например, в Крыму, несмотря на рост числа административных и юридических кадров, культурно-просветительные работники попрежнему были самой многочисленной группой интеллигенции[43], а в городах Европейской России численность и тех и других стала одинаковой. Увеличению численности руководящего персонала в немалой степени способствовали разбухание управленческого аппарата на местах и неоправданное расширение его штатов.

Работники культуры, науки, просвещения и искусства тем не менее продолжали оставаться одной из самых значительных групп интеллигенции, хотя их численность в России не увеличилась, а в городах Европейской части страны даже сократилась – в основном за счет учителей[44]. Это, во-первых, было обусловлено реорганизацией системы образования и сокращением, зачастую неоправданным, ее кадрового состава, во-вторых, отсутствием должного материального обеспечения школьного образования. Так, в конце 1922 г. в распоряжение Наркомата просвещения государство выделило лишь 3 % своего бюджета[45]. К 1925 г. эти средства были несколько увеличены, но явно недостаточно.

Если говорить об интеллигенции в целом, то к 1926 г. можно проследить более значительное увеличение ее численности на окраинах по сравнению с центром: например, в Якутии она выросла на 46,7 %, а на Дальнем Востоке – на 56,5 %. Это произошло за счет тех представителей интеллигенции, которые были направлены из центра страны для оказания помощи «отставшим в культурном отношении» районам. Правда, далеко не всегда в «окраинных» районах численность интеллигенции увеличивалась так быстро. Например, в Сибири, Дагестанской АССР, Северо-Кавказском крае темпы ее роста были весьма умеренными, а в Казахстане – низкими. Общим для всех районов оставалась малочисленность этого слоя, насчитывающего

---

[43] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 31. С. 362–364 (рассчитано мною. – *В. Ж.*).

[44] Там же. Т. 18. С. 138, 340; Т. 19. С. 50, 364; Т. 20. С. 127, 302, 321, 515; Т. 21. С. 54, 307, 328, 374, 470.

[45] Луначарский А. В. О народном образовании. М., 1958. С. 227.

в Якутии 531 человек, на Дальнем Востоке – 10,7 тыс., в Сибири – 26,2 тыс., в Казахской АССР – 8,5 тыс. и т. д.[46] Отсюда и доля его в составе занятого городского населения в большинстве этих регионов была низкой.

В городах Европейской России численность всей интеллигенции возрастала медленнее, чем в «окраинных» регионах, но все же она насчитывала 297,3 тыс. человек, а ее удельный вес равнялся 5,2 %[47]. Однако и здесь, как и повсюду, не хватало высококвалифицированных специалистов, а подготовка таких кадров требовала немало времени.

Таблица 27

Интеллигенция по занятиям в 1926 г. в различных регионах РСФСР

Группа	РСФСР		В том числе					
			Сев. Кавказ		Крымская АССР		Урал	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Руководящий персонал	153961	38,2	12978	38,0	2528	32,7	10415	42,9
Высший юридический персонал	11232	2,8	974	2,9	96	1,2	444	1,8
Инженерно-технический персонал	49385	12,3	4754	13,9	1057	13,7	2657	10,9
Медицинский персонал	36029	8,9	3420	10,0	958	12,4	1526	6,4
Работники культуры и просвещения	152077	37,8	12031	35,2	3093	40,0	9231	38,0
Итого:	402684	100,0	34157	100,0	7732	100,0	24273	100,0

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 22. С. 21–23, 218–223; Т. 25. С. 51–57, 235–236; Т. 31. С. 162–164, 269–271, 362–364; Т. 33. С. 34–38; Т. 32. С. 48–52; Т. 27. С. 44–53; Т. 21. С. 159–169; Т. 24. С. 77–82, 232–234; Т. 23. С. 49–59, 381–382; Т. 28. С. 44–534; Т. 26. С. 136–148.

[46] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 22. С. 188–201, 478–479; Т. 21. С. 206– 217; Т. 24. С. 78–82, 232–234; Т. 23. С. 89–95, 112–119, 130–135, 381–382; Т. 25. С. 51–57 (рассчитано мной. – *В. Ж.*).

[47] Там же. Т. 18. С. 103–105, 277–279; Т. 19. С. 24–26, 283–285; Т. 20. С. 91–93, 251–253,474–476; Т. 21. С. 25–27, 208–218, 453–154 (рассчитано мной. – *В. Ж.*).

Отчасти дефицит интеллигенции восполняли лица «свободных профессий», имевшие частную практику. Их численность и удельный вес были невелики. Среди них встречались представители светских профессий и священнослужители. В 1923 г. доля лиц «свободных профессий» составляла в городах 0,8 % всего занятого населения страны и насчитывала 79 тыс.; в том числе в Европейской России – 36,5 тыс., т. е. более половины лиц этой категории, живущих в городах. По удельному весу больше, чем в среднем по РСФСР, их было в Крыму (1,4 %), Туркестане (1,5 %); гораздо меньше – в городах Дальнего Востока (0,4 %) (см. табл. 20, 22, 24).

В том числе											
Сибирь		Якутия		Бурят-Монгольская АССР		Дальний Восток		Казахская АССР		Киргизская АССР	
кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
9791	42,5	279	52,5	503	50,7	4365	44,6	4057	46,8	791	54,6
507	2,2	25	4,7	28	2,8	267	2,7	375	4,3	47	3,2
2594	11,3	14	2,6	88	8,9	836	8,6	710	8,2	117	8.1
1863	8,1	20	3,8	67	6,8	638	6,5	459	5,3	80	5,5
8268	35,9	193	36,4	305	30,8	3685	37,7	3067	35,4	414	28,6
23023	100,0	531	100,0	991	100,0	9791	100,0	8668	100,0	1449	100,0

В 1926 г., когда в большинстве регионов лиц «свободных профессий» стало меньше, а удельный вес их упал, он все еще составлял в Крыму 1,1 %, в Бурят-Монголии – 2,5 %.

В 1923 г. довольно много среди лиц этой категории было писателей, журналистов, артистов, художников – практически

во всех регионах, в том числе в Якутии, Кирреспублике, не говоря уже о центральных районах России. Правда, в некоторых районах, как, например, в Якутии, они были очень малочисленны, всего 9 человек, в Киргизской АССР – 104, в Туркменской области – 50, зато на Северном Кавказе – более 600 человек.

Адвокатов, инженеров и архитекторов, занимавшихся частной практикой, во всех регионах было мало. На всю Российскую Федерацию адвокатов насчитывалось немногим более 1 тыс., при этом в Туркестане – 73 человека, в Сибири – 74 человека и т. д. Инженеров и архитекторов в РСФСР насчитывалось всего 325, а в Туркестане – 9[48].

В городах многих регионов самой многочисленной группой лиц «свободных профессий» являлись священнослужители. Всего в городах РСФСР они насчитывали 42,8 % от лиц данной категории; в Дагестанской АССР – 27,2 %; в Сибири – 39,2 %; на Алтае – 46,6 %; в Иркутске – 35,6 %. Большой удельный вес священнослужителей был в Сибири, а также в районах, где было распространено мусульманство. Конечно, в сельской местности их было гораздо больше, чем в городах. В священнослужителей перепись включала и монашествующее население. Православных монахов и монашек в России в 1923 г. насчитывалось 777 мужчин и 5353 женщины[49].

В 1926 г. среди лиц «свободных профессий» в городах РСФСР доля священнослужителей составила 32,7 %, т. е. сократилась на 10,1 %. От всего населения в 1926 г. священнослужители составляли в России 0,2 %[50], а по регионам их доля колебалась в пределах 0,1–0,2 %. Исключениями являлись Таджикистан и Узбекистан, где этот показатель достигал 0,5–0,6 % от населения республик (см. табл. 21, 23, 25).

Значительную часть городского населения всех регионов России составляли самостоятельные хозяева. Для выяснения региональной специфики этой категории важно помнить, что в Казахстане и части Сибири фактически не было «военного коммунизма», поэтому хозяева существовали на законных ос-

---

[48] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, ч. 2, вып. 3. С. 30–31, 274, 294, 141, 330, 321, 213.

[49] Там же. Ч. 2, вып. 3. С. 30–31, 374, 376, 384, 385; Ч. 3, вып. 1. С. 44–45.

[50] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 26. С. 80; Т. 31. С. 384, 386, 281.

нованиях, не прекращая своей производственно-торговой деятельности, в условиях нэпа продолжали развивать ее в благоприятной ситуации. Чаще всего хозяева с наемными рабочими были представителями коренной национальности.

Второй категорией, которая входила в состав самостоятельных хозяев, были хозяева, не прибегавшие к найму рабочей силы.

Это (в переписях 20-х годов) прежде всего категория хозяев-одиночек. Во всех регионах их основными занятиями были ремесла и торговля, а также извоз. Встречались среди них и работающие в обслуге, например прачки, парикмахеры и т. д. Некоторые из них занимались негородскими видами деятельности, хотя жили в городах, – это старатели (Сибирь), охотники (Якутия).

В 1923 г. больше всего хозяев-одиночек зафиксировала городская перепись в Средней Азии, где они составляли самую многочисленную часть населения (до 1/4), много было их в Дагестане и Крыму. А меньше всего их в Якутии (2,4 %) (см. табл. 20, 24, 28).

К 1926 г. численность хозяев-одиночек изменилась. В большинстве районов, особенно там, где их было много, их число увеличилось, например в Чувашии, Казахстане, Башкирии; незначительно – в Якутии. Напротив, в городах Европейской России хозяев-одиночек стало меньше. Последнее объясняется, скорее всего, их расслоением и переходом, с одной стороны, в группу более зажиточных, т. е. в разряд «хозяев с помогающими членами семьи», а с другой – в группу наемных рабочих, потерявших хозяйственную самостоятельность.

Увеличение же численности хозяев-одиночек в Казахстане* может быть объяснено тем, что там происходил процесс отделения ремесла как самостоятельного занятия от скотоводства или земледелия. В Якутии же шел процесс распада больших родовых семей.

В занятиях одиночек представлен широкий спектр самых разнообразных ремесел. Среди мужских ремесел очень популярны были сапожный и башмачный, характерные для самых разных регионов – России, Татарии, Чувашии, Башкирии, Си-

* Увеличение численности хозяев-одиночек наблюдалось на территории Казахстана, которая входила в Киргизскую АССР в 1923 г.

бири, Казахстана и т. д., равно как и портняжный, тоже с широкой географией распространения. Во всех районах было много строителей, плотников; в Центральной России среди хозяев-одиночек было много паяльщиков, лудильщиков, слесарей, механиков, а в Сибири еще и деревообделочников. В Сибири и других регионах России был распространен бондарный промысел. Автономии – Татария, Башкирия – отличались большим числом мастеров по пошиву сапог и башмаков, а Средняя Азия – тюбетеек, Кирреспублика – по изготовлению войлоков.

В 1923 г. в Туркестанской, Самаркандской, Ферганской, Сыр-Дарьинской областях Туркестанской АССР и Дагестанской АССР развивался ювелирный промысел (см. табл. 28). В Средней Азии среди одиночек-хозяев было распространено гончарное ремесло. В Казахстане, Ферганской и Сыр-Дарьинской областях было много мастеров по производству мелких металлических изделий – украшений к одежде, сбруи, стремян, уздечек, а также по росписи рукоятей и ножен для оружия.

Женщины центральных районов России и Сибири занимались портняжным промыслом – белошвейки, модистки, шляпницы. В Средней Азии были распространены профессии чулочниц и башмачниц, изготовлявших туфли из мягкой цветной кожи. Чулочный промысел был развит и в Казахстане, и в Оренбурге, и на Урале. В Оренбурге было много вязальщиц шалей, платков, рукавиц из шерсти и пуха, а кроме того, кружевниц. Кружевной промысел был характерен и для Центральной России (Вологда). В сфере услуг самым распространенным занятием была стирка белья на дому.

«Хозяева, работающие только с членами своей семьи», были, пожалуй, самым многочисленным слоем среди хозяев в большинстве городов различных регионов. В переписях 20-х годов они составляют одну категорию населения вместе с членами артелей, но последних было так мало, что их можно не принимать во внимание при расчетах.

По своей природе категория «хозяев, работающих только с членами своей семьи»* была патриархальной даже в тех регионах, в которых интенсивно развивались рыночные отношения.

---

* Напомню, что категория «хозяев, работающих только с членами своей семьи» здесь рассматривается без торговцев, относящихся к предпринимателям.

Естественно, что она была многочисленнее там, где сохранялись еще натуральные формы хозяйства. В индустриально развитых районах, таких, как Европейская Россия, они насчитывали (за вычетом торговцев) немногим более 4 % среди городского самодеятельного населения. Зато в Кирреспублике они составляли 8 %, в Туркестане – более 7,5 %. Немало хозяев – глав семей было и в Якутии – 4,5 %, но «помогающие члены» в этих семьях составляли до 1/3 всего городского населения. Видимо, там еще сохранились большие патриархальные семьи. Во всех других районах страны «помогающих членов» было несопоставимо меньше: на Юго-Востоке – 12 %, в Кирреспублике – 10 %, а в Европейской России – всего 6 %.

По переписи «помогающие члены семьи» – далеко не всегда родственники. Они находятся в разной степени зависимости от главы семьи, хотя среди них наличествует и его родня. Категория «помогающих членов семьи» часто скрывала в Центральной России и в других районах найм рабочей силы. В этой роли нередко выступали приемыши, воспитанники, которые фактически были наемными рабочими, а в Средней Азии – домашними рабами. Среди них иногда были девушки, которых брали в богатые дома на воспитание, а фактически для выполнения тяжелой домашней работы. Когда они вырастали, их продавали за калым замуж.

К 1926 г. с развитием ремесла и торговли в городах численность категории «хозяев, работающих только с членами своей семьи» в большей части регионов увеличилась. Как отмечалось выше, в городах Европейской России эта категория увеличила численность и свой удельный вес. В то же время эти показатели сократились соответственно у хозяев-одиночек, так как шел процесс их расслоения. То же можно сказать и о городах Северного Кавказа. Удельный вес глав семей и помогающих членов семьи увеличился в городах Крыма, составив соответственно 4,6 и 4,9 %. Особенно интенсивно увеличились обе эти категории (абсолютно и относительно) в городах Сибири, хозяев здесь в 1926 г. стало в 2,5 раза больше по сравнению с 1923 г. Даже на Дальнем Востоке на фоне сокращения численности городского населения число хозяев – глав семей и помогающих им членов семей несколько увеличилось, хотя и в меньшей степени чем в городах других регионов.

Таблица 28

Ремесленники Туркестана в 1923 г.

Род занятий	Сыр-Дарьинская обл.		Самаркандская обл.		Ферганская обл.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Жестянщики, паяльщики, лудильщики	183	-	37		128	
Механики	37		5		3	
Монтеры	5		1		1	
Слесари	143		24		50	
Проч. металлисты-одиночки	379	1	198		409	
Столяры	200		71	2	70	
Бондари и бочары	13		3		4	
Прочие деревообдел.	135	2	6			102
Чулочники, вязальщицы, кружевницы	11	200		135	1	9
Портные	645	368	143	38	260	49
Швеи	5	111	2	41	1	12
Модистки, шляпники, шапочники	183	60	32	42	56	119
Проч. швейники	11	12	75	3	3	4
Сапожники и башмачники	2932	7	977	2	2727	
Гончары и горшечники	52	1	41		20	
Ювелиры	175		45		624	
Проч. кустари и ремесленники	1304	97	1317	742	4799	1097
Маляры и штукатуры	75	1	59		9	
Плотники	306		170		143	
Печники	28		5		9	
Стекольщики	27	2	4		9	

Источник: Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. М., 1925. Т. 20, вып. 3, ч. 2, С. 295, 322, 331, 340, 304.

Туркменская обл.		Джетысуйская обл.		Аму-Дарьинская обл.		Туркестанск. обл.	
муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
31	1	58		8		445	1
2		1				48	
		-				7	
14		61		1		293	
28		190	1	15		1219	2
18		76		4		439	2
9		14		-		43	
	-		77		-	320	2
-	3		4	-	-	12	351
98	54	121	23	22	11	1289	543
9	9	-	14	-	2	17	189
22	3	47	2	6	2	346	228
-	1	1	5	-	1	90	26
269	1	543	3	70	1	7518	14
2		11				126	1
28		22	-	2		396	
69	1	329	12	33	140	7851	2089
12		11				166	1
50		69		6		744	
4		7		-		53	-
6		3		2		51	2

Таблица 29

Хозяева-предприниматели по занятиям в различных регионах РСФСР в 1923 г.

Род занятий	РСФСР				В том числе Юго-Восточный район			
	муж.	жен.	всего	%	муж.	жен.	всего	%
Фабриканты и заводчики	722	26	748	1,5	63	3	66	2,0
Хозяева ремесленных заведений	9980	890	10870	21,7	643	45	688	20,4
Подрядчики строительных работ	613	6	619	1,2	62		62	1.8
Извозопромышленники	1454	140	1594	3,2	18	–	18	0,6
Хозяева заведений трактирного промысла	1522	342	1864	3,7	93	5	98	2,9
Хозяева торговых заведений	22195	3594	25789	51,6	1148	281	1429	42,4
Хозяева учебных заведений, издатели	51	4	55	0,1	4	-	5	0,1
Хозяева увеселительных заведений и театров	95	10	105	0,2	11	2	13	0,4
Сельские хозяева и прочие	6594	1808	8402	16,8	839	152	991	29,4
Всего	43226	6820	50046	100,0	2881	488	3369	100,0

Род занятий	В том числе Сибирь				В том числе Дальний Восток			
	муж.	жен.	всего	%	муж.	жен.	всего	%
Фабриканты и заводчики	54	3	57	2,2	127	9	136	2,9
Хозяева ремесленных заведений	514	31	545	21,3	1031	41	1072	22,9
Подрядчики строительных работ	33	-	33	1,3	32	“	32	0,7
Извозопромышленники	75	6	81	81	93	18	111	2,3
Хозяева заведений трактирного промысла	67	21	88	3,4	255	29	284	6,1

Таблица 29 (окончание)

Род занятий	В том числе							
	Сибирь				Юго-Восточный район			
	муж.	жен.	всего	%	муж.	жен.	всего	%
Хозяева торговых заведений	1158	178	1336	52,3	2229	77	2306	*492*
Хозяева учебных заведений, издатели	~	“	–	-	3	-	3	0,1
Хозяева увеселительных заведений и театров	2		2	0,1	12	1	13	03
Сельские хозяева и прочие	355	59	414	16,2	674	53	727	153
Всего	2258	298	2556	100,0	4456	228	4684	100,0

Род занятий	В том числе							
	Кирреспублика				Туркестанская АССР			
	муж.	жен.	всего	%	муж.	жен.	всего	%
Фабриканты и заводчики	8	-	8	0,5	20	-	20	0,5
Хозяева ремесленных заведений	175	10	185	11,4	451	15	466	12,2
Подрядчики строительных работ	16	–	16	1,0	48	“	48	1,2
Извозопромышленники	23	1	24	1,5	30	1	31	0,8
Хозяева заведений трактирного промысла	30	4	34	2,1	103	10	113	3,0
Хозяева торговых заведений	899	96	995	613	2119	36	2155	56,4
Хозяева учебных заведений, издатели	–		–	–	-			-
Хозяева увеселительных заведений и театров	1		1	0,0	9		9	0,2
Сельские хозяева и прочие	2886	76	362	22,3	875	107	982	25,7
Всего	1438	187	1625	100,0	3655	169	3824	100,0

Источник: Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, вып. 3, ч. 2. С. 31–32, 51–52, 141–142, 213–214, 285–286, 294–295, 357–358; вып. 1, ч. 3. С. 386–389.

В 1923 г., как это мы уже видели, больше всего было хозяев с помогающими членами семьи в городах Средней Азии и Казахстана, а к 1926 г. они еще увеличили свой удельный вес в городском населении в 2,5 раза[51]. В Кирреспублике было самое значительное число помогающих членов семьи, их удельный вес в городском населении достигал 26 %, составив самую многочисленную категорию населения, да и глав семей насчитывалось почти 16 %. В Узбекистане и Таджикистане обе эти категории в городах также были многочисленными в 1923 г., а к 1926 г. они еще увеличились. Исключение составляла Туркмения, где ремесло развивалось хозяевами-одиночками. Главхозяев здесь было всего 4,5 %[52].

Главными занятиями «хозяев, работающих только с членами своей семьи» в большинстве регионов России были сельское хозяйство и кустарно-ремесленная промышленность. Среди них встречались и транспортники и торговцы, но последнее занятие было больше характерно для хозяев с наемными рабочими. В Центральной России сельскохозяйственные занятия у горожан-хозяев с помогающими членами семьи превалировали над занятиями ремеслами. Например, в городах южной полосы среди мужчин – глав семей 79 тыс. были заняты в сельском хозяйстве (огородничество, садоводство), а в кустарно-ремесленном промысле – менее 15 тыс. Такой же значительный перевес в пользу занятий сельским хозяйством у хозяев – глав семей в Сибири, 20 тыс. против 5 тыс. ремесленников. В городах Средней Азии эти основные занятия были распространены более равномерно. Например, в Узбекистане мужчин – глав семей с помогающими членами, связанных с сельским хозяйством, было 24 тыс., а с кустарно-ремесленным промыслом – 13 тыс., т. е. всего в 2 раза меньше[53].

Как и среди хозяев-одиночек, у «хозяев, работающих только с членами своей семьи» развивались во всех регионах сапожный и портняжный промыслы; заметно реже – ювелирный, бондарный, гончарный. В отличие от хозяев-одиночек они работали в мастерских, с подмастерьями и учениками.

---

[51] Расчеты сделаны мною по таблицам 23, 25. – *В. Ж.*

[52] Расчеты сделаны мною по таблицам 23 и 25. – *В. Ж.*

[53] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 23. С. 2; Т. 34. С. 2–3; Т. 20. С. 3; Т. 32. С. 2.

Чаще, чем у одиночек, у хозяев с помогающими членами семьи были распространены хлебопекарный и кондитерский промыслы. Довольно много владельцев кузниц и мельниц на окраинах городов. Наряду с общей картиной занятий этой категории хозяев, была и региональная специфика. Чаще всего она выражалась в преобладании тех или иных ремесел. Например, в городах Туркестана было гораздо больше, чем в городах других регионов, ткацких мастерских; в Дагестане – кузниц и кожевенных мастерских; в Сибири больше, чем других мастерских, кузниц и хлебопекарен.

Специфика женских промыслов у хозяев, работающих только с членами своей семьи, была выражена слабее, чем у хозяев-одиночек. В основном они занимались тем же промыслом, что и мужчины. Можно лишь отметить, что среди женщин Центральной России был развит белошвейный промысел, в Средней Азии – ткаческий[54]. Женщины, как и мужчины, среди хозяев этой категорий являлись владельцами мастерских.

Среди «хозяев, работающих только с членами своих семей» преобладали лица коренной национальности.

Хозяева с наемными рабочими, включая торговцев, – это, как мы уже видели выше, преимущественно по природе своей предпринимательские слои в городском населении большинства регионов России. Но в ряде районов это была зажиточная часть ремесленно-торговых средневековых сословий. В 1923 г. в центре России хозяев-предпринимателей было еще мало. Без учета хозяев-торговцев с помогающими членами семьи «нэпманы» в этих районах составляли примерно 0,4 % в составе занятого городского населения (см. табл. 29), а с учетом хозяев-торговцев – 0,7–0,8 %. По существу, ту же картину мы видим и в городах Крыма. В городах Сибири и Юго-Востока хозяев с наемными рабочими было еще меньше. Даже вместе с хозяевами-торговцами они составляли здесь 0,6 %[55]. Предприниматели городов в этих регионах были сильно потеснены в период революции и особенно «военного коммунизма». В 1923 г.

---

[54] Там же. Т. 23. С. 2; Т. 28. С. 6; Т. 34. С. 2–3; Т. 20. С. 20. С. 3; Т. 32. С. 2; Т. 31. С. 4, 110, 304.

[55] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, ч. 2, вып. 1. С. 43–44; ч. 2, вып. 3. С. 31–32, 42–43, 51–52, 213–214.

процесс возрождения хозяев с наемными рабочими шел здесь медленнее, чем в ряде других регионов, поскольку введение нэпа запаздывало по сравнению с центром России[56].

Довольно высока была доля предпринимателей с наемными рабочими в городах Дальнего Востока – региона с развитыми торговыми связями, где не было жестких рамок «военного коммунизма». С учетом торговцев-хозяев «нэпманы» здесь составляли 2,3 % городского населения.

Выделяются большой численностью и удельным весом хозяев с наемными рабочими города Туркестана. Например, в городах Туркестана без учета хозяев-торговцев их доля составляла 5,6 % (см. табл. 26), а с учетом – 6,2 %[57]. До многих городов региона «военный коммунизм» с его свертыванием торговли вообще не дошел, в других проявился слабо. Среди хозяев этой категории было много владельцев садов и виноградников, торговых заведений. У них трудились частично вольнонаемные, а частично личнозависимые работники, наконец, в эту категорию хозяев была включена и местная знать: беки, баи, которые жили в городах.

В Киргизской республике, также не испытавшей влияния политики «военного коммунизма», положение, однако, было совсем другим. В здешних городах по сравнению с регионами Средней Азии хозяев с наемными рабочими было немного: доля их составляла 0,9 % среди горожан. Влияние нэпа к 1923 г. еще не успело здесь сказаться, а местной знати в городах было мало.

К 1926 г. категория хозяев с наемными рабочими проявила тенденцию к быстрому росту. В городах многих регионов их абсолютная численность заметно увеличилась, а удельный вес возрос – в 1,5–2 раза[58]. Особенно высокие темпы роста хозяев этой категории были характерны для городов с более развитыми частной собственностью и рыночными отношениями – Сибири, Северного Кавказа, где хозяева на 100 % увеличили

---

[56] См.: Гущин И. Я. Продразверстка-продналог-коммерческие заготовки: Тезисы на конференцию к юбилею нэпа. Москва. М., 1990.

[57] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, ч. 2, вып. 3. С. 285–286, 294–295.

[58] Расчеты произведены мною по таблицам 20–25. – *В. Ж.*

свою абсолютную и относительную численность. Там слабее, чем в центре, была конкуренция с госпромышленностью. В городах Европейской России эта категория хозяев численно и по удельному весу возрастала медленнее, так как ограничительная политика государства по отношению к «нэпманской буржуазии» осуществлялась здесь жестче, труднее было конкурировать с государственным сектором в промышленности.

В городах районов с развитой тяжелой и добывающей промышленностью, национализированной в революцию и денационализации не подлежавшей, отмечался самый низкий по России процент предпринимателей-хозяев. Примером может служить Урал, в городах которого они составили 0,8 % от населения, тогда как в Сибири к 1926 г. (среди горожан) – 1,3 %.

В городах Дальнего Востока удельный вес хозяев с наемными рабочими увеличился до 2,6 %, но произошло это не столько за счет роста их численности (в 1923 г. их было 4,7 тыс., а в 1926 г. стало 5 тыс.), а вследствие убыли городского населения в целом. Почти все категории населения в городах сократили численность и удельный вес, а хозяева с наемными рабочими хотя и немного, но увеличили эти показатели. Видимо, в городах этого региона создались благоприятные условия для предпринимательства.

В городах Средней Азии и Казахстана абсолютная численность хозяев с наемными рабочими возросла в 2 раза, причем особенно быстро она увеличивалась в городах Казахстана. Правда, надо иметь в виду, что по новому административному делению 1926 г. в него влилась часть районов Туркестана. Однако хотя численность предпринимателей росла, но по темпам она отставала от других социальных групп городского населения, в результате чего доля этой категории хозяев резко сократилась. Если в 1923 г. ее удельный вес был более 6,2 % (Туркестан), то в 1926 г. в Таджикистане он достигает лишь 2,8 %, в Узбекистане – 1,7 %, в Туркмении – 1,7 %. Прирост численности хозяев в городах происходил в основном за счет некоренного населения. К 1926 г. сюда усилился приток предпринимателей из центра России, которые уходили от налогового пресса, ощущавшегося там все сильнее. Вместе с тем в предпринимательство активно втягивалась местная знать, которая в связи с нэпом перестала маскировать эту свою деятельность.

Хозяева с наемными рабочими во всех регионах развивали предпринимательскую деятельность прежде всего в торговле. В 1923 г. доля торговцев среди них составляла в среднем около 50 %. Активнее всего развернулся торговый капитал в городах Кирреспублики. Здесь 2/3 всех хозяев с наемными рабочими были заняты в торговле (см. табл. 29). Характерно, что среди хозяев торговых заведений было очень мало женщин, но все же они встречались. Например, в РСФСР от всех хозяев с наемными рабочими, занятыми в торговле, они составляли 13,4 %, на Северном Кавказе – 19,7 %, а в Средней Азии – единицы. Например, в Туркестане их было всего 1,7 %.

Кроме торговли, среди хозяев с наемными рабочими был распространен кустарно-ремесленный промысел. В их владении находились более или менее крупные мастерские и заведения. В Центральной России, на Северном Кавказе, в Сибири, на Дальнем Востоке таких предпринимателей среди всех хозяев этой категории было 20–23 %. В Киргизской и Туркестанской АССР их 11–12 % (см. табл. 29). По набору самих промыслов хозяева с наемными рабочими мало чем отличаются от хозяев, работающих только с членами своей семьи. Несколько больше был развит кузнечный промысел, чаще встречались владельцы мельниц и кондитерских, а также колбасных заведений. Держали там предприниматели и кожевенные и сапожные мастерские, реже портняжные.

Если рассматривать специфику регионов в этом отношении, то можно сказать, что в Центральной России, Крыму, на Северном Кавказе хозяева с наемными рабочими предпочитали более других сапожный промысел, а в целом в РСФСР – хлебопекарный, в Сибири – кожевенный, в Киргизии – мельничный, в Туркестане – сапожный и кузнечный.

Так же как и среди хозяев, работающих с членами своей семьи, среди хозяев с наемными рабочими встречались женщины. Во всех регионах это были хозяйки пошивочных и шляпных мастерских; реже – ткацких или белошвейных мастерских. Региональная специфика здесь более любопытна. Например, в РСФСР (центр) перепись зафиксировала женщин среди хозяев хлебопекарен. В Туркестане, где женщин-хозяек были единицы, переписью учтены две владелицы слесарных мастерских, а две – гончарных. За исключением Туркестанской

и Киргизской АССР, женщины встречались и среди владельцев трактирных заведений.

Заводчиков и фабрикантов среди хозяев с наемными рабочими во всех регионах было очень немного, кроме промышленно развитых, где их было несколько больше. Но и здесь их удельный вес среди хозяев этой категории был невелик, так же, впрочем, как и численность. В РСФСР их насчитывалось 748 человек, из них 26 женщин, на Северном Кавказе – соответственно 66 и 3; Дальнем Востоке – 136 и 9; в Сибири – 57 и 3 и т. д. В Средней Азии фабрикантов и заводчиков перепись насчитала единицы: в Туркестане – всего 20 человек, причем одних только мужчин, а в Киргизской АССР – 8 человек, женщины среди них также отсутствовали. Заводы и фабрики в основном были небольшими, но важно, что они появились почти во всех регионах.

В некоторых регионах среди хозяев с наемными рабочими был развит извозный промысел: хозяева извоза чаще всего встречались в городах Центральной России, Сибири, Дальнего Востока. Зато на Северном Кавказе и в других регионах такой род занятий для предпринимателей не был популярен вовсе.

Повсюду перепись зафиксировала среди предпринимателей подрядчиков строительных работ и хозяев увеселительных заведений. В городах всех регионов того времени существовали частные театры. В городах Центральной России, Северного Кавказа и Дальнего Востока сохранялись частные учебные заведения, хотя их было немного (см. табл. 29).

Распространенным занятием хозяев с наемными рабочими было сельское хозяйство (огороды, сады, виноградники). В городах некоторых регионов, таких, как Кирреспублика, Туркестан, около четверти всех хозяев рассматриваемой категории были заняты в сельском хозяйстве.

Ограничительная политика государства по отношению к частному капиталу сказалась к 1926 г. не только в центре, но и на местах. Причем в области открытого и более или менее крупного предпринимательства она привела к свертыванию фабрик и заводов. Их владельцы от 1923 к 1926 г. сократили и свою абсолютную численность, и удельный вес. Если в 1923 г. удельный вес этих предпринимателей достигал во многих регионах 2–3 % среди всех хозяев с наемными рабочими, то в

1926 г. он составил на Дальнем Востоке 1,5 %, а в других районах – от 0,5 до 1,0 %. Менее всего их осталось в Средней Азии – 0,1 %. В Сибири их численность сократилась примерно на 44 %, на Дальнем Востоке – на 45 %, а в Узбекистане их осталось всего 10 человек. Ни в одном из регионов, равно как и в центре, нэп не обеспечил развития открытого крупного предпринимательства. Однако это вовсе не значит, что частный капитал не нашел себе дороги в область производства.

Статистические данные позволили проследить, как во всех регионах начался перелив накопленного капитала из сферы торговли в производственную сферу. Почти повсеместно замедлились темпы роста численности торговцев, причем в некоторых регионах довольно сильно (особенно по сравнению с другими предпринимателями, занятыми или кустарно-ремесленным промыслом, или сельским хозяйством). Прирост составил от 1923 к 1926 г. в городах Дальнего Востока – 24,5 %, Средней Азии – 80 %. Только в Сибири наблюдался сравнительно большой прирост численности предпринимателей этой категории – 180 %.

В результате замедленного прироста численности в городах Узбекистана удельный вес торговцев сократился на 4 %. На Дальнем Востоке и в Сибири удельный вес торговцев хотя и увеличился, но меньше, чем владельцев кустарно-промышленных заведений. Например, в городах Дальнего Востока этот показатель возрос у торговцев на 8 %, а у хозяев кустарно-промышленных заведений с наймом рабочей силы – на 14 %. В городах Сибири доля той и другой категории увеличилась соответственно на 6 и 9 %. Однако торговцы всюду еще оставались крупной группой предпринимателей.

Замедление темпов роста числа торговцев свидетельствует о том, что накопленные в сфере торговли капиталы начали вкладываться в дело, прежде всего в кустарную промышленность, так как здесь трудно было контролировать деятельность «частника». Кустари-производители зачастую были надомниками, частник поставлял им сырье и организовывал сбыт их продукции. Порой предприниматели использовали в этих целях кооперацию, проникая в правление или организовывая лжекооперативы. Число зафиксированных переписью предпринимателей в кустарном промысле росло во всех без

исключения городах страны. Прирост их численности в городах Сибири от 1923 к 1926 г. составил 240 %, Средней Азии – 140 %. Увеличился и их удельный вес среди хозяев с наемными рабочими – на 11–14 %[59].

Другой сферой приложения частного капитала стало сельскохозяйственное производство. Лишь в городах Дальнего Востока такие хозяева были немногочисленны, их удельный вес составлял чуть более 7 %. В городах же других регионов их прирост обгонял прирост численности торговцев. Особенно быстро росла занятость предпринимателей в сельскохозяйственном производстве в аграрных районах. Например, в Средней Азии она увеличилась от 1923 к 1926 г. на 167 %, да и в Сибири этот показатель был равен 139 %. По численности и удельному весу эта группа предпринимателей уступала в городах Средней Азии только торговцам.

Частный капитал был представлен в городах многих регионов, кроме предпринимателей, слоем рантье. Это довольно пестрая категория, жившая на проценты с капитала, на средства от сдачи в наем домов, на доходы от спекулятивной торговли. Удельный вес рантье в структуре населения городов был невелик: в 1923 г. их доля на Северном Кавказе составляла 2,4 %, на Дальнем Востоке – 3,2 %, а в Кирреспублике – даже около 5 %. В городах Средней Азии их было намного меньше – 0,4 % (см. табл. 20, 22, 24). В Европейской России более 70 % рантье являлись домовладельцами, среди них было много спекулянтов[60]. В городах Сибири, Дальнего Востока и Северного Кавказа первых было меньше, а вторых больше, чем в других регионах и по стране в целом.

К 1926 г. и абсолютная и относительная численность рантье существенно сократилась среди горожан Северного Кавказа, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Киргизии (см. табл. 21, 23, 25). Однако в целом в городах их стало даже несколько больше, чем было в 1923 г. Внутренняя структура рантье также изменилась: меньше стало спекулянтов и больше – домовладельцев.

---

[59] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 28. С. 55–57; Т. 21. С. 218–221; Т. 23. С. 2; Т. 32. С. 2; Т. 33. С. 2; Т. 31. С. 106, 304, 352.

[60] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, ч. 2, вып. 3. С. 44, 215, 287, 35.

Например, в городах Сибири среди рантье домовладельцы составляли в 1926 г. 93 %[61].

Социальный состав городского населения автономий, входивших в РСФСР до начала 1990-х гг., обладал спецификой. Состав населения городов Вотской области (современная Удмуртия) напоминал социальный состав рабочих поселков. Там существовали оружейный и стекольный заводы. Здесь значительную часть горожан, около 14 тыс., или 41 % от всего населения (1926 г.), составляли рабочие соответствующих специальностей. Служащих здесь было немного – около 6 тыс. (1923 г.) в основном заводская администрация, численность которой к 1926 г. увеличилась мало. Несколько выросла численность учителей и врачей. Однако последних все равно было немного: в 1926 г. – всего 500 человек. Масштабы предпринимательства здесь тоже были невелики: в 1923 г. хозяев с наемными рабочими насчитывалось всего 38 человек, а в 1926 г. их число увеличилось в 3 раза. Относительно немного было кустарей и ремесленников и мелких торговцев: в 1923 г. – всего 93 человека, но в 1926 г. – уже 650, в основном торговцы, сапожники, огородники, лудильщики и т. п. Преобладало мелкое ремесло, которым занимались хозяева-одиночки, преимущественно сапожное, а также мелкая розничная торговля с лотка.

Более сложную городскую структуру населения, традиционную для городов Поволжья, имела Татария. Кроме того, Казань являлась крупным административным, промышленным и торговым центром, железнодорожным узлом. В 1926 г. рабочие в городах Татарии составляли около 25 тыс. (20 %)[62]. В связи с оживлением промыслов к 1926 г., а также рыночных отношений быстрыми темпами увеличивалась численность хозяев с наемными рабочими. В 1923 г. их насчитывалось всего 400 человек, а в 1926 г. – 1,2 тыс., т. е. в 3 раза больше. Среди них было много торговцев, владельцев сапожных и кожевенных мастерских, хлебопекарен, кондитерских. Кустарей и ремесленников, работающих лишь с членами своей семьи, к 1926 г. стало (по сравнению с 1923 г.) больше в 2 раза, или 7 тыс. человек. Среди

---

[61] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 31. С. 221; Т. 23. С. 141.

[62] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, ч. 2, вып. 1. С. 123; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 21. С. 64, 364.

них значительную часть составляли торговцы, владельцы сапожных мастерских, слесарен, швейных и шляпных мастерских, а также парикмахерских. Мелкие кустари и ремесленники-одиночки, кроме сапожного промысла, здесь очень распространенного, занимались ювелирным делом, чулочно-вязальным, столярно-тележным промыслами, много было среди них и часовщиков.

Характерным для городов Татарии был рост административно-управленческого персонала среди служащих, а также обслуги железнодорожного и водного транспорта. Перепись зарегистрировала вместе с тем довольно «толстый» слой служащих, связанных с развитием торговли, – счетоводов, бухгалтеров, учетчиков, работников складских помещений. Эта часть служащих, видимо, была связана не только с государственной, но и с частной торговлей, поскольку перепись зарегистрировала немало хозяев торговых заведений, имевших лавки, магазины и т. д.

В Казани перепись зафиксировала большое количество учащейся молодежи, в том числе студентов вузов и других учебных заведений. Вместе с тем в городе имелось немало деклассированных, безработных и рантье.

Хотя Уфа и другие города Башкирии имели менее дифференцированную структуру населения, чем города Татарии, но и здесь социальный состав горожан был сложен. Рабочих в 1923 г. насчитывалось около 22 %, а к 1926 г. с восстановлением фабрично-заводской промышленности и промыслов стало 25,7 %[63] (основные рабочие специальности – кузнецы, токари, слесари, сапожники, башмачники). Спецификой Башкирии являлось наличие рабочих специальностей, связанных с гончарным и стекло-фарфоровым производством. Здесь, как и в Татарии, было много железнодорожников.

С развитием рынка наблюдалось оживление предпринимательства, численность хозяев с наемными рабочими увеличилась в 1926 г. в 2,5 раза (по сравнению с 1923 г.) и составила 800 человек. В основном это были торговцы, что обусловило увеличение служащих среднего звена: учетчиков, счетоводов,

[63] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, ч. 2, вып. 1. С. 69, 364; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 21. С. 456.

бухгалтеров. Административно-руководящий персонал в структуре башкирских городов почти не изменился. Как и повсюду в автономиях, в составе городских жителей здесь слабо представлены врачи, учителя, работники культуры.

Кустарно-ремесленное производство, судя по числу занятых в нем и в 1923, и в 1926 гг. здесь было довольно развито, но оно увеличилось от 1923 к 1926 г. незначительно. Кроме промыслов, распространенных в городах других регионов, спецификой являлись мастерские по войлочно-суконным производствам, а также по горшечным. Хозяева, работающие с членами своей семьи, были связаны с огородничеством и садоводством, сориентированными на городской рынок. Мелкие ремесленники-одиночки, в основном сукновалы, кожевники, жестянщики, почти не увеличили свою численность. Если сравнивать темпы роста занятых в кустарно-ремесленных промыслах в городах этого региона с другими, то здесь они увеличивались медленнее.

В чувашских городах с восстановлением фабрично-заводской промышленности стало значительно больше рабочих, количество их от 1923 к 1926 г. возросло в 4 раза и составило 5,5 тыс. В основном это были фабрично-заводские рабочие деревообделочного производства. Кроме того, увеличилось число рабочих-печатников. Оживилась кустарно-ремесленная и мелкая промышленность, преимущественно пищевая, кожевенная, сапожная. Хозяева с наемными рабочими увеличили свою численность более чем в 10 раз, но предпринимательство здесь было до 1926 г. крайне неразвито. В 1923 г. эту категорию хозяев представляли всего 23 человека (владельцы кузнечных заведений, мельниц, гончарных мастерских). Торговцев было меньше, чем в других регионах. Основную массу хозяев составляли земледельцы-огородники, обслуживавшие городской рынок. Хозяева, не прибегавшие к найму, здесь превосходили по численности любую другую категорию, являясь владельцами земледельческих-огороднических хозяйств, работавшими с членами своей семьи. Среди хозяев этой категории встречались кузнецы, кожевники-башмачники, хлебопекари, довольно много торговцев. Мелкие ремесленники-одиночки увеличили свою численность более

чем в 2 раза – среди них были бондари и бочары, столяры, портные, сапожники. В отличие от городов других регионов, где сократилось количество лиц «свободных профессий», эта категория к 1926 г. здесь несколько увеличилась, в основном за счет священнослужителей[64].

Города Республики немцев Поволжья существенно изменили от 1923 к 1926 г. свой социальный состав. В 1923 г. рабочих, связанных с фабрично-заводской промышленностью, здесь насчитывалось 4,6 тыс. (18 % от всего населения), в основном они были связаны с мукомольной и ткацкой промышленностью. В городах проживал немногочисленный слой служащих, хозяев с наймом рабочей силы было мало. Города были заселены в значительной степени хозяевами, работавшими только с членами своей семьи и производившими сельскохозяйственную продукцию на рынок. Встречались ткацкие и сапожные мастерские. Однако слой торговцев среди хозяев этой категории был значительным. Много было ремесленников и кустарей-одиночек. Среди лиц «свободных профессий» основную часть составляли священнослужители и профессионалы-музыканты[65]. К 1926 г. численность рабочих возросла до 6,4 тыс. человек. Появились рабочие специальности, связанные с металлургическим, текстильно-красильным и табачным производством. Но особенно высокий процент прироста дало предпринимательство: число хозяев с наймом рабочей силы увеличилось в 5 раз, причем главным образом за счет торговцев. Интерес представляют изменения в составе служащих: их численность выросла в 2 раза, в основном за счет административно-руководящего персонала. Заметно увеличилась численность и инженерно-технического персонала, медицинского и работников просвещения. Наметилось оживление кустарно-ремесленного производства без найма рабочей силы, но основным занятием хозяев этой категории осталось сельскохозяйственное производство на городской рынок.

Мелкие кустари-одиночки были заняты текстильным, сапожным промыслом. Их численность, как и хозяев, работавшими

---

[64] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 20. С. 396.

[65] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, ч. 2, вып. 1. С. 240.

с членами своей семьи, возросла на 1/3. Лиц «свободной профессий» стало меньше, но большая их часть по-прежнему состояла из священников и музыкантов[66].

Для городов всех регионов в первой половине 20-х годов была характерна хроническая безработица. Безработные повсеместно составляли значительную категорию населения: доля их среди горожан на Северном Кавказе составляла от 9 до 11 %, а в Крыму, куда они, по всей вероятности, стекались в надежде заработать весной, – 15 %. В 1923 г. в силу слабой урбанизации и индустриализации относительно мало безработных было зарегистрировано в городах Туркестана и Киргреспублики: 3–5 %.

К 1926 г. положение с безработными несколько изменилось. Наметилась тенденция к их сокращению, которая прослеживалась в городах большей части регионов. Уменьшилась их численность в Европейской России, в Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке и в Крыму (см. табл. 21, 23, 25). Но все еще много безработных было в Сибири – 32 тыс., в Крыму – 16 тыс., на Дальнем Востоке – 17 тыс. и т. д. Особенно многочисленные контингенты безработных сосредоточивались в крупных городах. Однако были регионы, в которых по разным причинам безработица увеличивалась, например – на 6 тыс. человек в городах Северного Кавказа, а также Средней Азии (в одном Узбекистане их стало 14 тыс.), в Якутии – в 2 раза.

На сокращение безработных в городах развитых в промышленном отношении районов влияли восстановление промышленности, преодоление разрухи в хозяйстве, начавшаяся подготовка к индустриализации страны (города Европейской России, Урала и др.).

В принципе анализ состава безработных в городах разных регионов приводит к выводу, что процесс разорения собственников в условиях нэпа и пополнения за счет них ищущих работу, как правило, был невелик (до 2 %). Это говорит о том, что мелкие собственники обладали в городах большой устойчивостью и процесс дифференциации их глубоко еще не затронул.

Молодежи, впервые ищущей работу, среди безработных было немного: от 4 до 14 %; абсолютная численность – несколько сот человек.

---

[66] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 20. С. 546.

Города всех регионов имели группу иждивенцев государственных и общественных организаций. В городах Европейской России и Крыма их было больше, на Северном Кавказе, на Дальнем Востоке, в Якутии и Средней Азии – меньше. К 1926 г. в городах всех регионов численность иждивенцев возросла.

Иждивенцы состояли из нескольких групп населения: детей в приютах и детских домах, учащихся в интернатах, инвалидов в инвалидных домах, больных в больницах и санаториях, учащихся, получающих стипендии и пайки, пенсионеров. Внутреннее соотношение этих групп было в разных регионах неодинаковым. В 1923 г. больше всего детей находилось в приютах городов Северного Кавказа (8 тыс., 25 % от всех иждивенцев) и в Киргизской АССР – до 1/2 всех иждивенцев (7 тыс.)[67].

В 1926 г. число детей-сирот в приютах и детских домах сократилось, поскольку сиротство было наследием войн и сирот в мирное время было меньше.

Учащихся-стипендиатов больше всего было в городах Центральной России (113 тыс.), довольно крупные контингенты их сосредоточивались в городах Северного Кавказа, где они составляли 1/5 часть всех иждивенцев региона; меньше их было в Средней Азии, на Дальнем Востоке. К 1926 г. в связи с расширением сферы образования и помощью государства учащимся их доля среди иждивенцев увеличилась с 1/4 до 1/3[68].

Пенсионеров в РСФСР насчитывалось всего 112 тыс., 2 % от городского занятого населения республики. Есть регионы, в которых численность пенсионеров была очень мала: Киргизская АССР, Дальний Восток. В каждом из регионов их число не превышало 1 тыс. человек[69].

К 1926 г. в РСФСР численность пенсионеров увеличилась до 327 тыс., 4 % от состава населения. Больше всего пенсионеров было в Сибири, на Дальнем Востоке. Там, очевидно, в связи со

---

[67] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, ч. 2, вып. 3. С. 53, 34–35, 143; ч. 2, вып. 1. С. 408–409.

[68] Там же, ч. 2, вып. 1. С. 45; ч. 2, вып. 3. С. 53, 34–35, 143, 296, 35; ч. 3. вып. 1. С. 409.

[69] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 26. С. 160; Т. 23. С. 141; Т. 24. С. 137; Т. 31. С. 221.

сложными природными условиями назначались более ранние пенсии. Однако ни в одном из регионов их удельный вес среди самодеятельного населения не превысил 4 %[70].

В 1923 г. в тюрьмах городов РСФСР содержались 98,5 тыс. заключенных, которые также входили в группу иждивенцев госучреждений; их удельный вес составлял 1,4 % от всего самодеятельного населения. Перепись дает возможность выявить места их сосредоточения: это прежде всего Сибирь – 13 тыс., Дальний Восток – 4,7 тыс. и др. районы. Соответственно от самодеятельного населения этих регионов они составляли 3 %; 2,3 %. В других регионах заключенных было намного меньше. К 1926 г. число заключенных увеличилось в РСФСР до 141,7 тыс., а удельный вес – до 1,8 % среди самодеятельного населения городов. В целом в городах СССР содержались в то время 204 тыс. заключенных. По-прежнему много заключенных по сравнению с другими регионами было в Сибири (18,4 тыс.), в 1926 г. стало и в Казахстане (4,5 тыс.). Причем эта категория иждивенцев составляла 4,1 % городского населения, в Казахстане – 2,3 %[71].

В городах в первой половине 20-х годов перепись зафиксировала такую категорию населения, как «живущие продажей имущества». Она существовала и в другие времена, революция же увеличила ее численность. Обычно это были вдовы или несовершеннолетние, потерявшие кормильца. Но в 1923 г. среди «живущих продажей имущества» было много мужчин, примерно 1/3, а в некоторых регионах и более. Вероятно, это «бывшие», которые продавали уцелевшие остатки имущества. Из-за малого удельного веса в самодеятельном городском населении переписи эту категорию, как правило, не фиксируют. Но городская перепись 1923 г. сделала исключение, так как в среднем по большинству регионов доля ее достигала среди горожан 1,5–2 %, а в Сибири и Кирреспублике – несколько выше[72].

---

[70] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, ч. 2, вып. 3. С. 34–35, 215.

[71] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 26. С. 160; Т. 28. С. 116; Т. 23. С. 141; Т. 25. С. 78.

[72] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, ч. 2, вып. 3. С. 34–35, 53, 143, 215.

В то время в городах не было изжито деклассированное население, бóльшую часть которого составляли нищие. Система социального обеспечения охватывала далеко не всех, кто не имел средств к существованию. Нищенствовали в основном старики и дети. Среди нищих преобладали женщины. Доля этой категории населения составляла 90–99 % всех деклассированных по всем регионам. В РСФСР было 30 тыс., на Северном Кавказе – 2,1 тыс. и т. д. (удельный вес в РСФСР в целом среди горожан – 0,3–0,4 %).

Среди деклассированных небольшую долю составляли проститутки и сутенеры. Конечно, перепись зафиксировала их неполно. С проституцией велась активная борьба, и многие скрывали этот род занятий. В Сибири и Киргизской АССР они исчисляются единицами, на Северном Кавказе – десятками, а на Дальнем Востоке – их больше: 7 % от всех деклассированных[73].

К 1926 г. в некоторых регионах деклассированные обнаруживают слабую тенденцию к сокращению численности, например в Европейской части РСФСР, Дальний Восток. Но в некоторых регионах численность этого слоя населения продолжала возрастать.

Итак, мы видим возрождающуюся в мирных условиях социальную структуру, характерную для города в условиях рыночного хозяйства, со всеми присущими ей элементами – предпринимателями, рабочими, служащими, бюрократией, ремесленниками и торговцами, интеллигенцией, рантье, пенсионерами, безработными, нищими и проч. Все это элементы естественно развивающейся городской структуры, которые лишь искусственно могут быть поделены на старые, «капиталистические» и новые, «социалистические». Однако развитию этого естественного процесса препятствовали тенденции к всеохватывающему государственному обобществлению и государственно-административный диктат. Выражалось это, в частности, в усиленном развитии госсектора и связанного с ним административного аппарата, который сдерживал предпринимательство, консервировал малоэффективное «трудовое» хозяйство, препятствуя функционированию капитала в

[73] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Т. 20, ч. 2, вып. 3. С. 215, 143, 287; ч. 3, вып. 1. С. 409.

производственной сфере и торговле и т. д. Но в первой половине 20-х годов естественные социальные процессы еще пробивали себе дорогу, в дальнейшем их развитие было насильственно прервано «сверху».

Восстановление хозяйства повсюду оказало влияние на изменение социального состава городского населения, хотя влияние это было неодинаковым. Там, где урбанизация и индустриализация достигли заметных успехов еще в дооктябрьский период, где были развиты предпринимательские отношения, несмотря на последствия «военного коммунизма» и «ограничительную» государственную политику, довольно интенсивно возрождались характерные для городской структуры первого десятилетия 20-х годов социальные слои – предприниматели, рабочие, торговые и промышленные служащие, ремесленники, рантье и проч. (Европейская Россия, Сибирь). В городах Средней Азии и ряде автономий Европейской России все еще продолжали сохраняться элементы структуры средневековых городов. Введение нэпа способствовало развитию предпринимательских отношений и здесь. Успешно в них втягивались переселенцы из других регионов России, осевшие в этих городах. Что ж касается коренного населения среднеазиатских городов, то наивно полагать, что там можно было быстро изжить патриархальный уклад. Однако развитие рыночных отношений создавало возможность для его разрушения. Этот процесс требовал длительного времени. А пока, в условиях первой половины 20-х годов, сохранялись и продолжали существовать феодально-родовая знать и зависимые от нее категории населения, вплоть до рабов.

Таким образом, региональные особенности социального облика городов обусловливались уровнем урбанизации и индустриализации регионов, их хозяйственной специализацией, а также национальным укладом жизни, традициями сложившихся там отношений и степенью влияния на них переселенцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальные потрясения, которые обрушились на Россию, начиная с 1914 г., оставили тяжелый след в развитии демографических процессов, деформировали возрастно-половой состав населения, породив глубокие «демографические ямы» в возрастной пирамиде, нарушили соотношение полов. Эти деформации носили «крупномасштабный» характер, охватив всю территорию Российской Федерации и на несколько десятилетий вперед определив аномалии в воспроизводстве населения.

Как мы видели, в середине 20-х годов российское общество являлось в основном традиционным по типу воспроизводства населения, но в связи с людскими потерями и нарушением соотношения полов в стране сложилась неблагоприятная демографическая ситуация. Повышенная компенсаторная рождаемость лишь отчасти смогла восполнить убыль населения.

Пережитые бури были тяжелыми и для социального состава общества. Обнищала деревня, обезлюдили города, была разрушена промышленность и обескровлена торговля. От разорения страны, голода, разрухи пострадали все социальные слои. К середине 20-х годов в связи с восстановлением промышленности и рыночных отношений, оживлением городов возрождалась и соответствующая этим условиям социальная структура населения. Однако этот процесс пришел в противоречие с политикой государства и деформировался, породив в городе такие противоестественные явления, как мимикрия предпринимательства, уравнительное распределение доходов, а в деревне – затянувшееся состояние «равенства» по уровню бедности, препятствовавшее свободному развитию имущественной дифференциации, накоплению капитала, высвобождению рабочей силы и т. д.

Тогда, в первой половине 20-х годов, естественные процессы и тенденции социального развития еще пробивали себе дорогу, и социальный состав населения представлял собой сложное переплетение многообразных слоев и групп и их интересов. Единственная в своем роде перепись 1926 г. дала возможность получить объективный и полный материал для ответов на те вопросы (относительно характера социально-демографических процессов в России того времени), которые были поставлены во введении книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I. Возрастно-половой состав населения: произошла ли демографическая компенсация в середине 20-х годов? 7

ГЛАВА II. Была ли российская деревня «середняцкой»? 32

Последствия войн и аграрной революции для крестьянского хозяйства 35

Введение нэпа и «постсоциализированная» деревня 60

Российское крестьянство в 1923–1926 годах 77

ГЛАВА III. Городское население: «новая» структура? 122

Тенденции и противоречия в развитии социального состава российских городов 122

Социальный состав городского населения в регионах: особенности развития 149

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 197

Валентина Борисовна Жиромская

После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов

2-е издание, стереотипное

Корректор *М. Глаголева*
Верстальщик *М. Глаголева*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru